

3
2005

РОСССНЯ XXI

3. 2005 май-июнь

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Точка сборки 4

Россия в мире

Ксения Мяло

Та война 50

Ярлыки и мифы

Валерий Каджая

Как воевали евреи: по Солженицыну
и в действительности 66

Страницы истории

Валентина Марьина

К истории освобождения Праги.
5–9 мая 1945 г. _____ 102

Актуальный архив

Виктор Мальков

Невыдуманная картина начала
II мировой войны _____ 134

Владимир Печатнов

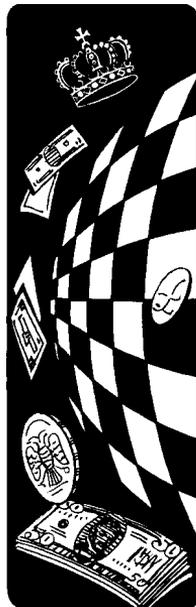
Пейзаж после битвы:
поверженная Германия
глазами американцев _____ 172

Contents in English look at the page 200

Сущности вступали в отношения с нами, то меняя свой облик, то его сохраняя, то будучи лишенными облика, и предоставляли нам возможность вступить в отношения с ними. Сущность обращалась к нам из своей трансцендентности, сходила к нам, показывалась нам, обращалась к нам – в нашу имманентность. По собственной воле Грядущий вышел из тайны своей отрешенности – не мы вызвали его приход. Издавна этим отличалась религия от магии; ибо в того, кого человек мог, как ему казалось, заклинать, нельзя было больше верить как в Бога – пусть он даже

продолжал фигурировать под этим именем. Он превращался для человека в пучок сил, в отношении которого тот располагал тайным знанием и тайной властью. К тому, кто заклинает, больше не обращаются, в нем больше не пробуждается ответ, и, даже если он читает молитву, он уже больше не молится.

Мартин Бубер

Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

ТОЧКА СБОРКИ:

**ПОБЕДА КАК ГЛАВНЫЙ НЕРВНЫЙ УЗЕЛ
ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ,
КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПРОБЛЕМАТИКИ[□]**

To discover itself the present day Russia needs a unifying idea, an «assembly point». The author think that Russia'a victory in the WWII can serve as such «assembly point» because understanding of that war essence is not just tribute of its memory. The 60th anniversary of the Victory may and ought to become for everybody at least an attempt to gain the point of assembly. However we see that nowadays attempts are undertaken to draw a line under the War which has the eternal, ontological meaning and to misrepresent its essence. WWII is an enormous battle in which Communism saved the world from Nazism, the battle of the modern and the counter-modern. Equalization of Communism and Nazism as two expressions of totalitarianism is absolutely inadmissible for these phenomena are antipodes, foci of two antagonistic mega-systems. The principal aim for Nazism was to overcome the modern completely. In terms of geopolitics that meant destruction of the USSR and the USA. In terms of philosophy of history that meant complete destruction of Liberalism and Communism. During the cold war the West used Nazis, having integrated them in its elite. In result of that incorporation the West became the murderer of its own modern. Now the humankind can be saved only by the «living meaning» of the renovated modern.

[□] Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 28 апреля 2005 г.

I.

МЕТАФИЗИКА РАССМАТРИВАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

Помните, как новобранца учат обращаться с автоматом Калашникова? Его подробно инструктируют, как именно разбирать этот автомат. А что говорят по поводу сборки – помните? «Сборка производится в обратном порядке».

Конечно, страна (государство, общество) – не автомат Калашникова. Это сверхсложная система. Но в той мере, в какой произошедшее со страной можно считать обратимым (а окончательно в этом мы можем убедиться только на опыте), собрать распавшееся можно, только совершая нечто, так сказать, в обратном порядке. Еще раз повторяю, тут нет никаких прямых аналогий. Это метафора – и не более. Но это также... как сказать? Это метафора – и не менее.

Ну, хорошо... Получили мы метафору – что дальше? Нам ведь не метафоры нужны. Нам что-то как-то надо собирать. И, используя классику современного новояза, собирать нам надо не «ващще», а «чисто конкретно». И куда нам эту метафору приспособлять? Она ведь не отвертка, не гаечный ключ, не сварочный аппарат. Так-то оно так. Но ведь и собирать мы намерены не автомат Калашникова, не танк и даже не какую-нибудь там «Бурани-Энергию», а нечто неизмеримо более сложное. Уже потому неизмеримо более сложное, что живое.

Тут само-то слово «собрать» нужно использовать весьма осторожно. Что значит «собрать»? В кучу, что ли, собрать? Агрегат развалился – и мы в кучу собираем утиль-сырье? Почему мы вообще считаем, что нужно что-то собрать? А может быть, не собирать надо? Может, мы танцуем не от той семантической печки? И вообще – верим ли мы в творящую силу слова? Если не верим, что оно было в начале, ради чего прицениваемся, присматриваемся? Значит, верим... Но тогда в чем творящая мощь этой самой «лингвоконструкции»?

На первый взгляд, слово «собрать» не обладает никакой особой энергетической аурой. А поскольку вдобавок мы не хотим вопить о разных там соборностях и соборах, поскольку помним, что соборность у нас слишком часто превращается в разборность (то есть в разборку, драку, грызню), то проблематичность нашей лингвистической печки, от которой мы собираемся танцевать, лишь наращивается.

Но есть один лингвистический поворот, который предлагает сразу и выходы, и возможности. Помимо соборов и собраний, есть другие

сходные слова. Главное из них – «собраться» (собрать себя). И еще одно слово – «собранность» (сосредоточенность, сконцентрированность).

Есть я как личность, как сверхсложная живая система. И чувствую я, что со мною происходит что-то не то. Что нет мобилизации, нет драйва, а есть прямо противоположное. Что в меня входит какая-то энтропия. Что одолевает меня какая-то сила, родственная распаду. Если я хочу что-то этому противопоставить – что я говорю? Я говорю самому себе: «Надо собраться!»

Что я имею в виду при этом? К какому значению этой самой сборки я адресуюсь? Я ведь не гаечный ключ беру, чтобы себя, как робота, свинчивать. Я ведь в этом смысле и не распался вовсе. Значит, я к чему-то другому адресуюсь. Что-то другое из этого самого «надо собраться» черпаю. А что именно? Все понимают: именно то, что связано с собранностью как сосредоточенностью, сконцентрированностью etc.

Какая здесь идея заложена? И в чем она заложена? Она не в логике ведь заложена, а в чем-то поважнее. В языке, в логосе! Как там, на новоязе? «Это вам не хухры-мухры!» Язык подсказывает нам, что собраться (то есть собрать себя) можно только через собранность, то есть сосредоточение. Что нужно на чем-то сосредоточиться. Нужно найти в себе эту самую точку сборки и кинуть в нее весь оставшийся ресурс – энергетический, ментальный, любовный. И тогда от точки, принявшей эту жертву собирания, начнут исходить волны, излучение. Это излучение... то ли разбудит засыпающее... то ли изгонит внедрившееся... Но в любом случае повернет процесс. И если суть процесса в распаде, то бишь в разборке, то... то после такой ресурсной инвестиции в точку сборки нечто и впрямь начнет совершаться, так сказать, в обратном порядке.

Так-то оно так... Но ведь собраться-то (в смысле сосредоточиться) я должен не на чем попало... У меня вот зуб болит... Ну, я на этом сосредоточусь – и что? Куда меня такое сосредоточение мобилизует? В лучшем случае, на поход к зубному врачу (что, кстати, тоже не так уж мало, если учесть, что мы оперируем не конкретикой, а образами, метафорами). Но все же ясно, что для того, чтобы собраться, то есть собрать себя, я должен сосредоточиться на собственной сути, собственной опорной, системообразующей самости. На своем сверх-Я, своей судьбе, своем пути, своей миссии. Ясно также, что способы (ненавижу слово «технологии», хотя иногда вынужден его употреблять)... Так вот, способы такого «собирания – сосредоточенья» вряд ли могут избежать адресаций к очень непростому символическому началу.

Если у меня нет живых символов – а это «нет живых символов» включает малейшую фальшь, – нет моего сверх-Я. А если его нет – не могу я собраться. Потому что, чтобы это «Я» собирать, я должен из него куда-то выйти. Я должен увидеть свой распад и то живое, что во мне сопротивляется центробежному, цепляясь за центростремительную остаточность. А куда я выйду? Или в сверх-Я, или в Ничто, в Бездну. Но если я без сверх-Я в это самое Ничто часиком заверну, то оно меня и поглотит. И никакой сборки не будет, ибо собирать будет нечего.

Я не люблю посещать церковь и присутствовать при церковных обрядах... Мне всегда кажется, что, будучи чужим на этом уважаемом мною празднике, я выступаю в чем-то в роли соглядатая. В конце концов, доводя до крайности, вы же не будете подслушивать чью-то исповедь, это-то очевидным образом скверно. Согласившись с подобной констатацией, как можно не согласиться с тем, что подглядывать за живым соитием человека с его живыми же символами тоже нехорошо. Как минимум, неловко.

Но не присутствовать я порой тоже не могу. У близких умирают родственники... Друзья умирают, и их родственники стремятся обеспечить симвонологию смерти, адекватную сегодняшним представлениям (во многом, увы, приходится признать, – сегодняшней моде). Обряд-то для меня чужой, но что такое симвонология – я хорошо себе представляю. В конце концов, я на это как театральный режиссер лет этак сорок «убухал». И я испытываю в рамках этой обязательной культовой сопричастности не только неловкость, связанную с присутствием при чужом соитии с символами. Эта неловкость есть неловкость первого рода. А есть и неловкость второго рода, и она, увы, абсолютным образом доминирует.

Я же не слепой и вижу, что... ну, как точнее сказать... явное большинство вообще не понимает, что такое молиться. Однако – молятся. И иногда даже с некоей, так сказать, внешней истовостью. Но поскольку суть любой молитвы в установлении связи с собственной высшей сущностью через соответствующее взаимодействие с символами, то не может быть попыток установить эту связь, если попирается все, связанное с «символическим операционализмом».

Конечно, каждый такой операционализм специфичен. И некоторые специфические, тонкие особенности этого операционализма можно уловить только находясь внутри конфессии. Но я ведь не о тонких особенностях говорю! Я говорю о том, что объединяет все виды символи-

ческого операционализма – от шаманских радений до сверхсдержанных процедур протестантской (истинной, живой) культовости.

Суть всего этого в том, что люди, осуществляющие тот или иной символический операционализм, СОБИРАЮТСЯ. То есть собирают себя вокруг собственного сверх-Я, соединенного с символическим фокусом, а через это с Эгрегором. Христианский это Эгрегор, мусульманский... Эгрегор вуду или Эгрегор якутского шаманизма... Не скажу, что это не имеет значения, отнюдь! Во многом это имеет решающее значение! Вот уж где ничего нет и не может быть, так это в суррогатных экumenизмах, где за счет «осреднения» исчезает суть!

Однако, признавая все различия, всю несводимость друг к другу различных симвонологий и символических операционализмов, мы же понимаем... Словом, бег – это не бокс, а бокс – не борьба. Но там везде есть тело и есть законы его использования... Дух не тело, но настоящий религиозный праксис – не тяп-ляп.

И никого я не хочу обижать, и стою не из любопытства, а из других, этических и просто человеческих, обязательств, но... Видеть все это – настоящая мука. Хорошо еще, когда так называемые «сановитые подсвечники» просто «отбывают номер». А если в этих корчах духа, выдаваемых за религиозную практику, размещается этакая ретивость? Это же намного страшнее! Потому что в этом случае нельзя себя не спросить: «Что он (она) так старается? Ведь никакого операционального результата это старание приносить не может при его чудовищной неуклюжести. Не может быть тут какого-либо эффекта. Тогда зачем он (она) так "мылится"? Ведь речь идет о самом главном – о смерти и бессмертии, о метафизике, онтологии, бытии. Жизнь – одна. И валять дурака в отношениях с тем, что находится за ее гранью... Зачем? Ладно, кто-то из карьерных соображений. Но если этого нет и если такая ретивость и такая очевидная антирезультативность, то в чем смысл? Лучше бы "стакан приняли", песню спели... Может, через это к чему-нибудь и приблизились...»

Почему я вообще об этом говорю? Потому что собираться надо, надо собирать себя вокруг чего-то, вокруг реальных точек символической правды. А нынешняя жизнь ломает в человеке все, что могло бы привести его к пониманию сути этого «собирания себя».

Это как с актером на сцене. Что самое страшное? Что он фальшивит? Отнюдь! Самое страшное, что он не понимает, чем фальшивое отличается от настоящего. Если он понимает, что фальшивит, то исправить фальшь – дело техники. С этим любой вменяемый режиссер справится.

А вот если актер не понимает, чем фальшь отличается от правды, если в нем сломан духовный, человеческий, творческий камертон, то обычными методами ты с ним ничего не сделаешь. Тут никакой режиссер не справится. Тут нужен учитель, ну, не знаю... не Вахтангов даже, а Сулержицкий... И то нет никаких гарантий, что что-то получится.

Но я ведь не об актере говорю. Актер здесь так, пример... Очередная метафора. Я о человеке говорю и об обществе. Собраться надо. А выход на «собирающее в себе», на эту самую точку сборки, невероятным образом затруднен. В этом и состоит суть нынешней российской метафизической Травмы. В этом – профессионализм тех мерзавцев, которые эту Травму организовывали и усугубляют. Маркс говорил об отчуждении в том, что касалось средств производства. Он на этом не останавливался. Он понимал, что отчуждение от средств производства в качестве средств обеспечения деятельности вообще означает нечто гораздо большее, нежели просто эксплуатацию (примитивное извлечение из этого отчуждения прибыли и сверхприбыли). То есть, в конечном счете, речь идет об отчуждении человека от себя самого, своей сути (неизбежно имеющей символическую природу).

Но марксовский оптимизм базировался на том, что природа капитализма не позволяет замкнуть это отчуждение, сделав его тотальным. Частичный работник все же остается человеком. То есть не становится «антропочастичностью».

Ленин уже был менее оптимистичен (если внимательно читать «Империализм как высшая стадия развития капитализма»). Каутский был еще менее оптимистичен (ультраимпериализм, ультрамоноимпериализм и т.п.). Фрейд-марксизм, Эрих Фромм с его «бегством от свободы» и Герберт Маркузе с его «одномерным человеком» (одномерный – значит антропочастичный) довели пессимизм до признания возможности отчуждения от человека всего человеческого. Именно всего – целиком и полностью. Что дальше? Постмодернизм, исследование возможностей так называемого шизокапитализма... По сути – исследование возможностей разрывания связей между смыслом и мотивацией, мотивацией и всеми видами ее «энергообеспечения».

В этой ситуации невозможен выход ни на какую точку сборки. Человек может забавляться с любыми символами. Но это будет именно забава, «игра в бисер». Человек будет забавляться мертвыми символами. Смерть смыслов – это и есть смерть символов. Символы оказываются экспонатами, чучелами в музее. Человек может забавляться в том числе

и религиозными символами. Главное – он должен забавляться. Он должен потерять серьезность.

Потеря серьезности – очень важная черта постмодернистской «плюралистической диктатуры». Ибо, в каком-то смысле, серьезность является синонимом революции. И в той же мере революция является синонимом истории и судьбы. «Революция как любовь! Горе тому, кто этого не понимает!» (Ромен Роллан). Блок писал о музыке революции. В каком-то смысле любая музыка революционна, по крайней мере, любая серьезная музыка. Недаром героя «Волшебной горы» сразу предупреждают: «Бойтесь музыки, инженер!»

Подмена революции спецоперацией (а я уже не раз говорил о том, что в этом содержание так называемых «банановых» революций) основана все на той же ампутации серьезности. Именно спецслужбы, осуществляющие подобную подмену, они сами и их адепты (вольные или невольные), рассуждают о серьезности со знаком минус. Называют эту серьезность «звериной серьезностью». Мол, де, животные бывают серьезными, а отсутствие серьезности, веселье, праздник – это существенно человеческая специфика.

К празднику мы еще перейдем. Здесь же необходимо заметить, что именно серьезность является фундаментальным человеческим свойством. Потому что серьезность в онтологическом смысле знаменует собой принятие человеком вызова человеческой смертности.

Вопрос не в смертности как таковой. Зверь может выть в предчувствии смерти или по поводу гибели ценимой им рядоположенной особи. Но принять вызов смерти может только человек. И только в этом принятии, доведенном до тотального переживания, в котором сливаются признание и отрицание, рождается символическое. Оно рождается вместе с серьезностью и вместе с ней умирает.

Смех убивает бога – и в этом суть карнавала. Спецоперация, суррогатное действие на тему о революции, во многом строится на теории и практике карнавала. Мысль о возможности убить через это дух подлинной революции, видимо, согревала не только западную, но и нашу номенклатуру. Отсюда и особый интерес к Бахтину. К постмодернизму. К клоунаде и комикам. Герой фильма Сабо «Мефисто» интересуется актером как носителем торжественности, суррогата серьезности. Это качество классического фашизма. Неофашизм начинает интересоваться комиками. Ему нужен черный юмор, жестокий фарс. Отсюда уже один шаг до маркиза де Сада (подлинного создателя теории террора), один

шаг до шоу террористических акций, которыми может с ужасом упиваться нынешняя российская публика.

Карнавал и черный фарс – это возлюбленные романтиков, ненавидевших Просвещение. Для Великой Французской революции важнее фригийского колпака были Расин и Корнель. Для Наполеона важнее всех властных побрякушек была героизация, осуществляемая тем же Давидом, который перед этим воспринял дух французского революционного героизма. Молодежь начала XX века, готовившая новую революцию во Франции, религиозно верила в труд и серьезность. Ее называли поколением серьезных молодых людей. «Шутки в сторону, господа! На сцену выходит Ее Величество Революция».

Революция никогда не разрывала с символическим и святым. Свергая одни символы, она сразу заменяла их новыми. Революция, по сути, не имеет другого оружия, кроме релевантности символов, их насыщенности «зжидательным смыслом». Иначе она не революция. То, что произошло в России в конце 80-х годов XX века, было лишено всяческой символической самости. Это была первая антисимволическая спецоперация мирового масштаба, выдававшая себя за революцию.

Ельцина не устраивала коммунистическая символика? О`кей! Его право! А какая символика его устраивала? Символика дореволюционной России? На ней топтались ничуть не меньше, чем на коммунистической. Ее использовали, как таран, для того, чтобы смести враждебную атакуемую символику «красного». Но ей не дали ходу. И не случайно. У новой России нет праздников и нет символов. Есть оргмероприятия и эмблемы. А это не одно и то же.

Какое-то время казалось, что семантическое поле христианского возрождения сможет поддерживать в обществе хотя бы энергетический минимум идеального. Но и этого не произошло. Безыдеальность как синоним либерализма? Да пойдите вы! Причем тут либерализм? Что такое либерализм вне революции и истории? Что такое либерализм вне симвонологии совести и свободы? И что такое эта симвонология? Она ведь не эмблематика! Через нее должна прорываться в мир подлинная большая энергия!

В нормальном обществе карнавалу отведено строго определенное место. Нет и не может быть уравнивания всей праздничной стихии со стихией карнавального праздника. В России – что ни праздник, то карнавал. Но даже в карнавале есть хоть какие-то смыслы. Чтобы выворачивать смыслы наизнанку, надо их иметь. Российская праздничность

вообще не оперирует смыслами. Суть ее – даже не выморочный обряд, а пьянка, чревоугодие, разврат... Либо отбывание номера.

Для праздника создается символическое пространство. И в это пространство приходит Смысл. Праздник и есть встреча со Смыслом. Встречаясь с ним, обретая его в себе самом, человек прозревает. В высшем смысле этого слова. Прозрев же, он может увидеть свой Алеф, свою метафизическую точку трансформации, точку сборки.

Фильм «Белорусский вокзал» символически чудовищен. Это самопризнание – признание в самоисчерпании. Герои не могут выйти на собственный смысл. Они не знают, что с этим смыслом делать. Но во всем саморазоблачении (и авторском, режиссерском, и исполнительском) еще размещено атавистическое ощущение обязательности смыслов и праздников. И потому – в финале нужно показать Войну и Победу. Мол, мы вне смыслов, но они где-то блуждают, путешествуют в отчужденно изгнанном состоянии.

Да что «Белорусский вокзал»! Целая серия фильмов лучшего качества – «Июльский дождь», «Застава Ильича» и т.п. – должны были иметь этот обязательный атавистический орган праздника Войны и Победы. Внедрение всего этого в фильм происходило по пресловутому принципу «бога из машины». Идет-идет абсолютно безблагодатная, беспраздничная и несправедливая жизнь, а потом к этому пришивается праздник и благодать.

Пришивается грубо, белыми нитками, но ведь пришивается. А зачем? Только из цензурных соображений? Отнюдь! Просто человек той эпохи подобным образом сшивал себя со смыслом. Смысл был уже отделен, оторван, локализован и ампутирован. И, по большому счету, было уже непонятно, зачем он нужен и что с ним делать. Но чтобы его просто не было?! Извините! Приличия не позволяли! И потому смысл брался извне и пришивался в виде заплаты. Очень грубо и нарочито. Бессмысленно – как пришиваются заплаты на трико Арлекина.

Только такая сшивка смысла и бытия позволяла в дальнейшем оторвать одно от другого. Смысл и отрывали, как заплаты от трико. И «высший кайф» был гулять в этом костюме, где вместо заплат – прорехи.

Но прореха – штука сложная. Она существует только до тех пор, пока есть память о трико и о том, что заплату оторвали и вместо нее – прореха. Когда исчезает «вместо нее» – что такое прореха? Банальная дырка! И в чем тогда комизм? А в том, чтобы оставшуюся часть трико изгваздать новыми заплатами, а затем создать новые прорехи на месте этих заплат. Так трико превращается постепенно в «вездеразрыв-

ную» ткань квазисмысла. В «тонкодырчатую» сеть, в которую укутана Нагота.

Сеть спадает. И уже не ткань, а кожу, не метафизику, а онтологию, бытие надо превращать в систему трикоподобных заплат. А дальше – отдирать заплаты, обнажая прорехи.

Нагота будет освежевана. И не может быть не освежевана. В этом антиметафизический антисмысл проводимой антиинициации. Данте отдыхает! В этом Падении нет и не может быть никакого очистительного смысла. Подробнее описывать эту антисмыслодинамику? Возможно, и следовало бы это сделать. Но есть ограничения на используемую лингвистику. На символический операционализм.

Привычный символический контекст здесь пасует. А новый не может создаваться в рамках самой текстуальности. Этому новому Контексту нужен Не-текст. То есть прямая мистериальная симвонология. Без нее мы обречены на разрыв между прецедентностью Языка и беспрецедентностью Антиинициации.

В сущности, я и не собирался в этой работе препарировать действительность, доводя каждую деталь до «онтоконкретики». Я хотел совсем другого. Чего же?

Обращения особого внимания на феномен 60-летия Победы.

60 лет – это особая цифра. Это цикл китайского календаря. Цикл, который может и не разомкнуться. У этого 60-летия гигантское количество практических смыслов. И к ним придется сейчас перейти. Но есть еще и метафизический смысл. Пройти мимо этого смысла невозможно. И без него все остальные смыслы ничего не значат.

60-летие Победы покажет каждому из вас либо вашу полную неспособность соединиться со смыслом в той степени, в какой это необходимо для собирания и собранности, либо нечто прямо противоположное. Тут важно просто преодолеть хотя бы застенчивость и иронию. И отнестись к происходящему с настоящей серьезностью.

60-летие Победы может и должно стать для каждого хотя бы попыткой обрести точку сборки. Но это означает, что оно должно перестать быть «отбыванием номера». Что на этих символах, этом смысле, этом Эгрегоре надо попытаться сосредоточиться необходимым и достаточным образом. Даже если это не удастся – достаточно хотя бы серьезно самой этой попытки. Когда-то с чем-то необходимо разорвать. Иначе «это» будет постоянно присутствовать. Крутиться в колесе, подмигивать, дискредитировать подлинность всего. Каждого момента жизни, каждого действия, каждой мысли и каждого чувства.

Признайтесь хотя бы, что эта проблема действительно существует. Что деперсонализация – не выдумка, а угроза вашему бытию. Хотя бы признайтесь, например, что вас это не пугает. В этом будет та начальная честность, которая хоть куда-то ведет. Никуда не ведет только «отбывание номера». Все в происходящем будет отбыванием номера. Все будет тотальной неподлинностью. Все нормативное будет выморочено аномативным.

Расчистите себе альтернативное пространство альтернативного праздника. Разместитесь в этом пространстве серьезно. В соответствии со своей подлинностью, а не метафизической имитацией и суррогатами. Лучше маленькая личная церковь этого праздника, чем пустота любого «отбывающего» автоматизма.

Если с этим не разорвать сейчас, не разорвать хотя бы на сугубо личностном и микрогрупповом уровне, то после 60-летия достичь чего-то серьезного будет еще труднее. В этом и состоит порочный круг: на каждом этапе можно все переломить, но на каждом этапе требуется все больше воли и сосредоточения, а их становится все меньше и меньше.

Есть ли в произошедшем тогда, 60 лет назад, для вас лично живое символическое содержание теперь? Может ли это содержание стать для вас «точкой сборки»? Есть ли для вас живые символы (ибо без живых символов сборка невозможна)? Понимаете ли вы, чем эти ваши символы отличаются от взятых вами взаймы? А также от эмблем, средств организации дежурной (большой, общественной или вашей, малой, но все равно дежурной) ритуальности?

Понимаете ли вы, в конце концов, что вы этого не понимаете, но вам важно это понять? Если вы это понимаете, то вы живы. Живы как человек. И, как человек, способны решить проблему. Потому что, встретившись с проблемой, человек всегда способен ее решить. А даже если он ее не решит, но будет за это решение биться по-настоящему, то он уже в чем-то ее решил.

Альтернатива весьма серьезна. Она всегда серьезна. Ибо не нужно мифов о неотчуждаемости человеческой сущности. Но она особо серьезна сейчас, когда эта сущность фактически отчуждена.

На 60-летие попытаются подвести черту под Войной, имеющей вечное, онтологическое значение. Понимаете ли вы, что значит подвести черту под такой Войной? Причем в условиях, когда она лишь начинается, лишь набирает мощь и обретает подлинный лик, сбрасывая все, даже самые последние, маски.

Без точки сборки вы не можете быть воином этой войны. Не становясь ее воином, вы становитесь... даже не жертвой, а... ходячим чучелом, живым питанием, служебным вспомогательным средством.

Это все проявится очень скоро. Это уже проявляется. Просто нужно все больше духовной чувствительности для того, чтобы не перестать фиксировать новые проявления Этого. А чувствительности становится все меньше.

Коллизия «Носорогов» Ионеско носит для сегодняшней России не театралный, а реально-метафизический характер. Никто не избежит встречи с этой коллизией. А исход встречи определяет личный, живой символический капитал. Жизнь этого высшего капитала поддерживается сборкой и собиранием. Праздник Победы (любой вообще, и этот в особенности) может либо поддержать эту жизнь и твое сверх-Я, либо сделать нечто обратное.

И тут каждый выбирает. И тут, действительно, третьего не дано.

II. ОТ МЕТАФИЗИКИ – К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Впервые термин «тоталитаризм» ввел в массовый оборот Муссолини в 1925 году. Для Муссолини тоталитаризм – это позитивный термин, обозначающий сильное государство, эффективно управляющее всеми сферами жизни общества на благо его граждан. Иначе говоря, для Муссолини тоталитаризм – это благо. А воплощением тоталитаризма является власть самого Муссолини.

Трудно понять, прежде всего, то, почему этот термин не шибко прижился в рамках итальянского или любого иного фашизма. Кстати, те, кто потом будет использовать этот термин со знаком минус, сразу же выведут Муссолини из сферы действия данного «минуса». Для них режим Муссолини не тоталитарен, а авторитарен. То есть является не абсолютным злом (тоталитаризм), а злом относительным (авторитаризм).

Уже в наше время на нашей российской почве это приведет к отмыванию фашизма Муссолини в противовес нацизму Гитлера. Тут ведь главное начать! Отмыл Муссолини, используя Гитлера, – дальше можно отмывать Гитлера, используя Гимmlера или наоборот.

В любом случае, аутентичный фашизм (или нацизм, неважно) не поднял на щит тоталитаризм в качестве своего позитивного самоописа-

ния. Но использовал в качестве такового! Узко использовал! Остается загадкой, как удалось выкопать это узкое использование и почему именно оно должно было быть заимствовано для построения одного из основных «мегажупелов» второй половины XX века. Ведь нельзя было просто взять это слово в качестве базового для самоопределения фашизма и поменять знак. Но и новодел, не имеющий отношения к фашизму, никто не захотел применить. Понадобилось периферийное внутрифашистское описание. Именно его раздули и поменяли оценочный знак.

Справедливости ради надо указать, что политически негативно термин «тоталитаризм» начали использовать уже в середине 30-х годов по отношению к фашистской Германии. Но именно и исключительно по отношению к фашистской Германии. Причем речь шла о плакатном использовании. О некоем негативном знаке, не имеющем никакой развертки. О бытовой агитпроповской феноменологии, лишенной какого-либо аналитического аппарата.

И все равно остается непонятным, откуда выплыл этот периферийный фашистский термин, прикладно использовавшийся антифашистами 30-х годов вне всякой аналитической расшифровки. Ведь параллельно разрабатывался другой аналитический аппарат исследования фашизма, равно как и другой аппарат исследования сталинской диктатуры. Но эти аппараты не позволяли производить никакого уравнивания понятий «фашизм» и «коммунизм». Даже если модификации указанных аппаратов относились и к фашизму, и к коммунизму сугубо негативно, аппараты не допускали уравнивания.

Но ведь никто не отбрасывает аппараты просто так! И не начинает все с белого листа, не имея для этого оснований. Значит, основания были. И связаны они были именно с этим уравниванием.

Начало положил Фридрих фон Хайек в своей работе «Дорога к рабству», написанной в 1944 году. Поскольку применительно к нашей теме фон Хайек является ключевой фигурой, приведем короткую справку, дающую возможность оценить масштаб фигуры и ее ориентацию.

Фридрих фон Хайек родился в Австрии в 1899 году.

В 1921 году оканчивает Венский университет.

В 1927–1931 гг. возглавляет Австрийский институт экономических исследований.

В 1931 году переезжает в Англию и становится профессором Лондонской школы экономики.

С 1950 по 1962 гг. работает в США, в Чикагском университете.

В 1962 году обосновывается в Германии (в ФРГ), где до 1969 года преподает во Фрейбургском университете.

В 1970 году возвращается на родину – в Австрию, где становится профессором-консультантом Зальцбургского университета.

В 1974 году получает Нобелевскую премию.

Когда говорят о том, что фон Хайек – столп либерализма, то существенным образом лукавят. Потому что фон Хайек никакого отношения к классическому либерализму не имеет. Фон Хайек из числа тех, кто в основном занят не рассмотрением своей интеллектуальной правды, не ее углублением, а борьбой с врагами. Сначала – с кейнсианством.

Но уже в ходе Второй мировой войны (что было вполне экзотическим) он от борьбы с этим, относительно для него, кейнсианским врагом переходит к борьбе с врагом абсолютным. Фашизмом? Отнюдь! Каким-то странным образом для фон Хайека это уходит на второй план. Он не становится апологетом фашизма. Но в качестве своего врага выбирает социализм. Любой социализм! По тем временам – главного врага фашизма.

Делая своей мишенью этого главного врага фашизма, что фон Хайек делает по существу? Ясно, что! Никто не отменил правила «враг моего врага – мой друг». Враг социализма, как главного тогдашнего врага фашизма, не может не стать другом фашизма!

Эта логика почему-то не интересует фон Хайека.

Как уже было сказано выше, в 1944 году (согласитесь, интересное время!) он публикует книгу «Дорога к рабству». Именно там впервые проводится уравнивание социализма и фашизма с использованием термина «тоталитаризм», вынырнувшего из научного и аналитического небытия и притороченного к началу подготовки... то ли договоренностей с фашизмом в духе Даллеса, то ли «холодной войны» в духе фultonовской речи Черчилля, то ли чего-то еще более коварного и двусмысленного.

Озарение фон Хайека по части тоталитаризма оказалось удивительно своевременным. Настолько же своевременным, насколько и надуманным. Само это, а также многое другое не позволяет относиться к открытию фон Хайека как к озарению человека свободной интеллектуальной профессии. Реакция современников в этом вопросе всегда индикативна. И эта реакция была достаточно однозначной: «Ну, ты даешь!»

При этом нельзя сказать, что книга фон Хайека вообще не имела успеха. Она, как ни странно, впечатлила именно хорошо ориентированных интеллектуалов, понимавших, куда дует ветер. А возможно, и участво-

вавших в организации новой политической метеорологии. В любом случае, показательно, что в числе одобрявших сомнительную инновацию фон Хайека были и те, с кем сам фон Хайек люто боролся. Такая комплиментарность (для тех, кто знает повадки интеллектуального зоопарка) сугубо и исключительно аномальна. Но, как бы там ни было, одобрителные отзывы на книгу сразу же дают и Кейнс, и Шумпетер, и Ясперс, и Оруэлл. Что касается Оруэлла, то его антиутопия «1984 год» написана под прямым неоспоримым влиянием идей фон Хайека.

Но одно дело – хорошо ориентированные особи, а другое дело – общество, ждавшее окончания войны и ненавидевшее фашизм. Широкие научные круги относятся к книге Хайека не просто отрицательно. Они возмущены. На тот период обнаружение какого-либо сходства между большевизмом и фашизмом (а именно этому посвящена работа фон Хайека) кажется кощунственным. Да, именно кощунственным – то есть одновременно и ложным, и аморальным.

Но Хайек не замыкается в интеллектуальной скорлупе.

В 1947 году он организует общество «Мон-Пелерин», которое должно объединить широкий круг интеллектуалов для борьбы с этим самым тоталитаризмом. При этом члены общества приравнивают (и это очень существенно) коллективизм к тоталитаризму. Для них враждебна любая теоретическая схема, предполагающая возможность единого социального целеполагания. Любое умаление индивида во имя общей цели (жертвенность – это только частный случай подобного умаления) считается недопустимым. По фон Хайеку, любой коллективизм, в конечном счете, имеет практическим результатом тоталитаризм. Пусть даже этот результат и не устраивает творцов коллективистских моделей: если в модели есть коллективизм, она неизбежно приведет к тоталитаризму на практике.

В 1952 году фон Хайек выпускает книгу «Контрреволюция науки», посвященную новым врагам. А именно – холизму (теориям, пытающимся отстать от отдельный и высший онтологический статус целостности). Понятно, что вне такого статуса нет очень и очень многого. Метафизической сферы в том числе. Но фон Хайека это не беспокоит. Кроме главного врага – холизма, есть и другие враги, на которых ополчается фон Хайек. Это сциентизм (попытка придать науке некий метафизический статус) и историзм. Что происходит со сферой общественности при тотальном искоренении подобных врагов – представить себе нетрудно. Но фон Хайек борется за такое искоренение с буквально инквизиторским рвением.

Особо ненавистны для фон Хайека не какие-нибудь там Ленин со Сталиным, а идеи парижской Политехнической школы. Той школы, которая породила в том числе и утопии Сен-Симона. Но, опять же, для фон Хайека дело не в этой предтече коммунизма, он не мелочится, не нисходит до этого. Ему ненавистен сам проектный (как он его называет – инженерный) подход к обществу, предполагающий, что человечество способно сознательно, по заранее составленному проекту, направлять свою будущую эволюцию. И не важно, каков проект! Для фон Хайека ненавистна любая такая претензия разума, называемая им «конструктивистский рационализм». В этом смысле фон Хайек ненавидит не только Фейербаха или Маркса, но и Конта с Гегелем.

В 1988 году престарелый фон Хайек выпускает новую и итоговую книгу «Пагубная самонадеянность: заблуждения социализма». В этой книге фон Хайек ополчается уже не столько на социалистов, сколько на либеральных оппортунистов, которых он называет узурпаторами, «отравившими язык». В этом смысле врагами становятся либералы США, которые узурпировали либеральный язык для отстаивания государственного вмешательства в жизнь общества, европейские либералы, которые для фон Хайека не что иное, как скрытые социалисты. Франклин Рузвельт для фон Хайека – такой же враг, как Иосиф Сталин. А мягкий Гэлбрейт ничем принципиально не отличается для него от самых жестких администраторов советского социалистического Госплана.

Таков один из отцов-основателей термина «тоталитаризм». Того термина, с помощью которого впервые кощунственно уравнили коммунизм и фашизм.

Кто же стал его сторонниками?

Характерно, что уже в 1945 году, через год после хайековской инновации, Карл Поппер в первом издании своей работы «Открытое общество и его враги» использует то же словечко «тоталитаризм», пущенное фон Хайеком. Поппер не журналист. И свою книгу писал не за несколько месяцев. Конгениальность здесь, согласитесь, крайне маловероятна. А вот возможность существования некоего штаба, начинавшего во время войны проработку будущих маневров демонизации своего нынешнего идеологического союзника, более чем вероятно.

Заговор?

Во-первых, не заговор, а вполне осмысленная многоэтапная концептуальная спецоперация. Что, такие операции не велись? Еще как велись!

А во-вторых, чем все-таки вы объясните синхронизм такого рода? Поппер начал писать книгу не после того, как он прочитал фон Хайека.

Значит, что-то носилось в воздухе! И этим воздухом дышали и Поппер, и фон Хайек? Что же это за воздух? Напомним, забегая вперед, что общество «Мон-Пелерин» было создано фон Хайеком в 1947 году. А книга Поппера написана в 1945-м. Дух Победы парил над миром! И вопреки этому почти всеохватывающему парению нужно было начинать подкоп под Победу. Согласитесь, дело нелегкое. И требующее определенного согласования во всем, что касается вброса идей, концепций, подходов и инвектив.

При этом надо учесть, что для Карла Поппера генезис тоталитаризма (и опять-таки ненавистного историзма и проектного подхода) связан не абы с чем, а с социально-политической философией Платона. Именно эта философия для Поппера насквозь тоталитарна. И из нее позже вытекали все тоталитарные политические тенденции. Солидный возникает родоначальник у тоталитаризма, главного вновь найденного зла XX века. Солидный и неудобный! Ибо тогда слишком на многое надо ставить тоталитарный штамп.

Кроме того, Поппер при проецировании своей позиции на современность еще не осмеливается уравнивать фашизм и коммунизм. Он что-то невнятно бормочет о «марксистской ловушке», об «идеологическом историзме». Наклеить на марксизм ярлык тоталитаризма он не осмеливается! Слишком очевидно, что это не так. Нет настоящей раскачки темы. Слишком высок риск. И для того, чтобы начать так рисковать, так неприкрыто предьявлять ангажемент, нужно и время, и другая решимость.

Решимость эту проявляет Ханна Арендт в 1951 году, публикуя книгу «Происхождение тоталитаризма». И тут тоже необходима справка.

Ханна Арендт родилась в 1906 году в Ганновере в еврейской семье, причем в семье, очень мощно вписанной в элитный немецкий консервативный интеллектуальный контекст.

Она получила образование в университетах Марбурга, Фрейбурга и Гейдельберга. Училась у Хайдеггера, Гуссерля и Ясперса. Во время учебы в Марбурге интеллектуальное взаимодействие с Хайдеггером дополнилось взаимодействием интимно-личным, оставившим глубокий отпечаток на всем, что касается стиля интеллектуальной жизни, метода мышления, системы критериев.

Те, кто внимательно изучал творчество Хайдеггера, понимают, что совместить такое культовое отношение к данному философу с либерализмом очень трудно. А вот с фашизмом – куда легче. То есть если и

возможен либерализм с хайдеггерианским лицом, то это будет либерализм весьма и весьма специфический.

Но Хайдеггер лишь этап в жизни Арендт. Марбургский этап. За ним наступает этап другой – гейдельбергский. На этом этапе Хайдеггера заменяет Ясперс. Уже не в смысле интимно-личном. Но и не в смысле сугубо научном. Ясперс становится для Ханны Арендт очередной «тотально-культовой фигурой», иначе – «учителем с большой буквы».

Диссертация Ханны Арендт написана на тему, далекую от либерализма. Эта тема – «Понятие любви у святого Августина». Работа опубликована в 1929 году. Научный руководитель – Карл Ясперс.

После 1933 года Ханна Арендт бежит в Прагу, затем в Женеву, затем в Париж, затем (после оккупации Франции) в США.

В 1951 году получает американское гражданство.

И в этом же 1951 году выпускает книгу «Происхождение тоталитаризма», где решительно уравнивает социализм (коммунизм) с фашизмом.

Оригинальные черты подхода Ханны Арендт к проблеме тоталитаризма мы обсудим чуть позже. Вначале надо исчерпать список всех, кто эту странную проблему брался так или иначе рассматривать.

Итак, в 1951 году выходит вышеназванная книга Ханны Арендт. И это знаменует собой новый этап в развитии понятия «тоталитаризм».

В 1955 году к компании исследователей тоталитаризма (то есть лиц, осуществляющих заведомо лживое уравнивание коммунизма и фашизма) подключается известный французский социолог Раймон Арон. Он выпускает несколько статей и фактически лишь варьирует в них основные построения фон Хайека и Арендт. Отметим, что это происходит после смерти Сталина и в преддверии будущей советской десталинизации.

В 1957 году (то есть уже после XX съезда КПСС, где был разоблачен культ личности Сталина) свою книгу со все той же уравниловкой, она же «тоталитаризм», выпускает Карл Фридрих. Книга называется «Тоталитарная диктатура». Почему-то к признакам тоталитарной диктатуры Карл Фридрих добавляет монополию на оружие. Мысль настолько же странная, насколько и далеко идущая.

Но важно не это, а то, что сразу же за книгой Карла Фридриха выходит его совместный со Збигневом Бжезинским (вот что существенно!) труд под названием «Тоталитарная диктатура и автократия». В этом неоднократно переиздаваемом труде происходит уже не просто уравнивание фашизма и коммунизма. Советский тоталитаризм назван самым

свирепым, а значит, намного более демоническим, чем фашистский. С этой сверхценной идеей Бжезинский и входит в политику, прикрываясь псевдонаучной маской. В дальнейшем в этом и будет состоять его кредо – откликаться на запрос элиты (Бжезинский чувствует этот запрос просто великолепно) и выдавать нечто как бы экстравагантное и как бы научное.

Все дальнейшее уже не имеет решающего значения.

Левенталь в 1960 году, Буххайм в 1960 и 1962 году, тот же Арон в 1965 году фактически повторяют начальные заходы по поводу тоталитаризма, все более акцентируясь именно на советском тоталитаризме.

Мощный всплеск обсуждения на Западе и в наших диссидентских кругах советского тоталитаризма, который ничем не лучше или даже хуже фашистского, происходит после публикации солженицынского «Архипелага ГУЛАГа». Мы теперь уже знаем цену солженицынской фактологии с ее жонглированием миллионами и десятками миллионов жертв репрессий. Все реальные цифры уже сотни раз перепроверены и названы (в том числе на Западе), и Солженицын мог хотя бы высказать задним числом раскаяние по поводу того, что был введен в заблуждение. Но он этого не делает, и понятно почему. Потому что не было никакого заблуждения. А было злонамеренное желание вызвать шок, разрушить коммунизм, низвести коммунизм так низко, как это возможно, и за счет этого возвысить фашизм.

За этими намерениями стояли очень серьезные советские элитные группы. Искажая цифры, Солженицын обозначал ангажемент. И еще раз показывал цену «объективности» концептуальных построений по поводу тоталитаризма.

Что-то новое в эти заходы внес Милован Джилас. Он окончательно сосредоточился на советском тоталитаризме, ввел в обиход понятие номенклатуры (книга «Новый класс»), осуществил критику советского тоталитаризма как бы от лица чего-то, знаете ли, почти левого (книги «Лицо тоталитаризма», «Несовершенное общество. Теоретическая критика современного социализма»).

Все заметнее становится, что создателей «тоталитарной уравниловки» фашизм вообще перестает интересовать. Они зациклены только на советском тоталитаризме, социалистическом тоталитаризме, демонизме СССР.

Постепенно этот агитпроп срабатывает. Ему помогают наши странные реформаторы. В том числе Гавриил Попов, обогащающий псевдонаучный агитпроп термином «административно-командная система».

Когда жупел создан – начинается новый этап. Тут не до науки. Людей выводят на улицы. И «империя зла» рушится. С соответствующими глобальными последствиями, которые расцветают пышным цветом на трупе СССР. Как говорят в народе, это цветочки. Ягодки – впереди.

После того, как задача решена, кого интересует этот самый тоталитаризм? Ричард Такер, Эрнст Нольте... Глессон, Бранденберг – кто еще? А главное – что еще сказано? Такер просто один к одному повторяет Арендт... Нольте винит коммунизм в том, что тот вызвал фашистскую реакцию в Германии... Глессон манипулирует числом жертв... Бранденберг жует жвачку под названием «национал-большевизм»...

Если бы не важность темы для будущего, то стоило ли разбираться с этой генеалогией даже на нашем, весьма конспективном уровне? Но для будущего тема крайне важна. И потому надо не только зафиксировать реестр творцов этой уравнилельной темы. Надо еще и разбираться в ее нюансах.

III. ЧТО ГОВОРИТСЯ ПО СУЩЕСТВУ?

Для Фридриха фон Хайека и Карла Поппера тоталитаризм имеет длинную и разветвленную историю. Поскольку веточками на этом древе являются и Платон, и Сен-Симон, то все вообще невероятно размыто. Виновны в тоталитаризме не только Фейербах и Маркс, но и Гегель.

Виновен, по сути, весь холизм. То есть любое представление о Целом, не сводимом к слагающим его элементам. А кто сегодня, в XXI веке, может отрицать подобную несводимость? «Система – это совокупность элементов, объединенных общей целью и связями. Качество связей и наличие целей делают Систему принципиально более сложной, нежели простой набор всего того, из чего она состоит». Невозможность свести целое к сумме частей – это уже банальность, подтверждаемая нескончаемыми фактами, взятыми не из проблематичных социальных замеров, а из точных наук. Физики, химии, биологии, генетики и так далее.

Но бог с ними, с точными науками. Постараемся разобраться с тем, к чему, по сути, неизбежно приводит позитив, предъявляемый критиками коллективизма, холизма, Маркса, Гегеля, Платона etc. Если все эти целостности от лукавого, то что не от лукавого? Атомизированный ин-

дивид. Надо выработать принципы защиты его атомизации, надо прививать ему культуру обособления от всего и вся... Хорошо, изолировали индивида, привили эту культуру «моя хата с краю, ничего не знаю».

А как, кстати, ее прививать-то? Ведь традиция – в другом. Значит, надо эту традицию безжалостно выкорчевывать. А как ее выкорчевывать? Кто-нибудь знает, как это делать бескровно? Вот в Германии в войнах, которым было поручено традицию выкорчевывать, погибло реально несколько десятков миллионов людей. И это когда? Это в эпоху Реформации. При тогдашних видах оружия и способах мобилизации «потенциалов уничтожения».

Что? В Англии это делали более мягко? Есть весьма авторитетное альтернативное научное мнение. И оно состоит в том, что, начиная с пресловутых огораживаний, на алтарь выбивания индивида из коллективистских матриц было положено тоже несколько десятков миллионов человеческих жизней. Возможно, не за 20 лет, как в Германии эпохи Реформации, войн за веру, крестьянских войн, а за несколько больший срок. Но, в принципе, цена-то была та же самая.

И что, выбили до конца из этих матриц? Не выбили! Невозможно это! Сама задумка такого выбивания носит сугубо выморочный характер. Если есть что-то по-настоящему тоталитарное, то это все, что нацелено на «детоталитаризацию» и реализует эту свою нацеленность в свирепейшей борьбе со всем, что является почвой тоталитаризма. Если в эту почву входят холизм и коллективизм, то речь идет о свирепой борьбе с самим человеческим естеством, с сутью человеческой.

Тоталитаризм упрекают в том, что он природу человека хочет изменить? А сами? Сами чего хотят?

Сергей Кара-Мурза, которого не упрекнешь в произвольном жонглировании цитатами, приводит спор фон Хайека с Улофом Пальме. Место спора – Гамбург. Время спора – 1984 год. Если верить Кара-Мурзе (а я имею все основания ему верить), Хайек во время этого спора, где Пальме отстаивал коллективистские ценности, сказал, что для существования либерального общества необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, в том числе от сострадания и солидарности.

Чем это отличается от гитлеровского: «Солдаты, я освобождаю вас от химеры под названием "совесть"»? Тем, что Гитлер освобождал от этой химеры, так сказать, холистически, то есть всех солдат сразу, а фон Хайек хочет освободить каждого в отдельности?

Ну, как тут не вспомнить, что «тоталитарный» происходит от позднелатинского «totalitas» (целостность, целое). Если война с тоталитаризмом – это война с любой целостностью, то это война за что? За хаос?

И где исторические прецеденты успеха этой войны? Разрушались одни целостности (народы, опирающиеся на традиции). Но сразу же создавались другие – нации, опирающиеся на идею и идеал. Кому вообще приходило в голову разрушить макроидентичность? Или всецело подчинить ее микроидентичности (снова – как подчинить? Сразу вспоминается фильм «Развод по-итальянски»: «А как, как ты меня любишь, Джузеппе? Скажи, как ты меня любишь?»).

Между прочим, химера фон Хайека в том ее предельном виде, в котором описывает это Кара-Мурза, реализовалась (правда, не по отношению ко всему обществу) в результате наших беспрецедентных шоковых реформ. Ряд авторитетных авторов, опираясь на цифры, указывает, что новая российская элита (все-таки элита, а не все общество) в лице того поколения, которое приходит на смену элите с советской памятью, полностью лишена именно сострадания и солидарности. Так ведь это элита! И что ей это сулит? Только полный крах, испарение, выметание поганой метлой. Если у господствующего класса нет хотя бы классовой солидарности, то нет господствующего класса (и мы видим, что его нет).

Но если это будет не только элита, а все общество... То что ждет это общество? Что его уберезет от самоедства? Или от победного нашествия врагов, не успевших обработать себя по Хайеку? Ладно, война, кризис, необходимость мобилизации (хотя и этого никто не отменял). А просто социальная жизнь? Жить-то как, если органические холизмы каким-то образом удалось уничтожить?

Что это значит? Это значит, что никакой органической потребности в общежитии нет. А без общежития нельзя. И что тогда? Известно, что. Тогда, во избежание анархии, хаоса и смерти, над всем этим маревом освобожденных от сострадания и солидарности индивидов необходимо выстроить пресловутого Левиафана. То есть супертоталитарное государство, которое без идеологии, одним только страхом, одной только силой беспрецедентных по оголтелости и жестокости тотальных репрессий будет удерживать атомы индивидов от центробежной Вальпургиевой ночи. От этой самой... как там ее? Войны всех против всех. От оргии, от садострасти, от смертной конвульсии.

Именно этого, освобожденного, индивида и надо бесконечно насыщать страхом. Именно дырка, образовавшаяся на месте сострадания и солидарности, является своего рода гипнотическим раппортом, в кото-

рый надо закачивать (причем во все больших и больших дозах) концентрированно-кафкианский субстрат.

Фаза №1 – технологии деколлективизации по фон Хайеку. Тут один ужас, одна кровь, одна деспотия. Но фаза №1 – это только пролог к тому, что фатально следует после применения рецептов фон Хайека. Полученные в результате этих рецептов нелюди (если только удастся их получить) могут быть хоть как-то упорядочены и приведены хоть к какому-то социальному знаменателю только с помощью экстрагирования из реального (во многом полярного) гитлеризма и сталинизма всего, что составляет их негативную квинтэссенцию.

Я-то считаю, что и квинтэссенция все равно разная. Но главное-то не в этом. Есть два разных организма, в каждом из них есть яд, своя концентрация зла, разбавленного разными ингредиентами и в разной степени. Как где разбавленная – об этом позже. Что касается зла, то как ему не быть-то, злу? Как не быть яду? Природа такова – что обычная, что социальная. Кто-то это грехом назовет, кто-то подсознанием, кто-то иначе.

Весь-то вопрос – как это зло нейтрализовать, как яд сделать... ну, не знаю... ну, хоть каким-то лекарством. Теперь оказывается, что из всего нужно выделить экстракт яда, и этот экстракт яда, это крутое зелье ведьм Макбета, выдать за эликсир? Чего? Чего эликсир? Либерализма? Свободы?

У меня разное отношение к Гитлеру и Сталину. Я по-разному смотрю на фашистские лагеря смерти и ГУЛАГ. Я не могу и не хочу уравнивать, потому что знаю, что это ложь. Но у меня дед погиб в ГУЛАГе. Я любую несвободу ненавижу гораздо больше, чем этот самый фон Хайек. Я твердо знаю, что несвобода губительна хотя бы потому, что начинается все с конфликта ценностей, а кончается доносами на обидевшего соседа. Что начинается с взлета энтузиазма, а кончается торжеством серости, которая сама же все и сводит под ноль ради своих серых престелестей. Кто свел под ноль СССР? ЦРУ? БНД? Советская номенклатура, вот кто!

Нелюбовь к свободе отвратительна. Можно встать в строй ради победы над врагом. И, встав в строй, лишиться свободы. В этом суть любовью военной профессии. Но нельзя встать в строй просто ради любви идти в строю. Куда угодно идти в строю, хоть в могилу. Есть нормальная человеческая готовность принять касторку, если болен. Но нельзя называть нормальным желание утром и вечером пить касторку вместо кофе с молоком.

Не апологетика свободы раздражает меня в построениях фон Хайека или Ханны Арендт. Если выбирать между впечатляющим рабством и умалительностью свободы, между строительством пирамид и ковырянием крестьянина на собственном огороде, я любую умалительность выберу и наплюю на любое величие, замешенное на рабстве. Потому что рухнет оно, это величие, стухнет, сгниет, развалится.

Но во всем, что делает Хайек и ему подобные, я вижу подкоп под идею свободы, а не ее концентрированное выражение. И вся эта линия в ее безусловной последовательности ненавидит не жестокость Сталина и не жестокость Гитлера. Не знаю, как с Ханной Арендт, не решил для себя до конца этот вопрос и потому не буду выносить вердикт. Но для фон Хайека и ему подобных отвратительна не жестокость Сталина и Гитлера, а соединение этой жестокости с идеологией, смыслами. Еще точнее – отвратительны эти идеологии и смыслы как таковые. Причем не в их реальном качестве, а вообще. Поэтому никто и не разбирается в содержании идеологии, в векторе цели.

Если абстрагироваться от содержания, то кто же спорит! И диктатура Сталина, и диктатура Гитлера – весьма жестоки. И в этой жестокости, в этом апофеозе насилия и несвободы, конечно же, отвратительны. Но фон Хайеку не это отвратительно. Ему отвратительно то, что все это замешено на энтузиазме и сочетается с идейным началом, со смыслами. Ему нужно эти смыслы испарить. Причем любые смыслы вообще, если только эти смыслы создают коллективности (даже микроколлективности, а уж макро – тем более).

Смыслы испарить – а жестокость? А жестокость будет наращиваться! Потому что, как только испарятся смыслы, что останется? Только страх! Иррациональный, абсолютный страх особи, лишенной человеческой самости перед тем, что доминантно и беспощадно. Страх кролика перед удавом. Нечеловеческий страх, возведенный в регулятор бытия как бы человеческих особей. Иррациональный страх, страх персонажей Кафки... Как там у Киплинга?

*Мы бросили свои мечи не в битве и не днем,
А ночью в карауле, на берегу речном.
Вода редела, ветер выл,
Родился страх, он рос, грозил,
И мы бежали что есть сил
От ужаса в ночи!*

Вот этот страх Ночи, страх всего живого, покинутого духом, перед абсолютностью смерти – вот что такое идеальный Левиафан как компенсатор отсутствия смыслов и человечности.

В этих построениях все проникнуто дегуманизацией. И все ахи и охи по поводу террористической природы определенных режимов удивительно фальшивы и неискренни. Либерализм не лишен идеального, как и любой другой «изм». Самая простая, обидленная человеческая природа никогда до конца в бессмыслие не упадет. Ее туда надо затолкать! Надо изобретать все новые и новые возможности найти и вытравить смысл, коренящийся в самом простом человеческом существовании. Как надо ненавидеть этот смысл, чтобы так с ним бороться?! И как надо изолгаться внутри себя самого, чтобы все это называть борьбой за свободу!?

Сказанное касается, прежде всего, фон Хайека. Отчасти и Карла Поппера. В случае Поппера мне всегда был непонятен воинствующий отказ от рассмотрения смыслов, культурных оснований, культуры вообще и столь же воинствующее поклонение институтам. Институты должны спасти, должны прийти на место всего другого – Бога, смысла, гуманности. Вопрос не в том, нравится мне это или нет. Мне это не нравится. И именно потому я пытаюсь быть особо беспристрастным и просто понять, возможно ли это.

Живут себе людоеды. Одна партия считает, что можно есть только маленьких детей. А другая – что можно есть всех подряд. Существует двухпартийная система, людоедский консенсус, пресса, свободно обсуждающая людоедскую проблематику, право митинговать по поводу качества людоедства. Почему это общество надо называть свободным? Формальные критерии открытости соблюдены. Почему эти формальные критерии должны гарантировать качество социальной жизни? Что? Начнут с людоедения, а кончат либерально-консервативным консенсусом? Да не кончат они никогда! Кончат тем, что, доев своих, займутся чужими, особенно если обзаведутся ядерным оружием.

Между тем концепция Поппера упорно проводится в жизнь не кем-нибудь, а всем совокупным Западом и, прежде всего, державой №1 – США. Приходим, дескать, в Ирак или Афганистан и начинаем строить открытое общество. Понятно, что поскольку культурных предпосылок нет, то открытое общество становится... ну, мягко говоря, резко более диким и агрессивным (то есть вторично-архаическим), чем общество предыдущее.

Что, кто-нибудь станет отрицать, что это так по факту? Ирак фактически разделили на три части. Шиитская ориентируется на самую консервативную часть Ирана (не Тегеран, а Кум). Суннитская сошла с ума настолько, что бен Ладен и Завахири скоро покажутся членами «Хельсинки уотч», профессорами паганелями в сравнении с террористами из суннитского треугольника. Что еще сотворили? Ах, да, Курдистан! Чтобы подорвать разом светскую устойчивость Турции – своего единственного более или менее естественного союзника на Ближнем Востоке.

Что несли на знаменах, когда все это делали? Идеологию Поппера, идеологию открытого общества. Спасибо еще, что не фон Хайека «замастырили»!

Это что, единственный пример? Вот-вот взорвется Египет и падет светский режим Мубарака. Это ради чего будет сделано? Ради открытого общества? Открытого чему? «Братьям-мусульманам»? Запад много источал лживых ахов и охов по поводу варварства Хомейни. Но Запад сам, в лице абсолютно конкретных американских советников и высоких должностных лиц, взрывал Иран, ломал волю своего союзника шаха. Ради чего? Он что, хотел иметь президентом Ирана Ханну Арендт? Он Хомейни хотел, и тому есть много свидетельств.

Запад декларативно восхищается светским режимом в Турции. А исподволь подтачивает этот режим. И толкает ему на смену сразу несколько весьма свирепых модификаций. Он что, рассчитывает, что, поломав железную властную вертикаль турецких военных, он побудит турецкий народ избрать Елену Боннэр главою демократического Турана?

Что происходит с этим открытым обществом в Центральной Азии, на Украине – везде? Что произошло в России? И как это произошедшее встроено в макропроцесс? Ведь фон Хайек, Поппер, Бжезинский, Ханна Арендт и иже с ними шарахались как черт от ладана каждый раз, когда предлагалось рассмотреть реальную двухфазную модель «либеральной демократизации»...

Фаза №1 – шок, выбивающий индивидуума из смысловых матриц и ничего не дающий взамен, а значит, превращающий индивидуума в помесь пластилина со взрывчаткой.

Фаза №2 – конвулсия, порожденная фазой №1. То самое, что Ханна Арендт (к ней мы, пожалуй, и перейдем) называет «тоталитарной конвульсией».

Нет, по Арндт, якобы этих двух фаз! Есть чертик из табакерки! Гитлер взял и вынырнул ниоткуда. Не было перед этим веймаризации Германии, общеевропейского шока Первой мировой войны (ее ведь не тоталитаризм породил). Не было немца – не просто униженного и дезориентированного, а выбитого тогдашними гайдарями из всех возможных мыслимых матриц. Не было этого эксперимента в духе фон Хайека, называемого Веймарская Германия. Не было этой почвы фашизма, сознательно взрыленной и удобренной его, я уверен, весьма неискренними хулиателями.

Никто в такой степени не отказывается от причинно-следственных связей, как Ханна Арндт. Поппер, фон Хайек пытаются тянуть откудато нити идейных наследований. Ханне Арндт это не нужно. Для нее жил-был мир, в котором ничего ужасного не было. А потом появился ужас тоталитаризма. Откуда появился?

Да ниоткуда! Арндт так и пишет: «Все, что мы знаем о тоталитаризме, демонстрирует такую ужасающую оригинальность, которую не могут преуменьшить никакие притянутые за уши исторические параллели».

Но нужно же какое-то объяснение! Жил, жил мир без тоталитаризма, и вдруг... накопление количества перешло в качество. Какое количество-то накапливалось? Какая деградация человека и человечности привела к ужасу? Потому что если это ужас и если к нему привело какое-то накопление, то это не может не быть накоплением чего-то не- и античеловеческого. Чего?

Кто-то скажет, что накапливается гной внутри капитализма. Кто-то – что идет некомпенсируемый цивилизационный надлом. Но Арндт не говорит ничего!

Больше того – повторяя за фон Хайеком все общие места, касающиеся абсолютной вредоносности идей, овладевающих массами, как почвы тоталитаризма, Арндт при анализе советского тоталитаризма сползает в этом вопросе в полный бред.

Потому что для нее Ленин – это не тоталитаризм. Советский тоталитаризм начался в 1930 году и кончился в 1953 году со смертью Сталина. Но почему тогда коммунизм – исток, субстанция и форма осуществления тоталитаризма?

Коммунистическая идеология стала фактически безальтернативной основой советского режима (или советской власти) к 1918 году. До 1930 года оставалось 12 лет. Ровно столько, сколько просуществовал весь фашистский рейх. Это были годы максимального накала коммунистиче-

ской идеологии. Сталин не накалял идеологию, он ее охлаждал, как только мог. А по сути – истреблял. И суть сталинского террора вовсе не в какой-то иррациональной конвульсивной потребности, а в этой борьбе с идеологией. Как, сохраняя совесть исследователя и сопричастность хотя бы формальной логике, можно объявлять коммунизм ответственным за тоталитаризм?

Повторяю – для меня все эти построения провокативны и бессовестны. Но если даже руководствоваться логикой их авторов – что получается?

Отдельный вопрос – эта самая частная собственность. Мол, отчуждение от частной собственности есть беспрецедентная тоталитарность. И тут-то Советы намного хуже любого Гитлера. А почему это тоталитарность? Какое отношение эта собственность имеет к моей свободе? Почему такое отчуждение беспрецедентно? Какую собственность имел крепостной крестьянин в России? Или английский пролетарий периода первоначального капитализма? Или мексиканский пеон?

Значит, речь идет не об отчуждении как таковом. А о том, что отчуждение распространяется на элиту. Но это никак не либеральный подход! Это нечто прямо обратное! И мое утверждение вытекает из всех либеральных прописей. А вот откуда (кроме гнилого советского диссидентства, подпитываемого всей этой «тоталитаристской» хренью) вытекает абсолютное значение частной собственности для человеческой свободы – никто не сумел мне вразумительно объяснить. Кумранская община была несвободна, потому что в ней имел место отказ от частной собственности? Катакомбный христианин был несвободен? Бенедиктинский монах был несвободен? Кибуцы – средоточие несвободы?

А почему? Что такое свобода в позитивном смысле слова? Почему для этой свободы мне нужны либо акции какого-нибудь завода, либо необходимость наниматься к тому, у кого есть эти акции? А если акции для меня – головная боль, а к новорусскому хамлу я не хочу наниматься? То это значит, что я встал на дорогу к рабству? Вместе с кем я на нее встал? Вместе с Сергием Радонежским и моими интересными собеседниками по израильскому кибуцу?

Замечу, что никогда обобществление в реальном советском обществе не достигало масштаба антиутопии. Крестьянская колхозная нищета если с чем-то и должна сравниваться, то с раннемодернизационными коллизиями «а-ля огораживание». И, с этой точки зрения, данная нищета гораздо более мягкая. И объясните мне, пожалуйста, почему несчастье бедняка, если уж он вообще необходим обществу (сомнительная либеральная аксиома... ну, ладно, примем для прояснения существа

дела!), почему, повторяю, это несчастье бедняка должно измеряться мерой обобществления производительных сил? Оно очевидным образом измеряется чем-то другим. Например, возможностью не умереть от голода. А если он умирает от голода, то какая ему разница – в общине или сугубо индивидуально. В общине, кстати, он скорее выживет.

Страшная судорога индустриализации обрела советское крестьянство на очень специфическое социальное бытие. Но даже это бытие не было ни античеловеческим (антигуманным), ни неповторимо бедняцким. Русское крестьянство, пресуемое властью в деревне и выдавливаемое в города, знавало периоды и похуже. А сталинская социальная мобильность никогда не превращала крестьянина в шудру, в жертву кастовой изоляции. Вы эти «социальные ужасики» Ханне Арендт рассказывайте, а не тем, кто реально жил в реальном (очень неблагоприятном и непростом) обществе, которое якобы знаменовало собой антиутопию Оруэлла.

Но оставим в стороне крестьянство. И вернемся к городу, в том числе позднесоветскому, достаточно просвещенному. Что там происходило? Я не мог продать свою квартиру (неважно, я или жившие при Сталине счастливые обладатели этих самых квартир)? Но мог ее обменять... Меня никто не мог из нее выгнать... Если принять тоталитарный горизонт, определяемый всеми, кроме Ханны Арендт, то в позднее время я мог купить кооперативную квартиру. И мог ее продать, и мог купить другую.

Но главное – почему моя свобода состоит в том, чтобы непрерывно покупать и продавать квартиры? Я хочу в этой квартире обустроиться и реализовывать себя. Я что, не мог это делать? Мог! Кто-нибудь (в зрелую постсталинскую эпоху, да и не только) особо в этом меня тревожил?

Да, когда арестовывали всю семью, она теряла квартиру. Да, имел место ужасный политический террор, напрямую уничтоживший чуть ли не миллион советских людей (все остальное – явная и уже слишком неопровержимо разоблаченная ложь). Но основная масса населения размещалась в этих квартирах вполне надежно – попробуй, высели! Это сейчас их выселяют, как хотят и за что хотят! Статистика просто воеет об этом бесправии. Это сейчас их лишают крыши над головой ради какого-то фон Хайека или еще неизвестно кого. Это сейчас им приходится зимовать под открытым небом или в неотапливаемых домах и бараках.

И, с этой точки зрения, именно сейчас посягают на их свободу (попробуй, реализуй ее, будучи низведенным до животного-унизительной

нищеты) и жизнь. Это происходит по Хайеку? И что, вы считаете – это вечно будет происходить? Это не вызовет социальных реакций? Но мы же видим, что уже вызывает!

Что, вы не дадите состояться идеологии? А про бунт, «бессмысленный и беспощадный», помните, кто писал? Вы это слово «бессмысленный» как-то со своими доморощенными фон хайеками увязываете? Что? Вы против этого примените Левиафана и абсолютный, внеидеологический страх? А абсолютный страх бывает внеидеологическим? И даже если он будет таковым – как скоро он станет антиидеологическим? То есть вполне фашизодным, со всей гаммой последствий. А даже если он окажется идеологически стерильным – вы представляете, куда надо планку страха загнать, чтобы он стал что-то структурировать? Это нужна стократная сталинщина!

А почему это в ней идеи не будут рождаться и идейные социальные группы не начнут возникать (это, как мы помним, основное условие недопущения тоталитаризма)? Значит, они будут возникать. И их надо будет давить. А идеи выкорчевывать. А как? «Джузеппе, как ты меня любишь?» Значит, с помощью полиции, которая будет выкорчевывать не враждебные смыслы, а смыслы вообще. И с помощью информационной кампании, которая будет базироваться не на проповеди какого-то смысла, а на сознательном затягивании в бессмыслицу (жестком затягивании, ибо нужна профилактика против любого смыслообразования).

Это что – не рабство? Не несвобода? А знаете, как это все называется? Это и есть постмодернизм в политическом значении данного термина! Значит, начинается все скворцами, верещащими про либерализм и свободу (фаза №1), а кончается специфической публикацией, которая заявляет:

*Эй, довольно скулить про скворчонка в груди!
Гриль из этих скворчат наш гран-при. Се ля ви!
Мы скворчатиной вскормим мясников бытия.
Отсекут они смысл и оставят тебя,
Изнь...*

То есть жизнь, лишённую какой-либо смысловой заданности. Причём абсолютно лишённую любой такой заданности... Цитирую здесь свою собственную поэтическую драму «Изнь».

Я даже не буду экстраполировать, во что это обернется. Я просто вижу, что к этому идет. Что фон хайеки, попперы, арендты, гайдары и

иже с ними – это фаза №1, которая сознательно волочет за собой фазу №2. Под вопли о свободе свобода исчезает на фазе №1, ибо вместо нее навязывают нечто другое, грубо говоря, не «свободу для», а «свободу от».

Ты свободен быть один, но ты не свободен быть вместе. Ты свободен не верить, но ты не свободен верить. Или объединяться для отстаивания своей веры. Веры или чего-то другого – ценностей, смыслов, неважно. Начнешь объединяться – стукнем по рукам. Начнешь сопротивляться – направим беспощадную (но абсолютно бесценностную и потому нетоталитарную) полицию самого что ни на есть тайного образца.

Великий Инквизитор Шиллера или Достоевского – он хоть прямо говорил: «Тленю, но не свободе». Все эти борцы с тоталитаризмом – они ведь обратное говорят, а делают именно это.

Но я еще ненадолго вернусь к квартире и всему прочему. Что получается? Если у меня при ужасной тоталитарной советской власти была квартира и никто ее не мог отобрать (а теперь отобрали – и хрен их разберет, почему)... Если у меня была машина и я мог с ней что угодно делать (а теперь ее угнали)... Если у меня была дача, и опять – хошь продавай, хошь что (а теперь ее сожгли)... То почему я должен ощущать себя теперь более свободным, чем тогда? Даже просто на материальном уровне? Потому что у кого-то другого есть супердача и супермашина? Странная логика, согласитесь!

Чтобы быть свободным, я должен быть причастным чему-то. Это и есть «свобода для»... Чтобы быть причастным, я должен иметь средства реализации этой свободы, инфраструктуру, аппараты, технологии, возможности. Если я от всего этого отчужден, то почему я свободен?

Если я вижу, что моя цивилизация (предположим, Запад) гибнет от этого отчуждения, задыхается и разлагается в отсутствие смысловых перспектив, если я вижу, что эти перспективы отсекаются вполне определенными мясниками, если я вижу, что на месте этих перспектив поселяется просто смерть, то почему я не буду бороться? Потому что это тоталитарно?

А сидеть и ждать смерти? Ждать очередного концлагеря? Это по Арендт, по фон Хайеку? Это, как Федор Михайлович говорил, «супер флю»?

Суверенитет личности, говорите? Личность – она ведь как общество... Она того... Это самое... Огород... На нем ведь рядом – сорняки и огурцы с помидорами. Будем устраивать свободную конкуренцию сор-

няков с овощами? Знаете, как это называется? Акультурация, декультурация, как удобнее. Что, пропалывать нельзя, потому что тоталитарно? А не пропалывать – либерально? Что за подрывное тяготение к дикости? Что оно напоминает-то? А вот что!

Та же Ханна Арендт признает, что для фашизма идеология – это осуществление заповедей Природы. А для коммунизма (она аккуратнее пишет – «в советском варианте») – это реализация воли Истории. И, мол, что Природа, что История. Ни фиги себе! Для Ханны Арендт что в лоб, что по лбу – что Природа, что История. А для меня – нет. И для Гегеля, и для Канта, и для Платона, и, что бы ни говорили, я убежден, для Аристотеля, для Спинозы, Декарта...

Потому что люди мы постольку, поскольку восстаем против природы. И началось это не в светское Новое время.

Это началось с идеи личного Бога, завета между Богом и человеком.

Это на следующем (вполне преемственном) этапе вылилось в бого-человеческое восстание против природы. И это тоже все понимают.

Это и стало Историей.

Это создает пути в Истории, а значит народы. Вы все это хотите уничтожить? Так прямо и говорите! Но не делайте вид, будто вам что История, что Природа. Тут либо-либо.

Ханна Арендт издевается над идеологиями. Она говорит, что они безвредны и безопасны, пока в них никто не верит всерьез. Она это распространяет на Законы Моисея и проповедь Христа – в них тоже не надо верить всерьез? А как, как в них надо верить? «Джузеппе, скажи, как?»

Как бывает со всеми идущими до конца фанатиками, у Ханны Арендт «за здравие» плавно перетекает в «за упокой». Это только начинается все со Сталина и Гитлера. Это тут ее цитируют и обласкивают, а Боннэр гордится, что она лауреат премии имени Ханны Арендт. А если хоть на шаг дальше? Ханна Арендт ведь считает, что парламентская республика беременна тем же злом. И что только небольшое пространство древнегреческого государства-города было пространством свободы (как мы понимаем, опирающимся на рабов).

Ханне Арендт нравится очень многое, что никак не соотносится с нормативным либерализмом. И якобинский клуб с диктатурой гильотины, и Парижская коммуна, и Советы в России (особенно в 1905 году, когда не было огосударствления). Больше всего ей нравятся идеи Т.Джефферсона, одного из отцов-основателей США, по поводу элементарных республик, нуклеарных ячеек американского федерализма, об-

щин элементарного типа с гражданским самоуправлением. Она что, не понимает, что все эти микросистемы не релевантны современному миру?

Хорошо, предположим, что она идеалистка! И ей плевать на релевантность! Но она не может не понимать, что все эти нуклеарные структуры держались только очень накаленным смыслом, что там эти самые идеи принимали очень всерьез. Ну и? Как насчет смыслов, которые хороши, когда их не принимают всерьез (ее же цитата)? В Парижской коммуне что, смыслы не принимали всерьез?

Попробуем рассмотреть все это структуралистски. Вот фашизм – и такие-то функциональные политические особенности (А, Б, С, Д, Е – хватит). А вот сталинизм – и такие-то функциональные политические особенности (А₁, Б₁, С₁, Д₁, Е₁ – хватит).

Если А = А₁, Б = Б₁, С = С₁, Д = Д₁, Е = Е₁, то две системы эквивалентны. По-вашему, это научный подход, интеллектуализм высшей пробы? А по-моему, чушь собачья! У социальных систем не 5 и не 10 параметров, а до фига! Внешнее сходство по группе параметров ничего не доказывает по существу.

«Вот две толпы, и они одинаково орут при виде вождя!» Все толпы всегда орут при виде всех вождей! И на стадионах так всегда орут, это законы массового суггестивного поведения. Был бы массовый митинг с участием Рузвельта – так же бы орали!

«Вот аплодируют на съезде Сталину и Гитлеру!» А когда инаугурационной речи Буша аплодируют – что-нибудь другое происходит?

Это все Ромм, «Обыкновенный фашизм», это все казавшаяся ужасно глубокой пошлая хренотень, опирающаяся на принципы подобия, – главное убежище любой ненаучности.

Вам специалисты начинают говорить: «Посмотрите, вот это речь Сталина. Текст, интонация. А вот это речь Гитлера. Текст, интонация. Вы что, не видите, что это нечто диаметрально противоположное? Что у Сталина все подчинено декларативной рациональности («во-первых», «во-вторых» и так далее). А Гитлер вызывает иррациональную стихию и управляет ею на иррациональных основаниях. Вам специалисты-психологи и больше скажут. Что Сталин – это теология Слова и Отца. А Гитлер – это теология воя и Матери. Что Сталин апеллирует к стихии храмовой, а Гитлер – к шаманистской.

Фантастическое различие в функциональном и смысловом поведении. Но почему-то оно должно быть отброшено. А почему? Кто сказал, что система описывается пятью, семью параметрами? В том числе мо-

нополией массовой партии, возведенной в абсолют идеологии, подавлением политической оппозиции силами тайной полиции? Монополией государства на СМИ и централизованным управлением экономикой?

Это, конечно, важные характеристики, но почему система этих характеристик должна называться ПОЛНОЙ (в математическом и социальном смысле слова)? А если она неполная, что значит ваш изоморфизм? Вы попробуйте такой изоморфизм построить в какой-нибудь структурной антропологии! Вас выведут под белы ручки из научного сообщества и больше на порог не пустят. А в социальной теории так можно?

Эта пятичленная чушь не дает проникнуть никуда! Она ничего не говорит о природе общества! Вы можете эти общества не любить! Но если вы ученые, вы должны их понимать! Советское общество и хуже, и лучше той банальности, которой вы его заклинаете. Фашизм в невероятное количество раз глубже всей этой лабудени! Ненавидя смыслы вообще, а особенно смыслы, творящие реальность (или антиреальность), вы ничего по существу понять не можете. Потому что системообразующей является эта смысловая типология, а не А и Б, сидящие на трубе.

Не хотел заострять внимание на еврейском вопросе, но и обойти его невозможно. И начать надо не с высоколобых вещей, а с элементарных жизненных целевых векторов. Предположим, что у меня есть один тоталитаризм. И он в виде врага выбрал змей или сусликов. Конечно, мне неприятно. Я должен ходить на митинги «Смерть змее!», охотиться за несчастными сусликами. Меня отвлекают от моих основных занятий, сковывают мою свободу. И вообще, может, я хочу любить змею, а мне мешают. Но в принципе я, пусть и некомфортно, перезимую. А эмигрировать – это дело тяжелое... чужой язык, чужая культура...

Опять же, кто-то может потребовать, чтобы я вошел в общество «змеелюбов». А я, на самом деле, гадюк терпеть не могу. Конечно, я понимаю, что в перспективе, если истребят гадюк, произойдут неприятные экологические сдвиги. Но это все одна, вполне конкретная, проблема. В принципе, я могу предположить, что сегодня они за гадюками гоняются, а завтра займутся фамилиями с определенными окончаниями. И это правильное предположение. Но это предположение. Может, займутся, может, нет. А в какой-нибудь сопредельной стране мало ли чем займутся. И человек свою жизнь не по предположениям строит, а по фактам.

А вот если они начинают вполне масштабно и продуманно заниматься не змеями, а людьми определенной национальности и я точно

знаю, что я вхожу в эту национальность, то это, согласитесь, «другой коленкор». И в научном, и в бытовом смысле. Понятно, о чем я говорю?

Ханна Арендт – еврейка. А фашисты истребляли евреев. Она рассматривает две системы. В одной системе евреев не истребляли (немалые эксцессы позднего сталинизма все же никак нельзя вывести из класса флюктуаций). В другой системе именно евреев и истребляли – причем есть веские доказательства, что для того и создали систему, чтобы их истреблять. По крайней мере, по факту такого накурочили, что никому не снилось, никакой инквизиции. В центре Европы, в XX веке.

Ханна Арендт говорит: «Есть пять параметров. Поскольку данный параметр в них не входит – то системы эквивалентны». Подожди, тетя! В одной системе ты, ты конкретно, вместе с семьей, испытала бы все удовольствия лагерей смерти, причем газовые камеры – это было бы лишь «на закуску». В другой системе ты вполне могла быть, например, преуспевающим академиком. Ландау, например, им был. И даже в партию не вступал. И не только он.

Ты можешь сказать, что обе системы в чем-то плохие. Но каким образом ты измышляешь гомеоморфизм двух систем?

Ведь, наоборот, есть люди с определенным складом мышления, которые тебя послушают и скажут: «Вот фашисты жгли только зловредных чужих евреев, а коммунисты своих русских не жалели, в отличие от фашистов. А почему не жалели? Потому что евреи! А значит, коммунизм гораздо хуже фашизма!»

Арендт не понимает, что ее гомеоморфизм – это просто брат-близнец данной логики? Ее это не интересует? А почему? Она настолько отчуждена от смыслов, что чувствует себя атомом в космосе? Простите, но по отношению к Арендт это, безусловно, не так. Тогда что это все за дурно пахнущие кульбиты? Хотелось бы объяснений!

Но то, что я затронул, – это только бытовая частность. Вопрос не в том, что фашисты убивали евреев. Они, кстати, не только евреев убивали. И чем больше евреи обособляют Холокост от остальных жертв Войны, тем больше отчуждают себя от общечеловеческой истории (что и аморально, и неумно).

Но, в конце концов, с точки зрения такого отчуждения можно оставить тему под патронажем совокупной Ханна Арендт. То есть похоронить. Однако тема же этим не исчерпывается. Вопрос не в том, что фашисты убивали евреев, а в том, почему и как они их убивали. Вопрос в том, в какой мере это все связано с фундаментальными смыслами фашизма, с фашистской эзотерикой (никакое идеологическое движение

такого типа, как фашизм, без эзотерики жить не может, функционировать не может – вот чего не могут понять пятипараметровые чудики).

Фашисты убивали евреев, исходя из глубочайших метафизическо-ультрагностических оснований. И исходя из этих же оснований, они делали многое другое. Моральный, ценностный долг жертв и победителей в том, чтобы докопаться до этих оснований. Не высасывать из пальца, не надумывать, а дойти до дна, до предельной глубины. И даже если она лежит в бездне – все равно удариться в самое основание. Это долг всех, кто додумывает ситуацию до конца. Долг ответственных интеллектуалов перед своими народами.

Этот долг не был выполнен ни евреями (все-таки главной метафизической жертвой фашизма), ни нами, советскими людьми. Нами, пришедшими с войны, безусловно, главными победителями, спасителями, особенно много претерпевшими от фашизма как именно абсолютного зла.

Почему этот «долг понимания» не был выполнен нами, нашими отцами, поколением победителей? Увы, приходится признать, что именно этот невыплаченный долг побежденному ужасу и его жертвам вызвал ужас назад из Бездны. Но почему все же долг не был выполнен?

Можно назвать массу идеологических причин. Идеологическая несвобода советского общества была огромной. А исследования Зла и Бездны лежат заведомо за пределами тщательно выхолощенного марксизма. Возможно, причины и более глубоки. Не вся работа по исследованию элит советского общества выполнена так, чтобы можно было тут расставить точки над «і». А выполнение такой работы в советских условиях, конечно, было невозможно.

Тут-то как раз и есть островок правды Ханны Арендт посреди всей ее и ее соратников ахинеи. Несвобода губит общество, ибо враг поселяется в сокровенности несвободы. И оттуда истребляет все. В этом урок, и не учесть его невозможно.

Но ведь и страны-победители, не имевшие советских запретов на исследования, не сделали ничего! Они, конечно, меньше пострадали. И экзистенциальный заряд, направленный на постижение сути, у них был слабее. Сыграла роль и политическая необходимость: фашистов надо было инкорпорировать в стан борцов с коммунизмом (неумолимая логика «холодной войны»).

Но все же суть к этому не сводится.

Слушать рассказы о Зиверсе, директоре «Ананербе», наблюдать этого Зиверса, безнаказанно давать его опекунам возможность помочь Зиверсу совершать все необходимые ритуалы, подвести черту, повесив

этого Зиверса и не тронув тысячи других, входивших в оккультный рейх... Вообще закрыть тему метафизических основ фашизма... Простите, но так можно делать только тогда, когда ты хочешь ограничить борьбу с фашизмом лишь действиями на периферии. Если хочешь все свести к явлению, функционирующему на очень узком временном горизонте, хотя ясно, что это было не так.

Подобным образом поступают только в одном случае. Когда надо спасти ядро явления. И не надо лгать насчет политического прагматизма «холодной войны». Это ядро спасали не просто для борьбы с коммунизмом.

Теперь об Израиле. Израиль не США и не СССР. Не Великобритания и не Польша. Не Франция и не Греция. Израиль создан страстью, имя которой «никогда более!». Смысл Израиля в том, что его существование есть гарантия от повторения ужаса фашистской чумы. Нет этого смысла – зачем Израиль?

Конечно, есть закрытые вопросы, «скелеты в шкафу». Помимо СССР, кто как голосовал за Израиль и против Израиля в 1949 году? Какой ценой покупались голоса? Политика – штука во многом морально тягостная. Но я не о политике. Я о людях. Конечно, Израиль очень быстро вошел в антисоветский блок и должен был считаться с союзниками по блоку, в том числе с ФРГ. Об этом много написано трагического.

Но я не о военных и не о «Моссаде». Я о людях – о них и только о них. Идеологического табу для них не было. Думать им мешать никто не посмел бы (с приветом от Ханны Арендт). Собственность у них не изымали – частные фонды никто ничем не ограничивал. Еврейскую гениальность абсолютизируют только фанатики и антисемиты. Но называть евреев недумаящим народом, наверное, тоже никто не может.

ТАК ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

То, что мне говорят по этому поводу, носит сугубо метафизический и экзистенциальный характер. И этот характер потрясающе объединяет израильскую вину с виной советской. Потому что и советскую вину идеологическими запретами не исчерпаешь (иначе какая же советская, пусть и относительная, свобода, о которой я говорил?).

Мне говорят следующее: «Погружаться в эти бездны – значит узнавать что-то такое, после чего нельзя жить. Это знание просто несовместимо с жизнью. А еврейский народ, уже надломленный Холокостом, был на грани небытия. И любая попытка двинуться дальше в таком исследовании оказалась бы одновременно переходом последней грани. И потому между знанием и жизнью выбрали жизнь».

Это потрясающе интересная самооценка. Кто-то когда-то выбрал не Древо Жизни, а Древо Знания. И был наказан. На новом витке, находясь перед новой необходимостью выбора, выбрали Древо Жизни. Но что это за жизнь, которая несовместима со знанием? И почему она несовместима?

Оставим в стороне все рассуждения о тягостности, язвах и ранах. Может, кто-то и хочет сводить к этому вопрос. Но это ведь неправда! Значит, есть ощущение, что твои сокровенные матрицы понимания не выдерживают соприкосновения с этим знанием. А почему не выдерживают? Потому что... Ясно же, почему!

Что произошло с советским поколением победителей? Да, идеология, да, увлеченность жизнью. Но не этим же все исчерпывается. Значит, тоже где-то внутри было ощущение антагонизма матриц и феноменологии Этого. Что это за ощущение? И как должны быть устроены матрицы для того, чтобы встреча не оказалась концом? Чтобы знание и жизнь совместились? Если такое устройство матрицы вообще невозможно, то... приходится признать, что фашизм победил.

Поскольку признать это нельзя, то закрыть проблему категорически невозможно. А поскольку открытая проблема требует не итогов и выводов, а живых непростых системных (далеко не только аналитических) погружений, то лучше здесь поставить многоточие, чем делать вид, что забиваешь по шляпку гвозди, заканчивая строительство нового дома.

Пока еще с трудом доволакиваются сырые бревна до места, где обязательно должно возникнуть это строение. Не надо лгать, что ты в конце пути, когда находишься лишь в начале. Но и торопиться надо – время не ждет. И враг опять на пороге.

IV. НЕОЧЕВИДНАЯ ОЧЕВИДНОСТЬ

Значит ли сказанное, что никакие констатации невозможны? Никким образом! Иначе к чему вообще любые рассуждения на эту тему? Чтобы фон Хайека ушучить да Ханну Арендт как следует уличить?

Констатация возможна в ряде вопросов, принадлежащих определенным глубинам. Определенным, и все же не окончательным. Возможно описание некоей «неочевидной очевидности».

Оно уже просится после всего сказанного. Но тут не должно быть недоговорок. Тем более, что все это не отгорожено монолитными стенами от политической злобы дня. И даже наоборот.

Так в чем же неочевидная очевидность?

В том, что никакого понимания происходящего не может быть вне анализа ценностных мегатрендов, смысловых мегасистем. А этот анализ приводит нас к вполне определенным концептуально-аналитическим выводам. И вряд ли любая новая глубина эти выводы пересмотрит. Скорее, наоборот.

Главный вывод состоит в том, что есть мегасистема и мегатренд, в центре которых лежит страсть по Истории. Здесь История является не просто ценностью, а сверхценностью. История как борьба. И одновременно История как клокочущий креатив, как возможность Большой новизны, как инновационный потенциал человечества. Все это в данном мегатренде и данной мегасистеме является ядром и сутью. Меняются знаки и символы. Но суть воспроизводится. Мегасистема не монолит. Мегатренды не тротуары Невского проспекта. Но мы узнаем друг друга и протягиваем друг другу руки, преодолевая все барьеры и все различия.

Сказать, что основой является вера в человека – значит, ничего не сказать. Но гуманизм – не обветшавшая мантия на плечах выжившего из ума профессора кислых щей. Это то живое, без чего мы немедленно станем рабами Бездны. Гуманизм – не вполне светская вещь. Не надо путать его с просвещенческой проповедью. Но нельзя сводить его и к модификациям в рамках одной религии. Просто он живет, и вместе с ним живет История как сверхценность.

В очень грубом приближении эта нитка тянется от Французской революции к русской революции 1917 года. По крайней мере, люди 1917 года постоянно грезили Конвентом, поверяли себя этой традицией. «Упаси нас бог отречься от революции! Вы называете нашим учителем Тэна, но он не наш учитель! Мы – другие! Революция как любовь, и горе тому, кто этого не понимает! Бурные волны океана Истории разбиваются о страшные утесы, и ветер должен дуть вновь и вновь, чтобы великое дело Конвента было доведено до конца».

Взяв этот исторический интервал, я, конечно, огрубил суть происходящего. У Конвента были свои предтечи. А русская революция питалась, кроме Конвента, и образом Христа... «Что есть истина?»

Я не хочу изобретать лишних слов. А на общепринятом языке эта линия называется линией проекта «Модерн». Дух свободы и гуманизма,

дух прогресса (пусть нелинейного, но обязательно восходящего инновационного движения в Истории), культ человека и его космическое предназначение – вот что входит в эту линию и это понятие.

Лоно Модерна – Запад. Антизападничество бессмысленно. Можно негодовать по поводу того, что Запад отказывается от собственной исторической роли. Но самим отказываться от Запада можно только не имея ясности во всем, что касается концептуальных и стратегических ориентиров.

Нет Истории без иудео-христианской традиции, без личностного человеческого обожения, без космической личности, без стрелы Времени, направленной в Будущее.

Но реальное восхождение человека по этой лестнице шло так, как оно шло. На какой-то фазе проект «Модерн» стал секулярным, но не потерял ценностей. Возникла светская культура, давшая невероятный урожай. Возникло светское общество с новым потенциалом свободы.

Затем все это стало пробуксовывать. Эта пробуксовка стала абсолютно очевидной к концу XIX века. «Закат Европы» Шпенглера, пессимизм Шопенгауэра и «смерть Бога» у Ницше – лишь внешние симптомы этой пробуксовки. Страшной пробуксовки, гной которой выплеснулся кровью Первой мировой войны.

В какой-то момент казалось, что Древо – мертво. И что извечный враг Модерна (назовем этого врага «Контрмодерном») вот-вот победит, и не где-нибудь, а в Европе, на Западе. Страшным приговором здесь было исчерпание смыслов, способных включать общественную энергию. Пробуксовка – лишь одна из возможных метафор. И, возможно, точнее будет сказать, что в двигателях не оказалось бензина. А может быть... Может быть, и сама конструкция исчерпала себя. Секулярная культура Модерна могла жить только съедая собственное сакральное ядро. Съев его, она остановилась, и вслед за нею остановилось всё.

Человечество оказалось в страшном тупике. Капитуляция перед Бездной могла стать всеобщей. И стала бы всеобщей, если бы не коммунизм и Россия.

Россия всегда была Западом, но альтернативным Западом. В простейшем смысле это совсем очевидно. Запад – это христианство. Россия – христианская, но альтернативно-христианская страна. На самом деле все еще сложнее. Россия невероятно прочным образом связана с Историей. И эта связь не исчерпывается никакой конфессиональной или культурной спецификой.

В момент, когда История оказалась под угрозой Антагониста, Россия могла либо зажечь свой собственный (а одновременно и мировой) инновационный Огонь, либо капитулировать и исчезнуть. И она была близка к тому, чтобы капитулировать и исчезнуть. Но воля к жизни возобладавала. И имела (это все понимали!) не локальный, а глобальный, более того, глобально-инновационный характер.

Коммунизм – западная альтернативная идея. Это вдруг возникшая свежая ветвь на иссохшем Древе Модерна. Россия – западная альтернативная страна. Это часть Запада, но одновременно его Иное. Его, Запада, «бронепоезд на запасном пути», им же, Западом, ненавидимый, истребляемый. Тут не «или – или», тут «и – и». Тут самоубийственная любовь и самоубийственная же ненависть.

Альтернативность России (в рамках Запада и Модерна) и альтернативность коммунизма (опять же – в рамках Запада и Модерна) соединились. Западный мир пришел в движение. Это понимали очень многие, и в этом был смысл массового паломничества интеллектуалов Запада в голодную ленинскую Россию.

К тому моменту, когда этот локомотив Истории заработал, уже включился и начал раскручиваться Антимеханизм, рожденный исчерпанием Модерна, отчаянием и безысходностью Запада. Зверь ждал часа и сорвался с цепи. И имя зверю – фашизм. Фашизм – не просто Контр-модерн. Это фундаментальная альтернатива всему, что несут с собой наш мегатренд Модерна и наша мегасмысловая система. Уравнивание фашизма и коммунизма бредово. Это антиподы, фокусы двух антагонистических мегасистем.

Вторая мировая война – это битва между Модерном и Контрмодерном, в которой коммунизм спас мир от фашизма. И это было исторически безальтернативно. В той мере, в какой западный Модерн еще существовал, он понял историческую суть случившегося. Эта суть была открыта тем, кто понимал фундаментальное значение этих ценностей.

Я имею в виду, прежде всего, Рузвельта, его советников и сподвижников. Ничто, конечно, не исчерпывается отдельными фигурами. Но есть фигуры, которые действуют, а есть фигуры, которые говорят. И здесь фигура Томаса Манна, безусловно, индикативна постольку, поскольку речь идет о соединении глубины с определенностью позиции. А Томас Манн сказал о союзе с коммунистами на почве «общей воли к улучшению человечества».

Союз Черчилля и Сталина был условным. Это был союз против общего врага. Но даже Черчилль сказал 22 июня 1941 года: «Нацистскому

режиму присущи худшие черты коммунизма (*слышите – худшие! Кто говорит? Главный враг коммунизма – Черчилль! – С.К.*). Но все это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги».

Казалось бы, Черчилль мог не говорить первых фраз и начать с того, что «все бледнеет перед разворачивающимся зрелищем». Черчилль яро ненавидел коммунизм. Но он не мог не подчеркнуть: фашизму присущи лишь худшие черты коммунизма. Что было эквивалентно признанию наличия фундаментальных различий между фашизмом и коммунизмом. И это – Черчилль!

Рузвельт вел себя иначе, и понимал все иначе. В истории нет места розовым соплям и сладким позитивным снам. Все было жестоко и практично. Но, кроме этих жестокости и практичности, было и нечто иное. А именно – понимание союзников и врагов в борьбе за Модерн.

Смерть Рузвельта (кто-то считает, что убийство) стала стратегическим рубежом. За этим рубежом Запад вновь стал капитулировать перед фашизмом. Дело не в том, в какой степени он использовал фашистов в «холодной войне». Дело в том, что он их не просто использовал, а интегрировал в свою элиту.

А их интегрировав, Запад стал другим. Ибо никаких собственных инновационных оснований для борьбы с коммунизмом у него не было. Старые же основания как-то подогревали жизнь, пока шла война Запада с коммунизмом, но почти мгновенно остыли сразу же по окончании этой самоубийственной войны.

Враги Модерна были в самом Западе. А добавление к ним фашистов оказалось решающим. Запад сам стал убийцей своего Модерна, то есть себя. Фашисты же, героически перегруппировав силы (это приходится признать, особенно на фоне позорной, жалкой трусости и бесплодия коммунистической элиты), выдвинули новую доктрину. В этой доктрине уже нет места германскому нацизму. Фашизм глобализируется, европеизируется, в первую очередь. Он играет со всеми силами Контрмодерна. А на новом историческом рубеже, конечно, ключевой силой Контрмодерна (его и только его инструментом!) стал радикальный исламизм.

Главное для фашизма было уничтожить Модерн до конца. Геополитически (и это было ясно высказано) – уничтожить СССР и США как

«двух ялтинских хищников». Исторически (и это тоже было ясно высказано) – уничтожить либерализм и коммунизм как две силы Модерна.

Важнейшим орудием в этом деле стал Постмодерн. Отсутствие инновационного потенциала Модерна привело к тому, что Модерн стал отрекаться от самого себя. Не надо иллюзий! Постмодерн – это не следующая фаза Модерна. Это невиданное предательство и подрыв во всем, что касается мегасмыслов и мегатрендов.

Обретя Постмодерн, либерализм потерял себя. И нашел своего убийцу. К этому подводила концепция тоталитаризма, уравнившая фашизм и коммунизм и сломавшая всю матрицу, необходимую для понимания, а значит и борьбы на новых исторических рубежах. Уравнители, создавшие модель тоталитаризма, – это предтечи Постмодерна, его интеллектуальная прислуга.

Потом пришел он сам, заявив о смерти всего – смыслов, идеологий, ценностей, проектов, гуманизма, человека, Логоса, Истории, – что больше, куда далее? А к этому моменту человечество оказалось перед новыми эволюционными вызовами. Инновационный потенциал в этой ситуации имеет решающее значение. Постмодерн блокировал инновационный потенциал либерализма, всей западной демократии. В этих условиях защитниками Модерна оказались консерваторы. Но, как говорил герой О'Генри, «песок плохая замена овсу».

Консервативная (или неоконсервативная, неважно) защита Модерна превратилась в ничто после фиаско в Ираке. Стало окончательно ясно, что вместо позитивных ценностей Модерна на знаменах всего того, что назвало себя «новым Римом», оказались лишь выхолощенные знаки в духе Поппера и фон Хайека. Якобы речь идет о привнесении демократии! На самом же деле все видят, что неадекватное вмешательство приводит к эскалации реакции самого худшего типа. Что выстраивается не Модерн (на новом историческом рубеже и этого было бы недостаточно), а новая суррогатная архаика как дополнение к Постмодерну. Возник союз этой вторичной архаики (исламской, в первую очередь, но не только), Постмодерна и Контрмодерна.

И союз этот разворачивает наступление против остатков Модерна, который сам себя лишил последних новых побегов. Что теперь может вырасти на этом иссохшем Дереве? Если не вырастет ничего – можно говорить, что мир входит в этап глобального «распечатывания» всего, что онтологически, метафизически и политически эквивалентно Бездне.

Не исключено, что фон хайеки и иже с ними на этом этапе сыграют решающую роль и маски окончательно будут сорваны.

Но речь идет не об обсуждении логики развертывания конца. Речь идет о том, как его не допустить.

Осмысление сути Второй мировой войны, беспрецедентной войны в Истории, – это не дань памяти, что тоже немаловажно. Это адресация к точке сборки, предполагающей возможность сопротивления в будущем. Это же и платформа для союзов и противостояний. Не может быть стратегического союза коммунизма с Контрмодерном, в какие бы одежды он ни рядился. Тактические союзы бывают самыми пестрыми. Но тактика, в которой жертвуют стратегией, – это не путь победы, это путь поражения.

Более глубокое осмысление коммунизма невозможно вне осмысления его фашистского антагониста. А этот антагонист по-настоящему проявил себя на полях сражений Второй мировой войны. Вопрос не в том, чтобы придавать второе дыхание любому нафталину, красному в том числе. Вопрос в том, каким будет альтернативный инновационный Модерн и чем он ответит своим врагам – Контрмодерну, архаизации, Постмодерну. Вопрос в том, как в очередной раз соединится альтернативная западность России с инновационными альтернативами Модерна (то есть того же Запада).

Любая подражательность со стороны России так же глупа и бесплодна, как и отказ от самой себя и своего мегатренда. Отказ станет концом. А подражательность... Помимо того, что она ничего не дает, она еще и просто технологически невозможна, ибо подражать уже нечему.

Вот что такое для нас сегодня осмысление Победы. Вот какова цена этого вопроса для нашего будущего. В мире есть силы – и это огромные силы, – стремящиеся «подвести черту», спрятав свое предательство Победы под маской величайшего почтения.

Нам же не нужны пышные похороны. Пусть смысл живет хотя бы в катакомбах, но пусть живет. Ибо этому живому смыслу еще предстоит спасти планету и человечество.

Победа – точка сборки. И сквозь этот Алеф мы только и можем вновь увидеть все, что отнято. А значит, и вновь обрести себя.

Прежде еще ты говоришь: «Для общества нет ничего вечного; все для него, как и оно само, временно и случайно; вечность существует только для человека – не как гражданина, а как лица ...». Я думаю, что тут есть какая-нибудь ошибка в твоих выражениях. Ибо не может быть, чтобы ты в самом деле думал, что цель государства должна быть только временная и случайная, а все вечное к нему не относится. Тогда для него и в нем не существовало бы ни справедливости, ни нравственности, ни святости законов,

ни достоинства человека, ни духа
народного и пр., но только удобное
и полезное для временных целей.
... Хотя бывали, может быть,
правители государств, которые
имели подобные убеждения, но,
кажется, никто не смел их громко
выговаривать.

И.В. Киреевский

Ксения Мяло

ТА ВОЙНА

РОССИЯ В МИРЕ

The author highlights the complicated and painful topic of evolution which the national memory about the Russian history greatest event (victory over Nazi Germany) undergoes. As 60th anniversary of the victory has demonstrated, an enormous part of our society is not just losing the tie with meanings of the victory but is ceasing to get interest in these meanings. At the same time events and personalities of that epoch, by virtue of their immensity that nobody can annul, still keep to be a matter of political and psychological maneuvers that are very dangerous for Russia as well as for the world at large. We are drawing up nearer and yet nearer to the line beyond which the final and ultimate revision of WWII results and re-coding of its meanings become possible. Some facts indicate to possible reevaluation of roles performed in that war by Germany and the USSR-Russia. Aftermath of such revision may prove to be really tragic for Russia. Meanwhile the destructive work the principal tool of which is manipulation with the public conscience aimed at elimination of the very ability to perceive the heroic and the sacred in history goes on unabated. Thereby a path to revenge of the innermost occult Nazi idea is opened and paved. This idea asserts that access to the heroic is the privilege conferred to supermen. Therefore opposition to this work means inheritance of anti-Nazism traditions to the same extent as this work continuation means acceptance of the Third Reich traditions.

Их было множество – примет, омрачивших 9 мая 2005 года и лишивших его того ореола общенародного праздника, который, несмотря на все превратности нового смутного времени, все еще окружал этот день вплоть до юбилея, прошедшего незримую, но явственную черту между нашим «вчера» и нашим «завтра».

Иные из этих примет грубо бросались в глаза, и это, конечно, прежде всего, небывало перекрытая, переведенная чуть ли не на осадное положение Москва и призывы к «аборигенам» по возможности покинуть город. Что заставило одних с наивным негодованием, других с желчным смехом, а кого-то и с удовлетворением (ну что, «совки», получили все-таки свое?) вспомнить лающие команды: «Achtung! Achtung!», «Verboten!», «Heraus!» и прочее, столь же радостно-светлое. Но разве менее оскорбительны были трепетные ожидания, почтят ли нас своим вниманием Михаил Саакашвили и Вайра Вике-Фрейберга? Или превращение президента Буша едва ли не в самую центральную фигуру всего торжества?¹ Упорно, и похоже не без оснований, в СМИ говорят и о том, что именно в угоду ему (хотя, не исключено, даже и без каких-либо озвученных пожеланий с американской стороны, а просто от избытка местного лакейского усердия, но что это меняет по существу?) не была приглашена делегация Вьетнама и обеспечено отсутствие на параде президента Белоруссии.

Зато с трибуны для почетных гостей весело махал руками Борис Ельцин. Казалось, еще немного – и он возьмет дирижерскую палочку, да и «урежет марш», как это уже было при позорном выводе-бегстве из Германии остатков того, что когда-то было победоносной Красной Армией. Я уже не говорю об апогее вечерней политической вампуки – торжественном въезде на Красную Площадь американского флага. Вступающим же на площадь участникам парада, в том числе и молодежи, одетой в форму солдат Великой Отечественной войны, и ветеранам, предлагалось на ходу ознакомиться с поразительным историческим открытием: оказывается, у страны, принявшей на себя самый страшный удар гитлеровской военной машины и основную тяжесть ее сокрушения, не было Верховного Главнокомандующего. Вот так, не было и все: череда маршальских портретов открывалась Жуковым. И уж за этой-то

¹ Например, Юлия Петровская так прямо и пишет, возможно, даже не понимая всей двусмысленности своих слов: «...Уже сам факт прибытия в Москву лидера супердержавы – положительное событие для российской политической элиты. Фактически, визит Буша – главное мероприятие праздничных торжеств 8 и 9 мая, и президент не стал скрывать этого, оказав гостю особое внимание – вопреки протоколу... Буш остался доволен» (Независимая газета. 2005. 11 мая. Выделено мной. – К.М.).

позорной и смехотворной корректировкой истории явственно проступал рабский страх перед «княгиней Марьей Алексевной».

Но на меня особо тягостное впечатление произвел рассказ одного молодого человека, 10 мая буквально исходившего километры по Москве в поисках цветов, которые он хотел отнести к Могиле Неизвестного солдата, как с детства привык делать это 9 мая. Оказалось, что цветов, как обычно, и на этот раз завезли в столицу очень много, но 8 и 9 центр был вообще недоступен, они начали увядать, однако и вывезти их было невозможно. А потому дыханием их бесплодной и бесполезной гибели был наполнен воздух вокруг цветочных киосков в метро. И этот сладковатый запах тления внес особую ноту в атмосферу юбилейных торжеств, представ своего рода материализацией сердечных порывов все еще множества людей, в великий день не получивших доступа к святыне.

Поразила и скорость, с которой была свернута военная тема на радио и телевидении и стали закрываться посвященные Великой Победе выставки: иные уже 15 мая. То есть как раз тогда, когда «москвичи и гости столицы» (не vip-персоны, конечно!) получили, наконец, право и возможность передвигаться по городу, да и сами освободились от предпраздничных забот и хлопот: у многих ведь еще есть в семьях ветераны, принято собираться родней и друзьями, навещать кладбища и т.д. Вот здесь бы и походить свободно, подышать воздухом, в котором, несмотря ни на что, пронеслось какое-то святое дуновение. Задержаться у порога, переступив который мы нечто неотвратимо утрачиваем – утрачиваем навсегда. Но...

А все ведь понимают – это разлито в атмосфере, да и произносится вслух, – что мы отметили *последний* юбилей, когда в центр ритуала, по установившейся за десятилетия и, вопреки всем усилиям последних 20 лет, все-таки не до конца разрушенной традиции, все еще можно было поместить ветеранов. Это от них и от алых знамен, под которыми они сражались, изошел на Красной площади тот «альпийский свет»², когда уже зашедшее солнце все еще озаряет самые высокие вершины. Но законы бытия неумолимы, и к следующей круглой дате – если, конечно, сама-то РФ доживет до нее – укрыться за их спинами уже не удастся. И тогда перед страной во весь рост встанут «проклятые вопросы», от прямых ответов на которые она, с не лишённой цинизма легкостью, уклонялась все эти годы. В том числе и главный из них: сохраняет ли для нее самой какой-то смысл этот праздник и нужен ли он ей вообще? Либо

² *Образ, встречаемый в искусстве.*

это была «утешка» для стариков, которую раз в году извлекали из чулана и с непристойной поспешностью убирали туда же по отзвучании праздничных салютов? И которую теперь, за «выбытием адресата», можно выбросить, не сохранив даже как семейную реликвию?

Результаты опроса общественного мнения не обнадеживают. Так, например, по данным Левада-Центра, полученным накануне Дня Победы, число собиравшихся праздновать его за 10 лет (с 1995 по 2005 гг.) сократилось на 11%; а все еще большая доля (71%) удерживается в значительной мере за счет пенсионеров и военных. Это, конечно, еще большинство, но заметно – на 1% в год – убывающее большинство, к тому же следует учесть, что на сей раз речь шла о юбилее. Чего же ждать дальше?

Народным праздником День Победы сегодня считают лишь 27%, почти столько же (26%) называют его государственным официальным праздником, а 25% – праздником ветеранов Великой Отечественной. Но мы уже видели, с какой легкостью (ввели–отменили–заменяли) тасуется у нас колода государственных праздников и с каким безразличием встречается это населением, поэтому всерьез, как могущие повлиять на облик будущего, стоит принимать лишь две крайние позиции. Какая из них возобладает? По данным того же опроса, молодежь в возрасте до 25 лет в два раза чаще, чем люди старше 55 лет, называют День Победы праздником ветеранов. Время, стало быть, работает на эту тенденцию, и если она укрепится, то, вполне вероятно, вместе с гробами последних из могил великого поколения из дома *новой* России вынесут и саму Победу, что, конечно, сделает Российскую Федерацию уже окончательно несоразмерной России исторической. Со всеми вытекающими отсюда следствиями.

* * *

Иным уже так не терпится приступить к «выносу тела», что они, даже не дожидаясь, покуда разъедутся из Москвы ветераны, спешаю́т с предложениями, суть которых так или иначе сводится к полному перекодированию еще теплящихся остатков прежнего смысла Дня Победы и даже перемене самого названия. С одним из самых радикальных выступил главный редактор журнала «Свободная мысль XXI» Владислав Иноземцев: «...Не стоит ли превратить советский День Победы в общеконтинентальный День Европы? Тем более

нужно признать: в этом году усилиями российского руководства это уже было практически достигнуто»³.

Что же, такая откровенность дорогого стоит. По крайней мере, она – возможно, и помимо воли автора – срывает с московского саммита фиговый листок официальной пропаганды и грубо обнажает дальние цели, во имя которых величайший общенациональный праздник, единственный, еще остающийся у России и еще связующий между собой миллионы людей в бывшем СССР, оказался превращен в бенедикс политических элит. В основном, западных: Буш и Шредер полностью оттеснили на второй, если не на третий план даже лидеров Китая и Индии, да и Коззумы как-то затерялся.

Ужасает и обоснование, которое дает Иноземцев своему предложению, грозящему столь разрушительными для национального сознания последствиями, ужасает именно своей простотой, несоизмеримой с этими последствиями. Видите ли, с уходом ветеранов пафос праздника все равно угаснет (это принимается как неизбежность, которой и не стоит сопротивляться), зато 9 мая 1950 года была оглашена шумановская декларация об образовании Союза угля и стали между Францией и Германией, декларация, положившая начало строительству объединенной Европы, которая теперь обретает форму Евросоюза. Так чем не повод для торжества – не только для европейцев, но и для жителей России?

Нужды нет, что любоваться всеевропейским празднеством последним (я говорю, конечно, о рядовых гражданах, а не об *элитах*) придется из-за забора. Россия ведь не член Евросоюза и в обозримом будущем таковым, конечно, не станет⁴. И если у Иноземцева, вполне вероятно, нет особых проблем с получением визы, то для подавляющего большинства россиян это далеко не так – буде все они даже решат (допустим такую фантастическую возможность) праздновать День Победы, то бишь День Европы, в Париже. Или – чем черт не шутит! – в Берлине. Как раз московский саммит, прообраз этой грядущей метаморфозы, показал, каким непреодолимым и в будущем останется для граждан

³ *Независимая газета*. 2005. 11 мая.

⁴ *О чем и сами европейские политики говорят с полной откровенностью. Так, например, по мнению Фолькера Рюэ, главы внешнеполитического комитета бундестага, «Россия сама по себе целый континент. А континент не может стать членом Европейского союза» (Независимая газета. 2005. 22 апреля). Примерно такой же точки зрения придерживается Марко Франко, новый глава Европейской комиссии в России: «Если посмотреть на географическую карту и место, занимаемое на ней Россией, то скорее не Россия, а ЕС может подумать о присоединении» (Независимая газета. 2005. 21 февраля).*

России визовый барьер и с каким изощренным упорством ЕС будет и впредь отыскивать новые и новые предлоги для отклонения всех российских инициатив по этому вопросу.

Хавьер Солана, например, отнюдь не золотит пилюлю: «Мы начали об этом говорить, но пока я не могу назвать точного срока, когда согласие по этим вопросам будет достигнуто»⁵.

Еще красноречивее, однако, заявление Бениты Ферреро-Вальднер, прозвучавшее накануне саммита и сделавшее акцент на необходимости подписания Россией договора с Латвией о границе как об одном из важнейших условий решения вопроса о безвизовом режиме между Россией и ЕС.

Но ведь всем, а уж тем более чиновникам панъевропейских структур, известен контекст, в котором именно Латвия помещает вопрос о договоре с Россией, а потому такое лоббирование латвийской стороны – это уже нечто посерьезнее вопроса о визах. Это прямое указание на то, что России не следует впредь апеллировать к каким-либо аргументам из эпохи Ялты, Потсдама и Хельсинки-75, а стало быть, очередной шаг к пересмотру итогов Второй мировой войны. И тут уже не только переменной названия праздника пахнет, здесь маячит утрата Россией хотя бы формально остающегося за ней статуса державы-победительницы. И то, что **так** ставит вопрос Европа, столь много выигравшая от советской жертвы и победы – да, прямо скажем, выигравшая продолжение своего собственного исторического бытия, которое она оказалась не способна защитить самостоятельно, – возвращает нас к вопросу, уже однажды, по изгнанию «дванадцати языков» за русские рубежи, встававшему перед Россией. Тогда Кутузов, как известно, щадя русскую кровь и понимая, что в сторону Москвы Наполеон больше никогда не взглянет, выступил против продолжения войны и за предоставление Европы ее собственной участи. Однако возоблдала, конечно, позиция Александра I, в итоге сложившего русскую победу к ногам Священного Союза, т.е. европейских монархий. Разумеется, Европа сполна отблагодарила Россию Крымской войной, и это был один из самых тяжелых полученных нами исторических уроков. Но усвоили ли мы его? Известно, чем обернулся для нее в начале Первой мировой войны союзнический отклик на просьбу Франции отвлечь противника русским наступлением на востоке. А я по детским своим впечатлениям помню, что с переходом Красной Армии за границу СССР кое-кто из наиболее проникательных взрослых уже тогда усматривал нечто двусмысленное в пафосе «осво-

⁵ *Независимая газета. 2005. 11 мая.*

бождения Европы» (ведь только что была освобождена **наша** истерзанная страна, и что могло сравниться с этим?). И если бы этот пафос адресовался только освобождению узников концлагерей, среди которых было так много наших соотечественников, – тут вопросов бы не возникло. Но в принесении на алтарь спасения Кракова или Вены «ванек», «васек», «махмудов» и прочих было что-то неподобающее. Ведь и брать-то эти города старались без артподготовки – как же, «священные камни Европы», но орошались эти камни кровью наших солдат.

Скажут, к чему вновь ворошить эти горькие страницы: в конце концов, история уже состоялась, да и Гитлер отнюдь не чета Наполеону, но фигура гораздо более зловещая и демоническая – такое зло, которое должно быть вырвано с корнями, насколько то доступно силам человеческим. Все так, все верно, как верно и то, что Германия (сейчас это можно утверждать с полной достоверностью) быстро продвигалась к созданию ядерного оружия, которое не поколебалась бы пустить в ход – конечно, прежде всего, на Востоке. Не мифом, не журналистской выдумкой, как оказалось, была и подготовка операции «Немыслимое» – совместного выступления против СССР наших вчерашних союзников и Германии, намечавшегося на 3 июля 1945 года⁶. Наконец, речь шла о послевоенном устройстве Европы, гарантирующем безопасность СССР, и все это не оставляло места для выбора. А потому «медаль за город Будапешт» на груди осиротевшего солдата – это ведь и медаль за спасение СССР от вполне реального ядерного удара, на который он тогда еще не смог бы ответить. Заодно Красная Армия, конечно, освободила и Будапешт, как и всю Восточную Европу, ныне утверждающую, что на советских штыках ей принесли **новую несвободу**. Такой взгляд все шире распространяется даже в Германии, которая, коль скоро процесс и дальше будет развиваться сходным образом, пожалуй, тоже вслед за странами Балтии и Польшей предъявит нам свой счет за оккупацию. Сегодня это кажется невероятным, но кто 20 лет назад мог предсказать эссовские марши по улицам Риги и Таллинна, бесправие здесь ветеранов Великой Отечественной, грубые территориальные притязания Латвии – и все это при благосклонном покровительстве ЕС? А сегодня тем, кто пытается противостоять мстительным настроениям, все больше овладевающим Германией, приходится все-таки делать необходимые оговорки.

Так, председатель ПДС Лотар Биски писал менее чем за месяц до юбилея: «...Мы не должны забывать, что наибольшие жертвы ради этого

⁶ Ржевскийский О.А. *Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М.: Наука, 2004. С.524–529.*

(разгрома фашизма. – К.М.) понесли народы Советского Союза и им принадлежит наибольшая заслуга в победе.

В Германии следует также помнить, что война "вышла отсюда" и оставила на своем пути кровавый след вплоть до Москвы. Говорить об этом надо потому, что *сейчас у нас большие вспоминают о том, что случилось на пути назад* (курсив мой. – К.М.). Мы намерены соблюдать баланс и тоже не упускаем этого из виду. Но мы не будем заниматься только судьбой немецких беженцев⁷.

О «новой несвободе» заявил в предпраздничном интервью газете «Билью» и немецкий канцлер. Без этого акцента в Германии, видимо, теперь не обойтись. Но мы вовсе не были обязаны **освободить** Германию, которая, кстати сказать, так и не принесла нам извинений, сходных с теми, что неоднократно звучали по поводу Холокоста, – младенцы, женщины и старики, сожженные заживо в Хатыни, да и все 18 миллионов гражданского населения, у которых отняли жизнь нацисты, видимо, не повод для этого. В самом деле, в подавляющей части это были славяне, а о них стоит ли говорить? Итак, мы не были обязаны освободить ни ее, ни ее союзников. Этих клише, затуманивших простую и чистую правду отпора жесточайшей агрессии, потребовала тогдашняя идеология (а пик приходится на эпоху Хрущева), и нельзя сказать, чтобы она была использована слишком умело. Тем не менее мы все-таки действительно освободили их, в противном случае им придется сказать, что они предпочли бы остаться под властью Третьего рейха.

⁷ *Независимая газета. 2005. 11 апреля. – К сожалению, как то и присуще ей, нынешняя Россия никак не отреагировала на решение парламента берлинского района Штеглиц-Целендорф, хотя отреагировать было на что и даже в Германии оно вызвало некоторый политический скандал. Суть же в том, что местный парламент этого района решил 8 мая почтить память не только жертв фашизма, но и немцев, убитых советскими (только?! – К.М.) солдатами. В заявлениях депутатов так и говорится: «8 мая символизирует также ужас и страдания, которые Красная Армия принесла немецкому населению». А потому народные избранники «намерены почтить память... беженцев, изнасилованных женщин и тех, кто погиб от бессмысленных бомбардировок (Московская правда. 2005. 17 февраля. Подчеркнуто мной. – К.М.). Здесь достойно внимания все: и то, что убивали немцев, оказывается, только советские солдаты и они же несут ответственность за жертвы ковровых бомбардировок, хотя именно СССР их не проводил. И то, что за данное постановление высказались представители ХДС и СвДП (против – социал-демократы и «зеленые»). Но, пожалуй, самое интересное – это прозвучавший в развернувшейся перепалке упрек в сторону России в том, что «жертвы Красной Армии» до сих пор не получили компенсации за понесенные страдания. Что же, будем ждать продолжения? Так или иначе прецедент создан.*

Потому что пустопорожняя и политически конъюнктурная болтовня, будто без Советов их освободили бы американцы, гроша ломаного не стоит, **тогда** все понимали, что без Красной Армии никто и ничего не освободил бы в Европе⁸.

Разумеется, только безумцы ждут, а тем более требуют пожизненной благодарности, но есть черта, которую переступать нельзя. За ней начинается отрицание исторической правды и глумление над жертвенным подвигом, а Европа, все чаще принимающая менторский тон по отношению к России и попустительствующая Балтии, Польше, теперь вот и Германии, эту черту пересекла, не сумев (или не захотев) сдержаться даже в дни юбилея. Но кто же в этом виноват больше нас самих? Ведь это мы не только позволили другим перейти роковую черту, но, что гораздо страшнее, сами пересекли ее. Ведь это Россия позволила не только осквернить последний при живых еще ветеранах юбилей Победы вновь поднятой шумихой вокруг пакта Риббентропа–Молотова⁹, но даже на самом высоком уровне, отбиваясь от журналистских пираний, так и не решилась напомнить о Мюнхенском сговоре и последовавших за ним англо-германском и франко-германском соглашениях.

Первой же (еще в 1934 году!) пакт о ненападении заключила ныне такая голосистая Польша, после Мюнхена отхватившая себе кусок че-

⁸ Французский генерал Ж.Катру, 21 июня 1945 г.: «Советский Союз покрыл себя славой и вписал в историю страницу, не имеющую прецедента в прошлом. Нельзя забывать, что если бы не неослабевающее сопротивление Красной Армии и, в частности, защитников Сталинграда, окончательная победа над врагом не была бы одержана и мир имел бы сейчас иной облик». Глава временного правительства Австрии К.Реннер, 19 августа 1945 г.: «Грядущие поколения с благоговением будут вспоминать, как в результате героических подвигов Красной Армии, беззаветной готовности советских солдат к жертвам... был уничтожен проклятый режим национал-социализма. Все человечество перед ними в долгу». Наконец, Д.Ллойд Джордж (из записи беседы посла СССР в Великобритании Ф.Т.Гусева с министром иностранных дел Великобритании А.Иденом, 13 января 1944 г.) на реплику Идена: «Как же, мы боремся против общего врага и договорились совместно с русскими вести борьбу до полного разгрома Германии» – ответил: «Русские, а не мы борются против врага. Русские одни боролись против немцев в 1942 г., они продолжали бороться в 1943 г. и сейчас бьют немцев без нашей помощи» (Величие подвига советского народа. М.: Международные отношения, 1985).

⁹ А это, как и в 1989 г., делается отнюдь не из благородной любви к истине, но в целях, от благородства весьма далеких, но реальных и масштабных. Допустим, в 1989 г. еще можно было наивно полагать, что вот мы «признаем», «покаемся», и наступит мир и в человецех благоволение (хотя в наивность именно инициаторов процесса и тогда было бы вот именно наивно поверить). Но сегодня, когда у всех перед глазами результаты предыдущего раунда?

хословацкой территории. СССР в этой цепочке был последним, и когда-то, не столь давно, такая последовательность событий была хрестоматийно известной. Так чем же объяснить нынешние фигуры умолчания и вызывающие, мягко говоря, недоумение ссылки на «личное дело Сталина и Гитлера»? Вопрос тем более законный, что это «личное дело» сегодня, как и 20 лет назад, оказалось стержнем прокатившейся по западным, да и по нашим СМИ, напористой кампании по созданию образа «другой войны». Такой, где СССР был зачинщиком и агрессором, вклад его в Победу над фашизмом – ничтожным, а Красная Армия – ордой алкоголизованных насильников и грабителей.

Разница между западными и отечественными версиями «другой войны» заключается, однако, в том, что на Западе бьют **не по своим**. Напротив, чем гаже и ничтожнее, чем преступнее выглядит СССР и его армия, тем более белоснежным и приподнятым на котурны предстает он сам. **Свой** образ во Второй мировой войне не дегероизируется, а, напротив, героизируется – разве не яркое свидетельство тому «Рядовой Райан» или «Перл-Харбор»? И разве кто-нибудь говорит, что Англия должна была сдать Гитлеру, а США – Японии? Иными словами, там «другая война» – это **их** война, **их** подвиг и **их** победа, главный смысл которой не ставится под сомнение. Разрушительная же по отношению к СССР–России работа СМИ несущие опоры общественного общенационального сознания укрепляет. У нас же замена образа **той** войны версией **другой** войны до такой степени опасна для подобных основ (во многих умах уже обрушилась их), произвела такие разрывы в общественном сознании, что становится неясным, можно ли вообще еще говорить о национальной консолидации, о необходимости которой так любит упоминать руководство РФ.

Никакая консолидация не может происходить без консолидирующего смыслового ядра, а сама амплитуда приобретающих все более «пиарный» вид поисков национальной идеи, этих бросков от *ad hoc*¹⁰, по явно политически-конъюнктурным соображениям введенного нового государственного праздника, до смехотворного грызловского предложения сделать «красным днем календаря» 18 мая 2005 г. – день, когда команда ЦСКА выиграла кубок УЕФА, – говорит о том, что ядра этого нет. Предложение же Грызлова, как и тотчас же собравшийся радиосимпозиум политологов, в течение часа (!) обсуждавших вопрос о возможном помещении футбола в центр пресловутой национальной идеи (которая все больше начинает смахивать на «черную кошку в темной комнате»), может быть, вообще не заслуживало упоминания, если бы не жалкая

¹⁰ *ad hoc* – имеющее особое назначение, специальную цель.

компенсаторность всей этой суеты, если бы не происходило все это в стране, познавшей 9 мая 1945 года и полет Гагарина.

Что же до попытки реанимировать воспоминания об эпохе Минина и Пожарского, то сами по себе эти имена давно и прочно вошли в национальный пантеон, а такой пантеон есть у каждого народа, куда он живет исторической, а не только биологической жизнью. Они были возвращены и вновь освящены еще в советское время, как раз в годы Великой Отечественной войны, главное в той далекой эпохе уже перелилось в священное предание эпохи новой, а потому обрушение его вновь превращает и далекий 1612 год просто в дату, в ряд событий и имен, к которым, как то присуще реальной истории вообще, подмешано немало грязи, крови, подлости и низости. Да коли на то пошло, разве их меньше в библейской истории? Иные ее страницы страшно читать, а тем не менее именно на этом фундаменте зиждется и библейское священное предание. И оно тоже правда, а не ложь – правда в том значении, в котором поиски ее не тождественны соглядатайству (и в таком случае в русском языке слово это принято писать с большой буквы).

Между тем Великую Отечественную продолжают судить именно по меркам соглядатайства, и по ряду признаков разрушительная эта работа, аннигилирующая историю вообще, готовится возобновиться с новой силой. Собственно, она не прекращалась и на протяжении всех предпраздничных месяцев и даже дней, на мгновение затихнув лишь 9 мая. Но уже 11 мая (опять! вот ведь какая спешка!) «Независимая газета» опубликовала небольшую, не всеми, быть может, и замеченную статью театрального критика Павла Руднева, которую та самая радиостанция, что организовала симпозиум по вопросу о превращении футбола в национальную идею новой России, тотчас же подняла на щит, назвав ее «событием дня». И было за что.

Кажется, почти напуганный даже тем слабым отблеском сакрального, который лег на 9 мая 2005 года, автор торопит общество вернуться к истокам. «Мы стали свидетелями, – повествует он, – чудовищных откровений и журналистских (!) разоблачений о войне, делающих войну еще более правдивой и драматичной, но и они остаются уделом очень узкой группы людей. Все эти разоблачительные сведения о блокаде, о том, как жировали обкомовские работники, о *принудительной алкоголизации солдат*, о штрафбатах и армии Власова, о закономерных неудачах первых лет и двуликой позиции Жукова, сорванном контрнаступлении Сталина на Германию – бесконечное количество тем» (курсив мой. – К.М.).

Других тем, как видим, не предлагается, зато предложенный перечень – какое «дежа вю»! И нужды нет, что все эти «журналистские ра-

зоблачения», по большей части, представляли собой груды лжи и фальсификаций, давно обличенных работой честных и серьезных исследователей (среди которых мне особенно хотелось бы выделить книгу израильского историка С.Городецкого «Удар "Ледокола"»), что армия «алкоголиков» – ведь, по Рудневу, уже более трех лет ее спаивали! – не могла бы продвигаться к Берлину с той скоростью, которая Томасу Манну напомнила полет окрыленных духов, а Гудериана заставила говорить о «катастрофической быстроте развития событий на востоке». Что ложью – и, намеренным или непреднамеренным, отмыванием нацистских преступников – был впившийся в сознание миллионов людей (а отнюдь не «узкого круга») тезис о том, что мы «завалили врага своим мясом»: сейчас, опираясь на плоды поистине подвижнического труда целого ряда людей, можно со всей определенностью говорить, что наши *военные* потери абсолютно сопоставимы с немецкими. Что из наших военнопленных погиб (в немецких концлагерях!) каждый второй, а большинство немецких военнопленных вернулось домой; что, наконец, не было повального отправления наших военнопленных в «сталинские лагеря».

Можно было бы продолжать, но ясно ведь, что речь идет не о поиске истины, а о пропаганде и что «все опять повторится сначала». Магистральное же ее направление и ключевой инструмент названы в заметке со всей определенностью: *дегероизация*. Что подводит нас к самому существу проблемы. «Сегодня, – пишет Руднев, – День Победы – ветеранский праздник». Нужно вернуть его молодежи, но как? О, конечно же, «не в жанре мифологии и Троянского цикла, а в жанре суровой правды». Между прочим, на Троянском предании основался Рим, и не только Рим, но и Британия: к Риму апеллировали монархии средневековой Европы и рушившая их Великая Французская революция, и все это было движимо духом героического мифа. Если, конечно, последний понимать не как детскую сказку и ложь (где уж ему устоять перед «журналистскими разоблачениями!»), а как драгоценный плод возгонки нетленных смыслов человеческого бытия на земле, как своего рода «философский камень», ключ к бессмертию, передаваемый от одного поколения к другому или от одного народа к другому, если первоначальный создатель и хранитель такого мифа сам утрачивает связь с ним. Именно это произошло с «ветхим Римом», а мы, похоже, стоим на пороге подобной же утраты. Ну как же тут не спешить! Еще немного, еще одно усилие по «дегероизации» – и...

Вот пишут же московские старшеклассники: «Зачем вообще была нужна победа в этой войне? Если бы мы ее проиграли, рынок пришел

бы к нам еще тогда и мы бы давно уже были развитой европейской страной». Понимаете? Гитлер собирался сделать нас «развитой европейской страной», а про план «Ост» великовозрастное дитя и не слыhalo.

Или: «Зачем так называемые герои совершали свои так называемые подвиги? Все эти Зои Космодемьянские, все эти Александры Матросовы? Зачем партизаны вели себя так глупо и нецивилизованно? Они нарушали правила ведения войны»¹¹. Которую, подразумевается, нацисты вели «по правилам» и «цивилизованно».

Поражает здесь не только сочетание «отвязанного» высокомерия с дремучим, прямо-таки непристойным невежеством: значит, школьники вообще не знают не только советской, но и западной литературы о войне, не видели ни «Гибели богов», ни «Выбора Софи», ни многого другого. Хуже, страшнее другое: похоже, они уже никогда не прочтут и не посмотрят этого, им это неинтересно, они этого просто не воспринимают. Здесь, если воспользоваться жутким образом О.Мандельштама, «наступает глухота паучья», здесь грань страшного эволюционного провала, перейдя которую человек действительно становится не способен воспринимать героическое в истории, а стало быть, отлучается от сокровенного потока движущих ее сил. И разве не таков был тайный, самый главный замысел фашистской доктрины, завесу над которым приподнимает «эзотерический гитлерист», чилиец Мигель Серано?

Лоботомия духа героики, изъятие его из большей части человечества – вот суть этого замысла. Ибо, пишет Серано, надо сокрушить страшную ложь о том, «будто бы все люди имеют душу, будто бы душа есть у человеко-зверя». А что первыми приобщались к бессмертию герои – о том повествуют еще древнегреческие мифы. И потому едва ли не больше, нежели способность «недочеловеков» создавать первоклассное, превосходящее немецкое, оружие (известны припадки истерического бешенства у Гитлера по этому поводу), нацистам представлялась немислимой, непозволительной, прямо-таки нарушением законов их космоса способность этих же «недочеловеков» к героическому. А значит – их способность овладеть ключами к бессмертию. Хуже того – эти, по мнению московского школьника, «так называемые» осмелились присвоить себе «красные доспехи», знак «... материи, пропитанной некоторой субстанцией или нетленной, бессмертной энергией, "твердой, как алмаз, красной, как рубин..."»¹². Мы еще можем видеть сияние этого

¹¹ Литературная газета. 2005. 13–19 апреля.

¹² Серано М. Воскрешение героя. М., 1994. С.33. – Здесь и ответ на вопрос, почему иным

рубина, когда выносят знамя Победы, водружение которого над рейхстагом было действием поистине мистериальным, увенчанием битвы, в которой человек отказался принять имя человеко-зверя, если угодно – защитил божественный замысел о себе самом. И разве сознанию, подлинно религиозному, это не должно говорить больше, нежели сладостные повествования, что вот обнесли икону вокруг Ленинграда, Сталинграда, Москвы – и выстоял город. Выстоял без идущих на смерть солдат, без подвижнического труда женщин и подростков на военных заводах? Как далеко это от подлинного православного учения о синергизме (соединении человеческих и божественных усилий, устремляющихся к одной – праведной! – цели). Ведь это опять дегероизация, и не потому ли навязывается она, что – такова правда реальной истории – на стороне Бога в той войне бился **советский** человек, иногда верующий, но чаще неверующий в обычном понимании этого слова. Вот этой правде боится взглянуть в глаза наша Церковь, но в нее не побоялся всмотреться белоэмигрант Гайто Газданов, столкнувшийся с советскими партизанами в оккупированной Франции и оставивший нам удивительные по глубине и честности строки. Текст этот, хотя и пространный для цитирования, мне, ввиду почти полной его неизвестности, хотелось бы привести здесь целиком, ибо такое понимание еще понадобится нам, если, конечно, страну, действительно, не поразит полная амнезия и она не утратит окончательно связь со своим священным преданием, которое творится отнюдь не соглядатаями. А участь утративших такую связь народов известна.

Россия раньше других почуяла ужас будущего. «И вот оказалось, – пишет Газданов – что, с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью, Россия воспитала несколько поколений людей, которые были созданы для того, чтобы защитить и спасти свою родину. Никакие другие люди не могли бы их заменить, никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы страна находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 года, – вопрос о восточном фронте очень скоро перестал бы существовать. Но эти люди были непобедимы»¹³.

Версии **другой** войны не имеют даже подступа к ключам этой непобедимости, но, покуда тайна их не разгадана, нужно, преодолев глухоту, вспомнить все-таки о **той** войне.

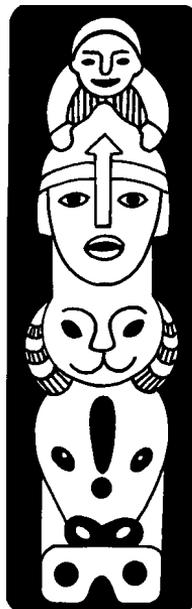
так не терпится поскорее снести рубиновые звезды над Кремлем.

¹³ *Независимая газета. 1996. 28 марта.*

В каких-то обстоятельствах я и сам, очевидно, мог быть и бывал тогда несправедлив в своем хотя бы мысленном недоверии к людям, в мысленном допущении того, чего не было оснований допускать. Какой-то своей частицей это недоверие сидело во мне – тогдашнем. ... Воссоздание действительной атмосферы того времени, всех его событий и особенностей, в том числе и духовных, – это длительный и сложный процесс познания, а для людей, которые, подобно мне, так или иначе были действующими лицами того времени, – это одновременно и процесс самопознания. В процессе этого познания и самопознания мы, не

унижая, но и не щадя себя, идем по нелегкому пути установления исторической правды. Конца ему пока еще не видно, однако пройденный нами отрезок уже достаточно велик, чтобы дать представление о мере нашей решимости.

Константин Симонов

Валерий Каджая

**КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ:
ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ
И
В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

A.I.Solzhenitsyn has marred his long and glorious pilgrimage in the literature and public life by massive (about one thousand pages) two volume pseudo-historical treatise «Two hundred years together». The book deals with the common living of Russians and Jews in single Russian state. People of wit immediately invented another title to the book: «Two hundred years apart». This ironic title in the best possible way passes the spirit and content of the Nobel prize winner's swan song. Solzhenitsyn has exceptionally vividly expressed the old, inherited from the Black Hundred idea that Jews are not just a foreign body in Russia but that they, by every their action, have promoted collapse of the Russian statehood, spirituality and culture. Even participation of Jews in the Great Patriotic War Solzhenitsyn contrived to present in such way that, according to him, Jews preferred to hole up in the rear and if by a chance got to the frontline then, most often, found positions in some safe and comfortable places and services and did their best to avoid real fighting. Even if both volumes of «Two hundred years together» are full of lies and falsified from first to last «During the war with Germany» chapter stinks of anti-Semitism for, as it proved to be, Solzhenitsyn is impregnated to the marrow of his bones.

Второй том нашумевшей книги Солженицына «Двести лет вместе» о совместном проживании русских и евреев на протяжении последних двух веков – с 1795 года – задержался более, чем на год. Первый том был подписан в печать 4 июня 2001-го, недели через две или три состоялась его пышная презентация, на которой не менее пышно было объявлено, что следующий том читатели получат где-то в ноябре. Получили в декабре, аккурат к Новому году, но не 2002-го, а 2003-го. Почему задержался так сильно выход в свет уже готового второго тома – это тема для отдельного, почти детективного разговора, весьма, кстати, интересного. Но за год вынужденного ожидания первый том был изучен вдоль и поперек, с головы до ног и с ног до головы. Короче, места живого на нем не осталось. Подавляющее большинство критиков охарактеризовало книгу как в чем-то откровенно, а в чем-то завуалированно, но в целом – антисемитскую. Но если в первом томе антисемитские уши, причем не ослиные, а скорее слоновьи, хлопали каждой страницей, то во втором томе Гульчатай полностью открыла личико. И тогда обнаружилось, что вовсе это не личико Гульчатай, а бородастая рожа Абдуллы.

Действительно, правы оказались те, кто предупредил, что в первом томе – всего лишь цветочки, а вот ягодки, и очень сочные, нас ждут во втором. Так и получилось: подобного рода антисемитизмом российский читатель не имел удовольствия наслаждаться со времен шульгинского эссе «Что нам в них не нравится...», написанного в 1928 году. Но Василий Витальевич, во-первых, никогда и не скрывал, что он антисемит, и даже гордился этим; во-вторых, почти не претендовал на роль историка; и, в-третьих, еще меньше претендовал на роль арбитра. Александр же Исаевич уверяет всех и вся, что к евреям он зла не питает, у него и друзей среди них немало, но... истина ему дороже. Во-вторых, нобелевский лауреат искренне уверен, что написал исторический труд. И, наконец, со свойственным ему гипертрофированным самомнением Солженицын объяснил, что взялся за «каленный клин», дабы «объемно и равновесно» осветить его, ибо «до сих пор не появился такой показ или освещение взаимной нашей истории, который встретил бы понимание с обеих сторон».

«Объемность» получилась даже сверхобъемной: тысяча страниц текста – это вам не фунт изюму. Что касается «равновесности» – тут сам В.Шульгин снял бы шляпу...

В ТАШКЕНТЕ И НА ПЕРЕДОВОЙ...

Второй том охватывает период от Февральской революции до распада Советского Союза. В нем 27 глав и каждая пропитана густейшей, нескрываемой юдофобией, но в главе 21-й «В войну с Германией» А.Солженицын доходит до откровенного nepотpeбcтвa. *«Хотя я участник той войны, – пишет А.И., – мне меньше всего в жизни пришлось заниматься ею по книгам, собирать о ней материалы или писать о ней что-либо. Но я – видел евреев на фронте. Знал среди них смельчаков».*

Я не случайно выделил эту фразу, мы еще вернемся к ней, поэтому прошу запомнить. Затем Солженицын – приличия ради – приводит несколько имен евреев-смельчаков, но тут же выливает на ложку меда преобладающую бочку дегтя: *«И все же, несмотря на эти примеры бесспорной храбрости, с горечью констатирует еврейский исследователь "широко распространенное и в армии, и в тылу представление об уклонении евреев от участия в боевых частях". Это – точка болевая, больная. Но если обходить больные – нечего братья за книгу о совместно пройденных испытаниях».*

Не будем обманываться насчет «еврейского исследователя»: да, таковой есть, это С.Шварц. Солженицын скрупулезно пунктуален в своих сносках, но ведь цитата выдернута из контекста, в котором как раз и доказывается, что *«широко распространенное представление»* не соответствует ни на йоту действительности. И снова ссылки на еврейских исследователей – прием, многократно примененный автором еще в первом томе и столь же многократно высмеянный, разоблаченный и опровергнутый: *«Во время последней войны антисемитизм в России значительно усилился. Евреев несправедливо (выделено мной. – В.К.) упрекали в уклонении от военной службы, и особенно от службы на фронте». – «О евреях говорили, что вместо того, чтобы воевать, они штурмом овладели городами Алма-Ата и Ташкент...» – «Выражение типа "мы на фронте, а евреи в Ташкенте", "на фронте не видно евреев" – можно было услышать как среди солдат, так и среди гражданских лиц».*

Проведя массивную артподготовку выдернутыми из контекста цитатами еврейских исследователей, в бой, наконец, вступает сам Солженицын: *«Свидетельствую: да, среди солдат на фронте можно было такое услышать. И после войны – кто с этим не сталкивался? – осталось в массе славян тягостное ощущение, что наши евреи могли провести*

*ту войну самоотверженной: что на передовой, в нижних чинах, евреи могли бы состоять **гуце***» (выделено мной. – В.К.).

И что же – это «тягостное ощущение» Солженицын, претендующий на роль историка, то есть человека, который изучает войну не по ощущениям, а по фактам, как-то пытается опровергнуть? Пропустив мимо ушей подчеркнутое мной в выдернутой цитате из книги того же С.Шварца ключевое слово «**несправедливо**», Александр Исаевич снова выдвигает «*по перед себя*» других еврейских авторов, которые отмечают, что «*количество евреев – комиссаров и политруков в различных подразделениях во время войны – было относительно большим, чем на других армейских должностях*». Но Солженицын, как русский историк, кроме еврейских источников, мог бы обратиться и к русским тоже. А согласно последним, институт комиссаров был ликвидирован в Красной Армии еще в 1936 году, затем Сталин вновь ввел его в начале войны, но летом 1942-го окончательно утвердил в войсках единоначалие. Так, комиссар полка стал заместителем командира по политчасти (замполитом), а младшее звено, например, политрук взвода или роты, воевал на передовой вместе со всеми, не имея никаких преимуществ перед летящими на него пулями и снарядами.

«*Кроме того, само собой, евреи были, –* отмечает далее Солженицын, вновь передавая слово еврейским источникам, – *среди главных специалистов военной медицины... среди начальников санитарных управлений ряда фронтов... среди генералов Красной армии было 26 евреев – генералов медицинской службы и 9 – генералов ветеринарной службы, 33 генерала-еврея служили в инженерных войсках*». Почему-то именно на этом перечне А.И. обрывает «*еврейские источники*». А куда делись общевойсковые генералы – командиры стрелковых дивизий, той самой пехоты, которая «мать войны», а также танковых войск, авиации, артиллерии и т.д.? Но об этом отдельный разговор. «*Конечно, –* замечает как бы между прочим Солженицын, – *евреи-врачи и военные инженеры занимали не только высокие посты: среди военных медиков... было множество евреев (врачей, медсестер, санитаров) ...*»

А общий вывод таков:

«*Но как бы неоспоримо важны и необходимы ни были все эти службы для **общей** победы, а доживет до нее не всякий. Пока же рядовой фронтовик, оглядываясь с передовой себе за спину, видел, всем понятно, что участниками войны считались и 2-й и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, **вся*** (подчеркнуто мной. – В.К.) *медицина от медсанбатов и выше, многие тыловые технические части, и во*

*всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писари, и еще вся (подчеркнуто мной. – В.К.) машина армейской пропаганды, включая и передвижные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады, – и всякому было наглядно: да, **там** евреев значительно гуще, чем на передовой».*

Самое забавное, что это говорит человек, за два с половиной года, проведенные на фронте, не сделавший по врагу ни одного выстрела, хотя и командовавший батареей. Но батарея-то была не огневая, а «звуковая». Да, да, Солженицын командовал так называемой *звукометрической батареей*. В ней не было ни одного орудия, лишь аппараты, засекавшие по залпам вражеские орудия. А сам командир сидел в безопасном блиндаже километрах в трех–четырёх от передовой, в тех самых 2-м или 3-м эшелоне, и вычерчивал оси абсцисс и ординат и прочие синусоиды, а потом передавал свои расчеты дальнобойной артиллерии, расположенной еще глубже. Та уже и начинала молотить вражеские объекты, чаще всего впустую, так как методика выявления по звуку была крайне несовершенной.

И снова, опять же для «равновесности», Солженицын соглашается, что, *«конечно, евреи воевали и в пехоте, и на передовой... но на отдельных примерах – ни в ту, ни в другую сторону – ничего не строится. (Совершенно справедливое замечание. – В.К.) А надежной статистики, и главное, более дробной, – нет; и вряд ли всплывет когда-нибудь».*

Есть такая статистика! И достаточно она надежная, и достаточно дробная, а главное – общеизвестная; надо было только снять с себя антисемитские шоры и писать не по заданности, а по совести.

Помните, уважаемый читатель, в начале статьи я привел цитату Солженицына и просил обратить на нее особое внимание, даже выделил **черным курсивом**. Перечтите ее внимательно и сравните со следующей:

«Хотя я современник и участник ее (войны. – В.К.), но меньше всего мне в жизни пришлось заниматься ею, собирать по ней материалы или писать что-либо. Поэтому оговариваюсь: ни на какую научную проверку фактов и обоснованность доводов не претендую (sic! – В.К.). Вот мое субъективное впечатление. Я видел евреев на фронте. Знал среди них бесстрашных. Не хоронил ни одного» (подчеркнуто мной. – В.К.).

Это даже не бесстыдство – это паскудство.

Цитата взята мною из апокрифа – книги, написанной А.Солженицыным в 1968 году и изданной без его ведома в 2000-м. Сначала Александр Исаевич возмущенно отрещивался от своего детища, но, когда

выяснилось, что авторский оригинал сохранила его первая жена Наталья Решетовская и передала ее в Пушкинский Дом, в отдел секретных рукописей, пришлось позу возмущения сменить на фигуру умолчания. А также срочно остановить набор второго тома и вносить в него необходимые коррективы. Но кое-что, как видите, проскочило, а глава «В лагерях Гулага» перекочевала из книжки 1968-го во второй том полностью, слово в слово.

Солженицын не лжет, когда утверждает, что видел на фронте евреев и знал среди них бесстрашных, но не хоронил ни одного: так уж получилось. Но за этой маленькой правдой стоит Большая ложь. Как математик по образованию, Солженицын не может не знать закон Больших чисел. Одно из таких чисел он честно приводит во втором томе: в годы Великой Отечественной войны было мобилизовано 434 тысячи евреев и сам же подтверждает, что *«пропорция евреев-участников войны в целом соответствует средней по стране»*. А еще были партизаны, подпольщики – в общем, полмиллиона наберется.

Но Солженицын не приводит второго Большого числа: из полумиллиона воевавших евреев погибло 205 тысяч, то есть около половины. Их же кто-то хоронил и, думаю, сохранил о погибших добрую память...

Следующее Большое число красноречиво свидетельствует о том, **как** воевали евреи: 157 из них были удостоены звания Героя Советского Союза и 14 – полных Кавалеров ордена Славы. По данным Главного управления кадров Министерства обороны, только в 1941–1942 годах, в самый тяжелый период войны, было награждено различными орденами и медалями 5,2 тысячи евреев. Всего же в ходе Великой Отечественной войны боевые награды получили 161 тысяча евреев! Но это абсолютная цифра. Русские, например, среди награжденных составили 6 миллионов 173 тысячи, но и призвано в армию их было 19 млн. 650 тысяч! Если же перевести абсолютные цифры в относительные, то картина открывается совершенно поразительная. Расчеты, как это принято в статистике, ведутся на 100 тысяч населения. Так вот, на каждые 100 тысяч евреев (даже считая тех, кто «отсиживался» в Алма-Ате и Ташкенте) награжденных **босвыми** орденами и медалями приходится 7 тысяч. На сто тысяч русских – 5,415 тысяч награжденных, украинцев – 4,624 тысяч, белорусов – 3,936 тысяч. Если к этому прибавить, что среди воинов-евреев, как минимум, 10–15 процентов записали себя в своих анкетах русскими, то и общую цифру тоже следует увеличить на столько же. Совершенно недавно выяснилось из письма жительницы Сочи Татьяны Просветовой, опубликованного в 16-м номере за 2002 год журнала

«Слово инвалида войны», что ее отец, штурман Петр Данилович Пролетов, Герой Советского Союза, совершивший 290 боевых вылетов, в анкетах писался русским, хотя на самом деле был еврей. Так что полку евреев – Героев – совершенно неожиданно прибыло. К этому списку следует добавить и отца нынешнего нашего премьер-министра Ефима Фрадкова, тоже Героя Советского Союза и тоже записанного в анкетах русским. Но и без этого ясно, как Божий день, что сражались евреи не просто храбро, а очень даже храбро.

Кроме передергивания цитат, или такого их обрезания, что они приобретают противоположный смысл, или весьма произвольного выдергивания их из контекста, есть еще один шулерский прием у Солженицына: он находит какого-нибудь еврея с устраивающими его (Солженицына) рассуждениями, обильно его цитирует и выдает эти частные рассуждения за позицию евреев в целом. Судите сами.

«А вот недавно в израильской периодике притекло интересное свидетельство. Когда в начале войны Иона Деген захотел идти добровольцем в комсомольский взвод, то другой еврейский юноша, Шулим Даин, которого Иона звал с собой, ответил, – "что было бы счастьем, если бы евреи могли следить за схваткой со стороны, что это не их война (подчеркнуто мной. – В.К.), хотя, быть может, именно она принесет им прозрение и поможет восстановить Израиль. (Кавычки здесь не закрываются, хотя следующая фраза начинается с кавычек. Что это – ошибка корректора или очередной прием Солженицына, ибо это скорее его мысли, чем Шулима Даина, то есть интерполяция чистой воды. – В.К.) "Когда меня призовут на войну, я пойду на войну. Но добровольно? – ни в коем случае". И можно охватить, что не один же Даин так думал, а особенно среди евреев постарше и с большим жизненным опытом. И такое настроение у евреев, особенно тех, что были преданы всевечной идее Израиля, можно вполне понять. Но все же с недоуменной оговоркой: враг шел – главный враг евреев, на уничтожение прежде всего евреев, – и как же мог Даин и сходно мыслящие остаться нейтральными? (подчеркнуто мной: уже не один Даин, но и некие «сходно мыслящие», хотя на самом деле так мыслит за евреев сам Солженицын. – В.К.) а русским, мол, так и так защищать свою землю. Современный комментатор (знаю его лично: фронтовик, потом зэк) заключает: "ни у кого из пожилых ветеранов войны уже в наши дни я не встречал такой ясности мысли и глубины понимания", как у Шулима Даина (потом погибшего под Сталинградом): "сцепились насмерть два фашистских чудовища", и что нам в том участвовать?»

Цитата взята из рецензии В.Кагана, напечатанной в 1990 году в журнале «22», издающемся в Израиле и очень любимом Солженицыным. Я этого журнала никогда в руках не держал, с Каганом не знаком ни лично, ни заочно, но здравый смысл подсказывает: опять интерполяция (от латинского «изменение», «искажение» – слова или фразы, произвольно вставленные в текст при переписке или редактуре)! В данном случае мысли, произвольно приписанные Шулиму Даину: не мог советский парень в 41-м году так говорить и думать, иначе не погиб бы под Сталинградом, придумал бы что-нибудь, чтобы увильнуть от армии. Что же касается «двух фашистских чудовищ», то есть гитлеровской Германии и сталинского СССР, то это типичная формулировка 60–70 годов, если не позже.

И снова забавная ситуация, так и хочется сказать: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Почти все евреи-сокурсники Солженицына по Литературному институту с первых же дней войны пошли добровольцами на фронт, а патриот Саня предпочел учить математике и астрономии ребятишек в городке Морозовске под Ростовом. *«В середине октября Саню призвали, – пишет в своей книге Н.Решетовская (подчеркиваю: **призвали**, как Шулима Даина, не сам рвался на фронт, определили в гужтранспортный батальон. – В.К.). «...Да еще находясь в глубоком тылу... Получила известие о том, что Саня в Костроме до 15.09. Ура! Значит еще в безопасности!»* – вспоминает далее Н.Решетовская, которая в то время находилась в эвакуации... в Алма-Ате. И только в конце 1942-го Солженицын попадает, наконец, на фронт, в ту самую «батарею звуковой разведки». И это университетский вчерашний активист, получавший Сталинскую стипендию за *«деятельное участие во всех комсомольских делах»*, который, по идее, и должен был рваться на передовую.

Для чего же понадобилось Солженицыну столь кощунственно беречь память своего ровесника Шулима Даина? А для того, чтобы подвести нас к следующей мысли, которой Солженицын пропитан до мозга костей.

«Самобережливость и осторожность – у евреев сквозь всю историю рассеяния, да, – но той же историей и объясняются. А в Шестидневную и другие войны Израиля – они доказали свое выдающееся военное мужество».

Свое выдающееся военное мужество они доказали – и в гораздо большей степени – в Великую Отечественную, я уже приводил цифры. Приведу еще: четыре воина-еврея повторили подвиг Александра Мат-

росова; 14 летчиков-евреев повторили подвиг Николая Гастелло, четверо совершили воздушный таран; еще четверо бросились с гранатой под танк: пять воинов-евреев подорвали гранатой себя и окруживших их немцев... Подобных примеров ни Шестидневная война, ни другие войны Израиля не имеют. Эти примеры не нуждаются ни в каких комментариях: так сражаться, не щадя жизни, можно только за родную землю, «за любимую девушку, за родной огонек». А Солженицын, словно не зная ничего об этих фактах, нудно зудит свое:

«И тогда позицию Дайна не понять иначе, как – расслабляющее чувство того самого двойного подданства, которое рассматривал петроградский профессор Соломон Лурье в 1922 году как объясняющий и один из главных источников антисемитизма: еврей, живущий в стране, принадлежит не только этой стране – потому его чувства неизбежно дwoятся. Евреи "всегда были националистически настроены, но объектом этого национализма было еврейство, а не моя страна, в которой евреи жили" (это уже знакомый нам С.Шварц, всяко лыко годится, если в строку. – В.К.). Неполная заинтересованность (это уже самолично Солженицын. – В.К.) в этой стране. Ведь впереди всегда – для многих неосознанно, а маячит – уже без сомнения свой Израиль».

Значит, потому полегли на фронтах Великой Отечественной 205 тысяч евреев, что сражались за свой Израиль? Или все-таки они сражались за свой СССР, то есть за свою Россию? Эх, Александр Исаич, Александр Исаич! Евреев можно любить, можно ненавидеть, можно в упор не видеть – совесть только свою терять не надо, тем более, что это единственное, чего не может потерять человек, если только сам того не захочет.

«Разве эта война не была для евреев и своей кровной, собственной Отечественной: скрестить оружие с самым страшным врагом всей еврейской истории?» – патетически вопрошает Солженицын. Ответ на этот далеко не риторический вопрос исчерпывающе дали все те же 205 тысяч, не пришедшие с войны, и еще около ста тысяч, пришедшие с нее инвалидами. Среди воинов-евреев, погибших и умерших от ран, примерно 77,6 процента составляли рядовые солдаты и сержанты и 22,4 – младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты, то есть тот самый *первый* эшелон, которого Солженицын никак не сумел разглядеть со своего *второго*.

Но вот какая мысль пришла мне в голову при чтении главы «В войну с Германией»: а была ли для самого Солженицына эта война Отечественной? Случайно ли, что писатель, и не какой-нибудь, а лауреат Нобе-

КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ: ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

левской премии, практически ни строчки не посвятил ей? А ведь фронтовик, войну видел не с наскоку, как именитые К.Симонов, А.Фадеев, М.Шолохов и многие другие, написавшие о ней романы, повести, поэмы, стихи и рассказы, хотя лучшие произведения создали именно писатели-фронтовики: Василь Быков, Виктор Астафьев, Виктор Некрасов... И Солженицын мог бы вполне оказаться в этом ряду, ибо, подобно им, пропустил войну через себя, знал ее воочию, на собственной шкуре испытал, что такое фронт. Сначала я отогнал эту мысль, как крамольную, но она упорно возвращалась раз за разом, пока не втемяшилась в меня бесповоротно и я уже не могу никак выкинуть ее из своей головы. И вот о чем думаю: ведь воевал Солженицын не только за Россию, которую любил, «как сын, как русский, пламенно и нежно», но одновременно и за Советскую власть, «эту злую еврейскую мачеху», которую он ненавидел всеми фибрами души. Да, Россия победила. Но победила и Советская власть, ставшая благодаря победе еще сильнее. И она, эта злая мачеха, вместо благодарности отправляет за колючую проволоку его, человека, воевавшего ради ее победы. О чем же тогда писать: радоваться Победе или, напротив, сожалеть о ней?

Советская власть для Солженицына – это еврейская власть. Отсюда и все его отношение к евреям, столь откровенно выраженное во втором томе «Двухсот лет вместе», и к их вкладу в общую Победу. Но для евреев не было раздвоения, а Солженицын оказался «двоеданцем», потому и не может писать ничего о войне, а предпочитает писать о евреях. О том, как плохо они воевали...

«ЕВРЕЙСКИЙ СИНДРОМ» СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЕРЕН ОКАЗАЛСЯ ЕМУ А. СОЛЖЕНИЦЫН

И так, бесстрастные цифры свидетельствуют, что евреи на фронте присутствовали в той же пропорции к общей численности еврейского населения, что и представители остальных национальностей СССР в пропорции к своим народам. И воевали отнюдь не хуже других – об этом мы подробно говорили выше. И тем не менее антисемитизм, если верить А.Солженицыну, на фронте имел место быть. И причину новоиспеченный историк видит в том, что на передовой евреев было значительно меньше, чем во 2-м и 3-м эшелонах фронта: *«...и всякому было наглядно: да, там евреев значительно гуще, чем на передовой».*

Термин *«наглядно»* к историческому инструментарию не относится ни с какого боку. Это чисто писательский эмоциональный взгляд, который всегда субъективен. Объективны же только цифры и факты.

Противоречия самому себе, А.Солженицын чуть ли не в следующем абзаце приводит данные исследования, опубликованные в 1975 году, о национальном составе двухсот стрелковых дивизий с 1 января 1943 по 1 января 1944 г.: *«В этих дивизиях на указанные даты евреи составляли соответственно 1,50% и 1,28%, при доле в населении 1,78% (на 1939 г.), – и лишь к середине 1944, когда армия стала пополняться за счет населения освобожденных областей, доля евреев упала до 1,14%: почти все евреи там были уничтожены»*. Здесь Солженицын ловко передергивает исходные данные: принято ведь исчислять не от количества населения, а от призыва. Доля же евреев в общем призыве составляла 1,3 процента, так что в стрелковых дивизиях их было даже *«гуще»*, чем других национальностей. А что такое «стрелковая дивизия»? Это и есть пехотаматушка, то самое «пушечное мясо», которое перемальвалось на передовой.

Все еврей-фронтовики, с которыми мне удалось беседовать, в один голос утверждают, что в отношении себя со стороны однополчан они *никогда, ни в чем и никакого* недоброжелательства не ощущали. На фронте, на передовой никто не обращал внимания, кто ты – еврей, грузин, татарин, русский, армянин и т.д.; главное, как ты воюешь. Евреи воевали хорошо, храбро, поэтому никаких претензий к ним не было.

Зато в глубоком тылу антисемитизм действительно борзел и смердел. Я имею в виду не тот бытовой, который получил распространение в Сибири, Казахстане, в Средней Азии, чего раньше там никогда не наблюдалось. Но это и ежику понятно: до войны евреев в тех краях было раз-два и обчелся. Но с первых же дней немецкого нашествия туда хлынул поток эвакуированных и беженцев, именно туда перебазировали с оккупированных территорий, а также из зоны риска почти все оборонные и важные для народного хозяйства предприятия, там же сосредоточилось и большинство госпиталей, НИИ и КБ. А в этих учреждениях среди технической интеллигенции евреев было значительно больше, чем среди рабочих, врачей в госпиталях, больше, чем среди медсестер и санитаров, и т.д. И хотя такая пропорция сложилась задолго до войны, но тогда она в глаза так не бросалась, ибо евреи были рассредоточены сравнительно равномерно по всей стране. А тут – собрались одним кагалом.

Этот синдром отторжения и неприятия характерен не только в отношении евреев. Двенадцать лет назад около трехсот тысяч мегрелов бе-

жали после грузино-абхазской войны во внутренние области, тысяч сто осело в Тбилиси. Я просто поражаюсь, какую неприязнь испытывают тбилисцы к этим людям – своим братьям и сестрам по крови. А посмотрите, как встречают русские своих же русских, вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья, – чуть ли не в штыки. Не очень жаловали аборигены и русских, эвакуированных в Казахстан и Среднюю Азию. Но самое удивительное, именно русские, сами страдавшие от дискриминации, были главными распространителями антисемитизма, который они привезли с собой как часть своего менталитета.

Но бытовой антисемитизм подогревался не столько этим, сколько совершенно иезуитской пропагандой, тон которой задавала Москва, точнее Агитпроп ЦК КПСС. Писатель А. Степанов, автор широко известного романа «Порт-Артур», находившийся в эвакуации во Фрунзе, прислал в мае 1943-го главному редактору газеты «Красная звезда» Д. Ортенбергу, с которым был дружен, письмо, где, в частности, коснулся антисемитизма:

«Демобилизованные из армии раненые являются главными его распространителями. Они открыто говорят, что евреи уклоняются от войны, сидят по тылам на тепленьких местечках, и ведут настоящую погромную агитацию. Я был свидетелем, как евреев выгоняли из очередей, избивали даже женщин те же безногие калеки. Раненые в отпусках часто возглавляют такие хулиганские выходки. Со стороны милиции по отношению к таким проступкам проявляется преступная мягкость, граничащая с прямым попустительством».

Это писал русский человек, но с обостренной совестью и чувством справедливости. Ортенберг переправил письмо в ЦК и 30 июля был вызван к А. Щербакову. Последний занимал с 1942 года пост начальника Главного политического управления Красной Армии – заместителя наркома обороны, одновременно начальника Совинформбюро, кандидата в члены Политбюро, первого секретаря МК и МГК и секретаря ЦК ВКП (б). Он сосредоточил в своих руках всю партийную пропагандистскую машину.

Александр Сергеевич вызвал Ортенберга вовсе не для того, чтобы обсуждать тревожное письмо Степанова. Он объявил ему... о смещении с поста главного редактора «Красной звезды», который тот занимал с 30 июня 1941 года и пользовался огромным авторитетом и уважением в писательской военной среде.

«На вопрос же обескураженного таким решением Ортенберга, как объявить сотрудникам редакции о мотивах столь неожиданной от-

ставки, тот невозмутимо ответил: "Скажите, что без мотивировки". Размышляя впоследствии о причинах своего смещения, Ортенберг вспомнил, как за несколько месяцев до этого Щербаков также вдруг вызвал его и без объяснений потребовал очистить центральную армейскую газету от евреев».

Эту историю я целиком, слово в слово переписал из фундаментального труда Г.Костырченко. А.Солженицын хорошо знает эту книгу, а самого Геннадия Васильевича, доктора исторических наук, называет «тщательным исследователем "еврейской" политики Сталина». Четырежды ссылается Александр Исаевич на указанную книгу, но из этих ссылок неосведомленный читатель скорее сделает вывод об антисемитском настрое историка, чем об антисемитском духе тайной политики Сталина, активным проводником которой был Щербаков. Это от него в начале 1943 г. пошла по фронтам негласная директива: «Награждать представителей всех национальностей, но евреев – ограниченно». Однако об этом позже. А пока обратимся к еще одному отрывку из книги Г.Костырченко, который «не заметил» А.Солженицын:

«Набравший силу государственный антисемитизм проявлялся не только в виде закулисных кадровых иллюстраций, но иногда даже в открытой печати, и опять же в завуалированной форме. В январе 1943 года в журнале "Большевик" появилась статья председателя президиума Верховного совета РСФСР А.Е.Бадаева, в которой этот старый большевик, бывший депутат IV Государственной Думы, предварительно процитировав слова Сталина о том, что "дружба народов СССР – большое и серьезное завоевание", привел статистику национального состава военнослужащих, награжденных боевыми орденами и медалями. Указав отдельно, сколько было таковых среди русских, украинцев, белорусов, он в самом конце этого списка, перечисляя уже чохом, без конкретных цифр, все другие национальности, чьи представители удостоились государственных наград за полтора года войны, упомянул после бурят, черкесов, хакасов, аварцев, кумыков, якутов и евреев. Налицо было явное стремление принизить заслуги последних в вооруженной борьбе с врагом. Ведь, по данным главного управления кадров Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 г., евреи находились на четвертом месте по числу награжденных (6767) после русских (187178), украинцев (44344) и белорусов (7210). Более того, через полгода евреи опередили по полученным наградам белорусов и вышли на третье место.

Возмущенные пренебрежительным отношением к боевым заслугам целого народа, руководители ЕАК (Еврейского антифашистского Комитета) Михоэлс и Эпштейн направили 2 апреля записку Щербакову, в которой высказали опасение, что подобная подача информации может быть использована "гитлеровскими агентами", распространявшими слухи о том, что "евреи не воюют". Однако этот демарш не имел последствий. Подобно многим аналогичным документам, письмо сразу же было направлено Щербаковым в архив».

Полному замалчиванию в средствах массовой информации подверглась и трагедия еврейского народа, геноцид которого, то есть тотальное уничтожение, осуществлялся немцами на оккупированных территориях. На эту тему было наложено строжайшее табу.

«Нежелание советских властей посвящать население в то, как гитлеровцы осуществляли план "окончательного решения еврейского вопроса", мотивировалось не только, так сказать, рациональным резонаном не лить воду на мельницы нацистской "антижидокоммунистической" пропаганды. Имея в виду, что, начиная со второй половины 1942 года, на курируемой Щербаковым агитпроповской ниве дали обильные всходы семена посеянного перед войной государственного антисемитизма, можно утверждать, что замалчивание фактов Холокоста советскими средствами массовой информации происходило еще и по этой причине. Этот второй фактор наглядно проявился в практике информационной работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), созданной 2 ноября 1942 г. Из семи опубликованных в 1943 году ЧГК официальных сообщений о гитлеровских зверствах только в одном были упомянуты евреи. Это исключение, лишь подтверждавшее общее правило, стало возможным благодаря авторитету члена ЧГК писателя А.Н.Толстого, который лично руководил близ Минеральных Вод вскрытием рва, куда фашистами были свалены трупы более шести тысяч евреев, в том числе видных представителей ленинградской интеллигенции, эвакуированной на Северный Кавказ в начале войны. Потрясенный писатель написал об увиденном им наяву кошмаре статью. Она была опубликована в «Правде» 5 августа вместе с очередным сообщением ЧГК, в котором уже нельзя было не сказать об истреблении евреев на Ставрополье. В следующем году составители сообщений ЧГК продолжали скрывать факты массовой гибели советских евреев. И лишь в отдельных случаях (сообщение об уничтожении минского гетто в «Правде» от 20 сентября) препари-

рованная и урезанная информация о еврейской трагедии все же проникла сквозь завесу умолчания. Правда, в самом конце 1944 – начале 1945 года вдруг неожиданно появились полноценные и довольно подробные сообщения ЧГК об антиеврейских зверствах фашистов в Львовской области и Латвии, причем на сей раз национальная принадлежность жертв террора не маскировалась ставшим уже привычным выражением "мирные советские граждане".

Такой информационный "прорыв" стал возможным, очевидно, вследствие некоторого цензурского благодушия, наступившего в преддверии окончания войны, тем более что в это время главный партидеолог А.С.Щербаков – наиболее ярый противник "выпячивания" еврейской темы в пропаганде – отошел от дел вследствие серьезного недуга. Но в период кратковременного улучшения самочувствия он, видимо, попытался исправить свое упущение. Именно тогда, в начале мая 1945 года, появилось сообщение ЧГК о лагере смерти Освенцим, в котором о евреях не было сказано ни слова!»

Даже о Бабьем Яре мы узнали через многие годы после окончания войны. Но об этом замалчивании у Солженицына – тоже ни слова. Коротенько, одним абзацем коснувшись чудовищного злодеяния в Киеве, Александр Исаевич многозначительно замечает:

«Нельзя не напомнить здесь, что в нескольких километрах от Бабьего Яра, и в те же месяцы, в огромном Дарницком лагере советских военнопленных погибли тоже десятки тысяч советских бойцов и офицеров, но мы не храним об этом должную память, а многим – и вовсе невдомек неведомо. Как и – больше чем о двух миллионах погибших наших военнопленных за первые годы войны».

И это пишет человек, сам испытавший на себе всю чудовищность античеловеческого сталинского режима. Я ждал, что Солженицын объяснит читателям, почему все-таки советская пропаганда замалчивала факт тотального уничтожения евреев немцами, почему ни слова не было сказано про Бабий Яр после освобождения Киева, хотя о том, что в овраге лежат десятки тысяч расстрелянных мирных евреев: женщин, стариков, детей – всех, кого загрела нацистская машина уничтожения, – знал весь город. Почему молчали официальные органы? Вместо ответа Солженицын бубнит про дарницких военнопленных. Да кто спорит о том, что о них тоже надо хранить должную память? Но ведь трагедию Дарницкого лагеря и остальных двух миллионов советских военнопленных, точно так же, как и трагедию Бабьего Яра и двух миллионов мирных советских евреев, уничтоженных немцами, сталинская пропаганда

замалчивала одинаково!!! Почему? Дай ответ, Александр Исаич! Не дает ответа...

И думается мне, судьба сыграла злую шутку с Солженицыным, как с людьми, у которых от рождения перепутан пол: должен был родиться женщиной, а родился мужчиной или наоборот и мается всю жизнь. Ведь если поразмышлять, самое место Солженицыну командовать во время войны не звуковой батареей, а «большевицким» Агитпропом, он бы далеко обошел Щербакова. Собственно, сегодняшние рассуждения Солженицына о месте и роли евреев в прошедшей войне – это зеркальное отражение сталинской политики, твердо проводимой в жизнь главным идеологом Отца народов: никакого Холокоста не было – все народы оккупированной территории СССР страдали одинаково. Никаких военнопленных не было – были трусы и предатели; погибли – так им и надо. И далее в том же духе.

Неужели Солженицын не понимает, что, если бы даже не в полную меру, а хотя вполовину освещалась советскими СМИ трагедия мирного еврейского населения, отношение к эвакуированным евреям было бы значительно сочувственнее? Если бы в газетах, журналах, в радиопередачах, в документальном кино отражалось – тоже хотя бы вполовину, – как евреи сражаются на передовой, разве возникали бы разговоры о том, что они отсиживаются в тылу, всячески увиливая от фронта? Перелистайте подшивки военных лет любой из центральных газет, будь то «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомолка», – вы не найдете там ни одного очерка о Герое-еврее, хотя таковые появились буквально с первых же дней войны, когда награждали вообще очень скупой, а Герои и вовсе были наперечет. Ну а к 43-му, когда евреи по числу боевых наград «неприлично» выдвинулись вперед, пришлось принимать срочные меры, вроде упомянутой выше директивы, означавшей не что иное, как завуалированную «процентную норму».

Следует обратить внимание и еще на один ма-а-ленький нюанс, который благодаря замалчиванию в СМИ превратился в ба-а-льшую проблему.

«В моей батарее (60 человек. – В.К.), – пишет Солженицын, – было двое евреев: сержант Илья Соломин, воевал отлично всю войну насквозь, и рядовой Пугач (вскорости утек в Политотдел). Среди офицеров нашего дивизиона (20 человек) тоже был еврей – майор Арзон, начальник снабжения». И с этой жалкой и куцей палитрой Солженицын пытается рисовать монументальное батальное полотно! «Да заголовокружиться надо!» – его же словами.

Нет ничего удивительного, что на 60 и даже более бойцов приходилось два еврея. Обратимся вновь к Большим числам. Как уже отмечалось, русских было мобилизовано в годы Великой Отечественной войны 19 млн. 650 тыс.; украинцев – 5 млн. 320 тыс.; белорусов – 964 тыс.; итого: 15 млн. 934 тыс., или, округляя, 16 миллионов «лиц славянской национальности» и, опять же округляя, 500 тысяч «лиц еврейской национальности». Делим 16 миллионов на 500 тысяч и в результате этого простейшего арифметического действия получаем, что один еврей приходился на 32 славянина. А также было мобилизовано в общей сложности еще 2,5 миллиона татар, грузин, армян, казахов, узбеков и представителей других национальностей. Тогда получается, что в строю из 37 человек оказывался всего один еврей. Так что два еврея на 60 человек – это даже превышение нормы.

Но обратите внимание на замечание «утек в Политотдел» – даже с большой буквы написал А.И., как будто речь идет о Политбюро. И что значит дезертировал: сбежал с фронта? Как сие понимать? И в политотдел чего: полка, дивизии, армии? И сколько в этом конкретном политотделе, кроме Пугача, было еще евреев? И чем вообще занимались в политотделе: загорали, играли в шахматы или в бириульки? И как дальше сложилась судьба Пугача?

Перед историком все эти вопросы невольно бы возникли. Но публицисту, пишущему в *заданном* режиме, это ни к чему: плюнул в кастрюльку с супом соседу на коммунальной кухне и с достоинством мэтра удалился в свою комнату.

Обратите также внимание на майора Арзона: Солженицын подчеркнул, так, вроде между прочим, что он – начальник снабжения. А кто есть в представлении обывателя снабженец? Прежде всего хапуга, мастер всяких там шахер-махеров. А что, во всех остальных нескольких десятках тысяч дивизионов Красной Армии начальниками снабжения тоже были сплошь евреи? Да и сам Арзон: он что, воровал солдатские харчи и потом обменивал их на золото и бриллианты у голодного населения? Уже когда эта статья была написана, я проконсультировался на сей счет у полковника в отставке, артиллериста-фронтовика Владимира Элисовича Цейтлина. По поводу «начальника снабжения дивизиона Арзона» он рассмеялся: «В дивизионе действительно имелся специальный взвод снабжения, но он занимался тем, что подвозил на передовую к батареям снаряды и боепитание. Занятие, должен сказать, более рискованное, чем служить на самой батарее: это все равно, что ездить на пороховой бочке».

Сам Цейтлин в 16 лет(!) поступил добровольцем в артиллерийскую спецшколу и первый бой принял зеленым лейтенантиком под Демьян-

ском в январе 43-го командиром огневого взвода, а последний – уже в апреле 45-го командиром батареи при взятии Братиславы. Там и был ранен в ногу, выписался через полтора месяца, а войне уже «капут». Что же касается «харчей и обмундирования», то, как сказал Цейтлин, в дивизионе этим занимался старшина.

Так же вскользь, совершенно мимоходом, упомянул Солженицын «положительного» еврея, наверное, все для той же «равновесности», а ведь более близкого и преданного ему человека, чем Илья Соломин, у будущего нобелевского лауреата на фронте не было. Недаром же именно верному сержанту Солженицын доверил интимнейшее поручение: привезти к нему на фронт Наташу Решетовскую, его тогдашнюю жену. Вот как вспоминала об этом сама Наталья Алексеевна:

«Однажды ночью, часа в три, меня разбудил мамин голос: "Наташа, сержант приехал!" Выскочила, набросила халат поверх ночной сорочки, вошла в нашу первую большую комнату. На пороге – молодой военный, в шинели, зимней шапке, с рюкзаком за спиной...

В тот же день вечером мы с Соломиным уехали из Ростова... Родители его – евреи – жили до войны в Минске. Соломин почти не надеялся, что они живы. Из Минска мало кто успел эвакуироваться. Может быть поэтому, даже когда он улыбался, его черные, немного выпуклые глаза на серьезном, чаще всего хмуром лице оставались грустными...

И вот мы вдвоем с мужем в его землянке. Не сон ли это?... Май в тот год был холодным. Приходилось топить печку. Но от этого в землянке становилось еще уютнее...».

Наталья прогостила у мужа три недели.

«Немного побездељничав, я начала знакомиться с работой, понять оказалось легко. Все дело в том, чтоб... расшифровывать замысловатые синусоиды, которые приборы выстукивали на звукометрической ленте. Интересно! (Но очень мало эффективно – звукоразведка считалась самой ненадежной, в отличие от, скажем, аэрофотосъемки, но зато весьма безопасной. – В.К.) В свободное время мы с Саней гуляли, разговаривали, читали. Муж научил меня стрелять из пистолета». Ничего не скажешь, хороши были фронтовые будни у командира звуковой батареи!

Кстати, когда я спрашивал фронтовиков, как часто приезжали навеситить их жены, они делали круглые глаза: редчайший случай, это уж такой надо было иметь блат, такое умение устраивать личные дела! Но,

судя по книге Решетовской, у командира звукобатареи это получалось совсем даже неплохо.

«У себя на батарее Саня был полным господином, даже барином, – вспоминает далее Решетовская. – Если ему нужен был ординарец Голованов, блиндаж которого находился с ним рядом, то звонил: "Дежурный! Пришлите Голованова". Вверенный ему "народ", его бойцы, кроме своих непосредственных служебных обязанностей, обслуживали своего командира батареи. Один переписывал ему его литературные опыты, другой варил суп и мыл котелок, третий вносил нотки интеллектуальности в грубый фронтной быт».

Это ж надо до какого фарисейства дойти: такие презрительные филиппики в адрес евреев, которые в основном пристраивались во 2-м и в 3-м эшелонах, а сам-то! Сам-то всю войну прокантовался во 2-м и 3-м эшелонах и ни разу не проявил ни малейшего поползновения вырваться на передовую. Если бы все русские воевали с такой самоотверженностью, вряд ли удалось России одолеть самого страшного за всю ее историю врага.

Вспомним, как скрупулезно оцифровывает Солженицын генералов-евреев медицинской службы – аж целых 26! А сколько генералов-медиков было всего в Красной Армии? И что плохого в том что *«среди военных медиков было множество евреев, врачей, медсестер, санитаров?»* Ведь ничего Солженицын не говорит о том, что в Красной Армии был самый высокий процент – около 80 – возвращения раненых в строй! Скольких русских и бойцов других национальностей вернули к жизни еврей-врачи! Спросить бы этих бойцов, что бы они предпочли: умереть в бою от ран рядом с таким же раненым бойцом-евреем или быть возвращенным к жизни евреем-врачом?

Еще Солженицын называет количество генералов ветеринарной службы (9) и инженерных войск (33). С точки зрения обывательской, ветеринарная служба в армии – это тоже нечто такое, второстепенное. И инженерные войска – это вам не бронетанковые или военно-воздушные. И Солженицын угодливо потрафляет обывателю, не замечая, что сам превращается в оного. Но допустим, что инженерные войска на войне суть нечто вспомогательное, хотя на самом деле именно они закладывали удачный исход любой операции. Это саперы, строители переправ и гатей на передовой и т.д. – опаснейшие профессии на фронте. Солженицын, который ни дня не провел на передовой, имеет об этом достаточно смутное представление, поэтому и попали у него инженерные войска в один ряд с ветеринарной службой, хотя и без нее тоже не обойтись, но

КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ: ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

совсем непонятно, почему Солженицын не продолжил далее этот цифровой ряд евреев-генералов? Продолжим его мы:

общевойсковых генералов – 92; генералов авиации – 26; генералов артиллерии – 33; генералов танковых войск – 24; генералов войск связи – 7; генералов технических войск – 5; генералов инженерно-авиационной службы – 18; генералов инженерно-артиллерийской службы – 15; генералов инженерно-танковой службы – 9; генералов инженерно-технической службы – 34; генералов интендантской службы – 8; генералов юстиции – 6; адмиралов-инженеров – 6.

Эти данные будут интересны как обывателю, так и любому человеку с непредвзятым мнением. Что же касается Солженицына, он все это отлично знает, но умалчивает. Почему? Вопрос, думаю, согласитесь со мной, совершенно риторический...

Учитывая, что к концу 30-х годов бытовой антисемитизм хоть и тайно, но очень активно подогревался антисемитизмом государственным и шел подогрев непосредственно со Старой площади (ЦК ВКП (б)), то понятно, почему распространялись разговоры о том, что евреев на фронте нет. Думаю, если бы Солженицын, по несчастью, был бы ранен (а он за всю войну и царапины не получил: то ли под счастливой звездой родился, то ли уж очень бережно к себе относился) и оказался на лечении где-нибудь в Ташкенте или Алма-Ате, то, несомненно, нашел бы общий язык с теми, кто выгонял тычками евреек из очереди за хлебом.

ЛОГИКА «БОЛЬШИХ ЧИСЕЛ»

И так, евреи на фронте были, сражались храбро, геройски, но эта их роль в войне ввиду полного замалчивания оказалась совершенно затушеванной. В результате бытовой антисемитизм, как и бытовой сифилис в условиях полной антисанитарии, в данном случае – духовной антисанитарии, крепчал и ширился. И целый народ, воевавший не щадя живота, представлялся в глазах других народов (благодаря умело направляемой пропаганде) трусливым, хитрым, изворотливым и т.д.

Но если газетам можно было запретить писать о том, как храбро воюют евреи, то запретить самим евреям воевать храбро не мог никакой Агитпроп, и даже сам Верховный Главнокомандующий. И тогда вступала в действие та самая негласная директива Щербакова. О том, что она существовала, доказывают опять же Большие числа.

Бьюсь об заклад, что если сегодня провести социологическое исследование, то, самое большое, один человек на сто тысяч – да, да, на 100 000 опрошенных – ответит положительно на вопрос, повторил ли хоть один еврей подвиг Александра Матросова. Более чем уверен, что аналогичный результат социологи получили бы и в 1945 г., сразу по окончании войны. Впрочем, тогда социологии, как и секса, в СССР не существовало: первая считалась буржуазной наукой, второй – буржуазным пережитком. И тем не менее, прошу прощения за повтор, подвиг Матросова за годы войны повторили четыре еврея, причем рядовой Абрам Левин лег грудью на амбразуру за год до Матросова 22 февраля 1942-го при освобождении Калининской области (был награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно... через 15 лет), а сержант Товье Райз умудрился остаться в живых, хотя и получил 18 ранений, – чем не еврейское счастье, – и был награжден... орденом Славы 3-й степени.

Подвиг Николая Гастелло повторили, как уже говорилось, 14 летчиков-евреев, но звание Героя присвоили только двоим, да и то Шикку Абрамовичу Кордонскому лишь в 1990 (!) году, хотя свидетелями его подвига 28 сентября 1943 г. была вся эскадрилья. Четыре летчика-еврея совершили воздушный таран – Героя не дали ни одному. Напомню, что Виктору Талалихину, таранившему немецкий самолет в подмосковном небе 7 августа 1941 г., звание Героя было присвоено буквально на следующий же день!

Свой первый вылет стрелок-радист пикирующего бомбардировщика Натан Стратиевский совершил 23 июня 1941 г., последний – 16 апреля 1945-го. Указом от 23 февраля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. К этому времени он имел на своем счету 238 боевых вылетов плюс 10 сбитых самолетов. С 1943 года официальная норма членам экипажа ПЕ-2 для получения Героя была установлена в 150 боевых вылетов, даже если стрелок и не сбил ни одного самолета: там главное было, чтоб свой бомбардировщик не сбили.

И если бы Стратиевский являлся исключением... То, что его пример – обычная практика, подтверждает ярко и очевидно и в то же время горько и обидно совершенно уникальная судьба партизанского командира Евгения Волянского (Хаима Коренцвита). Он, как минимум, должен быть трижды Героем Советского Союза, но не получил ни одной Золотой звезды, только Красные. Первый раз его представил к высшей награде прославленный командир соединения украинских партизан Яков Мельник, у которого он возглавлял разведку. Евгений организовал десятки диверсий, в том числе и на железных дорогах, а весной 43-го

КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ: ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

вдвоем с помощником взорвал немецкий бронепоезд, идущий к фронту, – первая Красная звезда.

Благодаря смелости и находчивости Евгения соединение Мельника трижды без потерь выходило из плотного окружения немцев. В сентябре 1944-го, одетый в форму немецкого майора (Евгений чисто говорил по-немецки), он проник в штаб пехотной дивизии, вошел в домик командира-генерала, приставил к его боку пистолет и сказал по-немецки: «Моя жизнь ничего не стоит. Если пикнете – убую. Идите к своей машине». И на генеральском же «хорьхе» Волянский привез командира дивизии (!!!) в расположение партизан. Снова представление к званию Героя, и снова – Красная звезда.

С 29 августа 1944 г. отважный командир – в Словакии, и уже 9 сентября еврей Коренцвит возглавил 2-ю Чехословацкую партизанскую бригаду «За свободу славян»: ну прямо как будто специально для плаката, очерка или фильма на тему «Дружба народов». В сентябре и октябре бригада уничтожила немецкие гарнизоны в шести словацких городах. В начале 45-го, когда Словацкое восстание было подавлено, Волянский вывел бригаду из окружения «по-суворовски»: по снежным горным тропам, обморозив при этом себе обе ступни. Свалившись с гор как снег на голову, партизаны выбили немцев из города Валовец и здесь соединились с Чехословацким корпусом генерала Свободы. На этот раз сам командующий ходатайствовал о присуждении Волянскому звания Героя. Но – снова Красная звезда. Зато был удостоен звания Героя Чехословакии – там его подвиг оценили по заслугам.

Перейти заснеженные Татры и выбить немцев из Валовца оказалось куда легче, чем «выбить» Золотую звезду Героя для еврея у начальника Центрального штаба партизанского движения СССР, Первого секретаря ЦК КП Белоруссии П.Пономаренко (в 1948–1952 гг. – секретарь ЦК ВКП (б) – в самый разгар борьбы с «космополитами»). Сам Пантелей Кондратьич лично против Волянского – Коренцвита ничего не имел, он даже не был с ним знаком. Но и Центральный штаб, как и штаб партизанского движения Украины, – оба были также и настоящими штабами антисемитизма. Не только Коренцвит – ни один из евреев-командиров отрядов, ни один рядовой партизан-еврей не стали Героями, хотя были среди них вполне заслужившие звание. Но уж если им не стал Коренцвит, трижды заслуживший Героя, то что говорить об остальных... Впрочем, есть исключение. Один-таки стал Героем – Исаяй Казинец, секретарь Минского подпольного горкома партии. Указ о присвоении высокого звания был издан... в мае 1965 года в связи с 20-летием Победы, говоря по-

современному, исключительно по причине *политкорректности*. Как говорится, хоть так, чем никак.

Награда еврею доставалась на фронте намного труднее, чем нееврею. Евреи это, конечно, понимали. Они народ вообще, как сказал бы Юрий Лужков, «с понятием», и к тому же весьма чувствительный к любому, даже малейшему ущемлению своего достоинства. И тем не менее, несмотря на явную и такую до боли обидную несправедливость, евреи продолжали воевать так, как они воевали. Потому что воевали они не ради наград, не ради «тепленьких мест в тылу», а за свою Родину. Может, это и звучит «высоким стилем», но как объяснить иначе? Ради удовольствия или ради брестерства что ли лезли они в самое пекло? Наверное, лучше всего выразил эти их побудительные мотивы 23-летний разведчик Григорий Гарфункин.

По заданию командующего армией генерал-полковника К. Москаленко, который лично напутствовал взвод, разведчики ночью 22 сентября 1943 г. переплыли на лодке Днепр, обнаружили на западном берегу вражескую минометную батарею и батарею легких орудий. Теперь предстояло вернуться к своим с ценнейшими сведениями, чтобы артиллерия подавила опорный пункт немцев перед форсированием Днепра. Но у берега разведчиков заметили немецкие часовые и открыли огонь. «Плывите, я вас прикрою», – крикнул товарищам Григорий. Полчаса удерживал атаки немцев Гарфункин, пока его товарищи не добрались до своего берега: он это понял потому, что наша артиллерия стала обстреливать обнаруженные разведыводом батареи. Тогда Григорий бросился сам в холодную воду, но переплыть Днепр ему не было суждено: почти на середине реки солдата накрыла вражеская мина.

Когда товарищи Григория вернулись к себе в блиндаж, они нашли его неоконченное письмо. *«Дорогие мои! – писал родным Гарфункин. – Идет война. Нужно быстро уничтожить врага. На фронте всякое бывает, но обо мне не беспокойтесь. Если погибну, то только героем. Как вы поживаете? Сейчас...»*. На этом письмо обрывалось.

Генерал Москаленко высоко оценил подвиг разведчика. По его представлению рядовому Григорию Соломоновичу Гарфункину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. И это тоже характерно. Если «паркетные генералы», вроде Пономаренко или Щербакова, руководили войной из кремлевских кабинетов, то Москаленко и его прославленные боевые коллеги знали войну в лицо, знали и цену солдатского подвига. Когда Жукову доложили, что командир 164-го стрелкового полка Наум Пейсаховский тяжело ранен и находится при смерти,

Георгий Константинович тут же приехал к Рейхстагу, над куполом которого уже развевалось знамя Победы.

При взятии Рейхстага разгорелся ожесточеннейший бой. Как бы ни относиться к немцам, но нельзя отрицать того, что вояки они – отменные. А в Рейхстаге засели к тому же и смертники. Они отлично понимали, что война окончена, проиграна, и предпочли погибнуть, но, как говорится, с музыкой. Сопротивление защитников Рейхстага было столь отчаянным, огонь столь плотным, что полк залег. И тогда полковник Пейсаховский поднялся во весь рост и с криком «Вперед! Вперед! Вперед!» бросился к ступеням Рейхстага. За командиром поднялись в атаку остальные – такая сила воодушевления. И тут рядом с Пейсаховским разорвалась мина – это было его восьмое ранение и самое тяжелое. Осколки вонзились в живот, один попал в голову, задел глазной нерв, и Наум Григорьевич полностью перестал видеть. Но, услышав голос маршала, пришел в сознание. «Вы удостоены за ваш подвиг звания Героя Советского Союза», – сказал решительно Жуков, хотя Указ Президиума Верховного Совета СССР был издан лишь 31 июля 1945 г.: всех Героев утверждал лично Сталин. По приказу Жукова Пейсаховского на специально выделенном самолете отправили в Одессу, где сам Филатов сделал ему операцию и вернул зрение одному глазу. После Победы Пейсаховский еще 10 лет прослужил в армии, в рядах которой прошла вся его жизнь. Сын рабочего, он тоже сначала стал рабочим на казанской фабрике «Спартак», окончил вечерний рабфак, потом Коммунистический институт, дошел до заместителя директора этой же фабрики. Но по партийной мобилизации был призван в Красную Армию в 1934-м, служил политруком роты, комиссаром стрелкового батальона, замполитом полка, а в 1942-м был назначен командиром 164 стрелкового полка. За храбрость, мужество и умелое командование был награжден орденами Красного Знамени, Кутузова 3-й степени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и т.д. Так что это был весьма и весьма незаурядный воин, и тем не менее, если бы не Жуков, вряд ли удостоили бы его высшего звания.

Характерен еще один пример. 26 сентября 1943 года рота старшего лейтенанта Рафаила Льва с ходу форсировала Днепр севернее Киева. Почти две недели удерживала она плацдарм, отражая непрерывные атаки немцев и обеспечивая переправу полка. Командир полка представил Льва к награждению орденом Красного Знамени. Ознакомившись с наградным листом, командующий 60-й армией генерал-лейтенант И.Д.Черняховский написал внизу: «Достоин присвоения звания Героя

Советского Союза». Такую же резолюцию поставил рядом командующий войсками Центрального фронта генерал армии К.К.Рокоссовский. Звание было присвоено Льву Рафаилу Фроимовичу 17 октября 1943 г., а на следующий день он погиб в бою за село Никольское. Там и находится могила бывшего ташкентского токаря, ставшего боевым офицером.

Но Москаленко, Жуков, Катуков, Черняховский, Рокоссовский и другие военачальники не могли опекать каждого еврея – дел куда поважнее и без них было навалом. А практика сложилась такая, что за один и тот же подвиг еврею давали награду всегда рангом или двумя поменьше той, которой удостоивался славянин. Положение стало настолько нетерпимым, что даже близкий к придворным кругам и лично к тов. Сталину Илья Эренбург (возможно, как раз в силу своей личной близости) осмелился сказать вслух то, что на фронте знал, видел и понимал каждый, если только, как Солженицын, в силу своей зашоренности, не хотел этого ни знать, ни видеть и ни понимать. На II пленуме ЕАК в марте 1943 г. Эренбург выступил с большой речью. Приведу из нее отрывок, в котором заключена квинтэссенция наболевшей проблемы:

«Вы все, наверное, слышали о евреях, которых "не видно на передовой". Многие из тех, кто воевал, не чувствовали до определенного времени, что они евреи. Они почувствовали лишь тогда, когда стали получать от эвакуированных в тыл родных и близких письма, в которых выражалось недоумение по поводу распространяющихся разговоров о том, что евреев не видно на фронте, что евреи не воюют. И вот еврейского бойца, перечитывающего такие письма в блиндаже или в окопе, охватывает беспокойство не за себя, а за своих родных, которые несут незаслуженные обиды и оскорбления.

Для того, чтобы еврей-бойцы и командиры могли и дальше спокойно делать свое дело, мы обязаны рассказать о том, как евреи воюют на фронте. Не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела – чем скорее уничтожит фашизм. Для этой цели мы обязаны создать книгу и в ней убедительно рассказать об участии евреев в войне...».

Выступление Эренбурга было напечатано в газете «Эйникайт», издававшейся на идише, который половина евреев забыла, а половина вообще не знала. Никакой книги, конечно же, никто не издал. Да что там книги. Даже сам Эренбург не написал ни одной приличной заметки или очерка о каком-нибудь воине-еврее ни в «Правде», ни в «Известиях» и ни в одном другом массовом издании, где он обильно печатался. Хотя, если верить Солженицыну, *«Илье Эренбургу, еще и другим, на-*

КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ: ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

пример, журналисту Кригеру, дано было "добро" сквозь всю войну под-держивать и распалать ненависть к немцам – не без упоминания жгущей и выстраданной ими еврейской темы, но и без специальной акцентировки ее... Эренбург отгремел главным трубадуром всей той войны, утверждая, что "немец по природе своей зверь"».

Солженицын как-то запомнил, что не Эренбургу, а Симонову принадлежал лозунг: «Убей немца!» Надо сказать, действовал он на фронте куда сильнее, чем официальный «За Родину, за Сталина!», потому что был ближе и понятней сердцу солдата, видевшего, что творили немцы. Не фашисты, не гитлеровцы, а именно немцы. Неужели и этого не понимает и не знает фронтовик Солженицын? Да и какой советский писатель и поэт (кроме Солженицына) не был трубадуром той войны? И разве право «*распалать ненависть к немцам*» выдавалось вроде некой лицензии? Разве ненависть к врагу не была пронзительным чувством каждого советского патриота?

А книгу, о которой говорил Эренбург, написал спустя ровно 50 лет другой еврей, но не писатель, а фронтовик, с первого до последнего дня Великой Отечественной провоевавший на передовой. После войны стал историком, доктором наук.

ГЕРОИ

Две эти книги вышли по случайному совпадению почти одновременно: «Двести лет вместе» А.Солженицына (II том) и «Энциклопедия еврейского героизма». Автор первой – Нобелевский лауреат, писатель, задумавший стать историком. Автор второй – профессиональный историк, доктор наук, профессор и бывший фронтовик Федор Давидович Свердлов. Первый – фигура всемирно известная, представлять его читателям нет смысла. Что касается Свердлова, то он родился в 1921 году в Харькове в семье рабочего. Окончив с отличием среднюю школу, поступил в артиллерийское училище. С первых и до последних дней Великой Отечественной – на фронте. Трижды был ранен, награжден шестью боевыми орденами. В 1949 году с Золотой медалью окончил Военную академию им. М.В.Фрунзе и затем в течение 30 лет преподавал в ней.

И еще он – еврей. И, как еврею, ему всегда было горько и обидно слышать расхожие и досужие разговоры о том, что евреи всячески укло-

нялись от службы в армии, а попадая на фронт, старались пристроиться в теплые и безопасные местечки во 2-м и 3-м эшелонах. Поэтому много лет Федор Давидович посвятил тому, чтобы опровергнуть этот недобрый поклеп на свой родной народ. Итогом и стала эта в буквальном смысле Энциклопедия. К сожалению, сам автор уже не увидел этой книги: он умер всего за полгода до выхода ее в свет.

Рассказ о Героях-евреях я начну, во-первых, не с первых дней войны, как обещано заголовком, а с последних, и не с еврея, а с молдаванина А.Маринеско. Его подводная лодка С-13 потопила в Балтийском море фашистский транспорт «Вильгельм Гуслов», на котором находилось 5,5 тысяч солдат и офицеров. По этому случаю в Германии был объявлен национальный траур. Но прошло всего два с половиной месяца, и 17 апреля в Данцигской бухте подлодка Л-3, которой командовал капитан 3 ранга Владимир (Вульф Калманович) Коновалов, потопила транспорт «Гойя», на котором эвакуировались фашистские части, блокированные нашими войсками на полуострове Хела близ Гдыни. На дно залива ушло 7 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. Это был своеобразный рекорд всей Второй мировой войны.

Но и сама лодка чудом избежала гибели – исключительно благодаря смелости и мастерству командира. Когда Коновалов обнаружил транспорт, тот на полной скорости уходил на запад. Командир принял решение преследовать его в надводном положении – это был смертельный риск. Затем – срочное погружение, обход сторожевого эскорта, выход на позицию и – точный, победный залп торпеды. Сторожевые корабли стали преследовать лодку, и опять, благодаря мастерству и опыту Коновалова, удалось оторваться от погони. Несмотря на то, что война фактически завершилась, лодка Коновалова сумела вскоре потопить у побережья Польши еще один транспорт противника «Роберт Мюллер». Это был пятнадцатый корабль, пущенный на дно отважным капитаном. После войны Герой-командир продолжал службу на флоте, стал контр-адмиралом. Эстафету продолжили два его сына – Марк и Евгений, оба стали командирами подводных лодок, подводником служит и его внук!

Меньше повезло другому подводнику, командиру «малютки» Израилю Фисановичу. В августе 1941-го он первым среди советских подводников проник в военно-морскую базу в Петсамо и прямо в фиорде потопил крупный транспортный корабль. Отлежавшись сутки, он потопил еще один транспорт, после чего пришлось возвращаться домой:

«малютка» несла на себе всего две торпеды. Всего за 1941 год, когда немцы господствовали и на воде, и в воздухе, и на земле «малютка» Фисановича потопила 8 вражеских кораблей! В январе 42-го, после очередного удачного торпедирования транспорта, ее стали преследовать сторожевые корабли и самолеты. Десять часов продолжалась погоня, на «малютку» сбросили 326 глубинных бомб, но Фисанович сумел привести ее целой и невредимой на базу. 3 апреля 1942 года вышел Указ о присвоении капитан-лейтенанту Израилу Фисановичу звания Героя, «малютка» была награждена орденом Красного Знамени и стала гвардейской.

К концу 43-го на счету Фисановича было уже 13 потопленных кораблей, а сам он командовал дивизионом подводных лодок. Его направили в Англию, где он принял новую подводную лодку. Лучше бы он плавал на своей «малютке», с которой сжился, как с родной. На обратном пути в северной Атлантике фашистским самолетам удалось потопить «англичанку». Сам Фисанович навечно был зачислен в списки моряков Северного флота, а также коллектива харьковского завода «Серп и Молот», где он работал слесарем, пока не поступил в Высшее военно-морское училище.

В начале войны звание Героев присваивали очень скупой, хотя именно благодаря героизму отступающих красноармейцев и удалось спасти страну от неминуемой катастрофы. Чтобы получить Героя, надо было совершить нечто сверхординарное. Как Михаил Плоткин, бывший участник финской войны, награжденный за нее орденом Ленина.

С немцами Плоткин впервые скрестил оружие 30 июня 41-го. Он участвовал в массированном налете на танковые колонны противника в районе Даугавпилса, когда наши летчики уничтожили несколько десятков танков и почти 200 автомашин. За этот бой Михаил был награжден орденом Красного Знамени и его включили в число командиров тех 20 экипажей, которые стали готовить для вылетов на Берлин. В ночь на 8 августа дальний бомбардировщик Плоткина участвовал в первом авиационном ударе по фашистской столице, в следующую ночь – во втором. В последующую неделю экипаж Плоткина еще дважды участвовал в бомбардировке Берлина. Каждый полет на Берлин был связан со смертельным риском для летчиков эскадрильи, которая стремительно таяла с каждым днем, их так и называли «смертниками». 13 августа Михаилу Плоткину и еще нескольким уцелевшим командирам было присвоено звание Героев. А еще через восемь

звание Героев. А еще через восемь месяцев, 7 марта 1942 г., отважный Герой погиб при налете на Кенигсбергский порт.

Одним из первых Героев той войны стал Борис Хигрин. В бой он вступил 22 июня на реке Дзурь. Его дивизион встал на пути танковой колонны. Более 30 бомбардировщиков обрушилось на артиллеристов, а танки все перли и перли. От дивизиона осталось всего 5 орудий. Капитан Хигрин сам занял место наводчика. А танк со свастикой был уже в 10 метрах. Хигрин поразил его в упор, но сам упал, сраженный насмерть. В том бою он лично подбил шесть (!) танков. Указ о присвоении ему звания Героя посмертно вышел 31 августа. М.И.Калинин прислал письмо вдове капитана в уральский городок, куда она эвакуировалась с детьми. И были в нем такие строки: «Подвиг его никогда не забудется нашим народом».

Уничтожить большее количество танков в одном бою – семь! – удалось всего двум бойцам за всю войну – рядовому Дыскину под Москвой и сержанту Орлову под Сталинградом. Дыскину, если так можно сказать, повезло: за его поединком наблюдал сам Жуков. Это произошло 17 ноября у Рузы. 18-летний Ефим прибыл на батарею всего за две недели до этого. Его назначили заряжающим, всего дважды удалось ему выстрелить из орудия, хотя все время тренировался в наводке. Как это пригодилось ему теперь! Утро началось с мощной бомбежки немецких самолетов. Потом – такая же мощная артподготовка. После этого пошли танки. В батарее осталось одно их орудие: накануне командир, уже немолодой опытный сержант Николай Плохих, заставил как следует окопать его, да и окоп соорудили поглубже. Два танка удалось подбить расчету, но затем одного за другим сразило Николая Плохих, наводчика Владимира Гуськова и подносчика снарядов Гнедового. Дыскин остался один. А на орудие надвигалось еще не менее двадцати танков, ведя непрерывный огонь с ходу. Ефиму удалось подбить – уже одному – два танка: сам заряжал, сам наводил, сам же и стрелял. И тут удар в плечо – первое ранение. Но продолжал заряжать и стрелять. Еще два танка загорелись. Тут его ранило в спину. Но силы еще оставались – молодой, к тому же спортсмен-лыжник. Ефим, что называется, вошел в азарт боя: подбил еще два танка и почувствовал, что снова ранен в спину. На мгновение потерял сознание. Открыл глаза – надвигается прямо на него зеленая громадина, навела свою пушку прямо на орудие. Хорошо, оно было уже

заряжено: Ефим успел выстрелить первым. Танк запылялся, но тоже успел выстрелить – снаряд разорвался почти у ног Ефима.

Когда уже в 1961 году Жукова спросили, чей подвиг за всю войну ему особенно запомнился, маршал отвечал:

«Всем известны имена панфиловцев, Зои Космодемьянской и других бесстрашных воинов, ставших легендарными, гордостью нашего народа. В один ряд с ними я бы поставил подвиг рядового наводчика орудия 694 артиллерийского противотанкового полка Ефима Дыскина». И рассказал все перипетии боя, который видел своими глазами с наблюдательного пункта. Там же он дал указание узнать фамилию наводчика и представить к званию Героя.

Полумертвого, Ефима подобрали санитары, и только в середине апреля 42-го начальник Свердловского госпиталя, где он лежал, пришел к нему в палату с газетой и поздравил с присвоением звания Героя. Указ был датирован 12 апреля, но против фамилии Дыскина стояло слово «посмертно». Пришлось потом вносить в Указ исправление, и Калинин прислал письмо, выражая радость, что Ефим остался жив, и извинялся за ошибку, как он объяснил, – в полку...

И еще один Герой вернулся с того света – сын полтавского раввина командир батареи 45-миллиметровых пушек гвардии старший лейтенант Григорий (Цви-Гирш) Мац. Он тоже отличился при отражении танковой атаки недалеко от Черкасс 1 декабря 1943-го. Его батарея подбила 14 танков! Звание Героя присвоили ему *посмертно* 17 мая 1944 года. Но он даже не подозревал об этом, ибо находился в немецком концлагере. Тяжело раненного, в бессознательном состоянии подобрали его немецкие санитары, но и лагерь, ему, еврею и офицеру, удалось пережить: он выдал себя за татарина Алиева. Вот уж поистине на все Божья воля! Освободили его в лагере смерти в Майданеке. После войны закончил юрфак и работал юристом в Харькове, где умер и похоронен в 1977 году.

Судьба каждого из 157 Героев – это тема для отдельного очерка, рассказа, повести, даже романа. Тот же Дыскин стал известным хирургом-ортопедом, генералом медицинской службы. А полный Кавалер ордена Славы гвардии старшина Владимир Пеллер после войны вернулся в родной Биробиджан к довоенной профессии механизатора, потом колхозники избрали его председателем. И 33 года, до самой смерти в 78-м, возглавлял он колхоз, ставший передовым, за что удостоился звания Героя Социалистического труда.

А разве не заслуживает романа история братьев Вайнрубов – Евсея и Матвея? Они были погодками, родились в семье рабочего и сами начинали рабочими, но вступили в Красную Армию, стали оба танкистами. Вот какие строки посвятил в своих воспоминаниях Матвею Григорьевичу Маршал Советского Союза В.И.Чуйков:

«В трудные дни обороны Сталинграда противник прорвался к центральной переправе 62-й армии, захватил высокий дом на берегу. Прекратился подвоз боеприпасов, пополнения, продовольствия. Я вызвал заместителя начальника бронетанковых войск армии подполковника М.Г.Вайнруба, приказал ему с тремя танками и 30 бойцами атаковать этот каменный дом. Это была трудная задача, но надо было обеспечить переправу в Сталинград дивизии А.И.Родимцева. Через три часа Вайнруб доложил: "Приказ выполнен. Переправа работает". Как стало известно в дальнейшем, Матвей Григорьевич в головном танке повел за собой небольшой отряд, смело атаковал укрепившихся фашистов, буквально ошеломил натиском и беспрерывным огнем из пушек и заставил отойти».

Далее боевой путь младшего брата лежал через Днепр и Польшу, он участвовал в разгроме Познаньской группировки, стал генерал-майором, а после войны дослужился до генерал-лейтенанта, заместителя В.И.Чуйкова – тогда командующего войсками Киевского военного округа – по бронетанковым войскам; с памятной Сталинградской битвы они служили вместе – сам этот факт говорит о многом.

А военные маршруты Вайнруба-старшего пролегли через битвы под Москвой и на Курской дуге, через родную Белоруссию и Польшу, где он уже командовал танковой бригадой, наконец, через Одер: там, на соседнем участке, вышла на Берлин и танковая группа его брата. И уже вместе, хоть и в разных соединениях, добивали они фашистского зверя, как тогда говорили, в его же логове. За смелость и мужество и умелое управление танковыми войсками, за личный героизм в боях братья Вайнрубы одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года были удостоены звания Героев – случай уникальный во всей истории Великой Отечественной.

К Берлину были устремлены все помыслы наших солдат, офицеров, генералов. Каждый мечтал первым ворваться в пресловутое «логово». 20 апреля командующий танковой армией М.Е.Катуков получил телеграмму командующего войсками фронта Г.К.Жукова: *«На вас возлагается историческая задача первыми ворваться в Берлин. **Выделите***

лучшую часть (выделено мной. – В.К.). *Сообщите для доклада Сталину*». Катуков выделил 1-ю гвардейскую танковую бригаду, которой он командовал сам в битве под Москвой. Еще летом 1944 г. он вызвал к себе полковника Абрама Матвеевича Темника, отличившегося при освобождении Львова и форсировании реки Сан на границе с Польшей, и объявил, что за храбрость и умелые боевые действия назначает его командиром 1-й гвардейской танковой бригады. Темник доверие оправдал. Бригада первой вышла к Висле и обеспечила ее форсирование, затем отличилась в боях на Сандомирском плацдарме, а в январском наступлении первой прорвалась к Познани. И вот – Берлин! Проутюжив гиблые Зееловские высоты, сбивая вражеские заслоны, бригада первой ворвалась в пригороды фашистской столицы, а затем, сметая сопротивление, вышла к имперской канцелярии. 28 апреля, находясь в своей командирской машине, которую так хорошо знала вся бригада, Абрам Матвеевич лично повел группу танков к Рейхстагу. Увы, в нескольких сотнях метров от него танк наскочил на мину. Темник был тяжело ранен в живот и скончался в госпитале на следующий день, когда над Рейхстагом взвилось Красное знамя. Звание Героя полковнику Темнику было присвоено посмертно.

И еще о двух Героях хочется мне рассказать. Вряд ли потянут на роман их жизни, настолько коротки оказались. Миша Очерет в 17 лет добровольно вступил в армию. В октябре 44-го попал на фронт, а 8 февраля 45-го принял последний бой. Колонна немецких танков прорвала нашу оборону. Головной танк несся на окоп, в котором засел Очерет. Когда танк подошел почти вплотную, Миша с противотанковой гранатой бросился под гусеницы. Танк запылал, но и для Миши свет померк навсегда.

Точно так же, ценой собственной жизни, остановил танковую атаку его ровесник, тоже доброволец, командир самоходки Владимир Прыгов. 17 сентября 1944 года в бою под городом Тукумсом *«Прыгов поджег головной танк. Был ранен, но продолжал вести огонь, подбил два бронетранспортера и три автомашины с пехотой. Был еще ранен, на этот раз смертельно. Своими бесстрашными действиями способствовал отражению вражеской контратаки»*, – так сказано в представлении к званию Героя, которое ему было присвоено тоже посмертно. В тот день, когда однополчане хоронили Володю в латвийском городе Тукумсе, сравнительно недалеко, в Белоруссии, сражался его отец, бывший

рабочий подполковник Борис Львович Прыгов. Он тоже погиб, так и не узнав о подвиге сына.

Всего посмертно звание Героев было присвоено 45 воинам-евреям, то есть почти трети (!) удостоенных этого звания, еще восемь погибли, уже став Героями, в ходе дальнейших боев. Свердлов приводит впечатляющую статистику. Герои-евреи распределились так: рядового и сержантского состава – 39, младших офицеров – 71, старших офицеров – 33, генералов – 6 и один гражданский – секретарь Минского подпольного горкома ВКП (б), руководитель диверсионной группы И. Казинец. 27 марта 1942 года он был схвачен гестаповцами. Отстреливаясь, убил двух фашистов и трех ранил. Его долго пытали, выкололи глаз, но он никого и ничего не выдал. 7 мая Исая Казинец был повешен в городском сквере. Уже с петлей на шее крикнул: «Смерть фашистам! Да здравствует Красная Армия!»

По родам войск расклад Героев следующий: пехотинцев – 36, артиллеристов и минометчиков – 38, летчиков – 28, танкистов – 21, политработников – 12, саперов – 7, моряков – 6, связистов – 1, подпольщиков – 1.

И еще на одну деталь обратил я внимание, изучая биографии Героев. Из 157-ти – ровно две трети (106 человек) вышли из рабочих семей, 12 – из крестьян, остальные, как говорится, разночинцы. И всего один-единственный продавец – Арон Шиндер, хотя родился тоже в семье рабочего. Призван был в армию в 42-м, начал рядовым сапером на Сталинградском фронте. 14 января 1945 г. под огнем противника захватил мост через реку Пилица, что в Польше, перебил из автомата охрану, а затем с подоспевшими товарищами разминировал его и прикрыл огнем проход по мосту своего батальона. Следом уже без всяких помех прошла и вся дивизия.

Есть среди Героев по одному детдомовцу, сельскому учителю и художнику. Картины члена СХ СССР Михаила Гуревича экспонировались на многих советских выставках и за рубежом. Когда началась война, записался добровольцем в армию, хотя имел «бронь», закончил курсы младших лейтенантов. 20 сентября 1943 г. немецкий пехотный полк перешел в контратаку у города Демидова. Осталось всего одно оружие. Гуревич сам заряжал пушку и сам же стрелял. Шесть ранений получил он, но продолжал вести бой. Кончились снаряды. Из последних сил Гуревич бросил в наседавших гитлеровцев две гранаты, и в следующую минуту автоматная очередь скосила и его.

КАК ВОЕВАЛИ ЕВРЕИ: ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ И В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Так воевали евреи... И, может быть, Солженицын, столь дотошно копающийся во всех еврейских энциклопедиях, заинтересуется также и этой «Энциклопедией еврейского героизма». Тогда если он честный человек, то наверняка взглянет другими глазами на главу «В войну с Германией», что во II томе «Двухсот лет вместе». Но подчеркиваю: если он честный человек...

В очерке использованы материалы из книг:

Солженицын А.И. Двести лет вместе. М.: Русский путь. Ч.1. 2001; Ч.2. 2002.

Солженицын А.И. Евреи в СССР и в будущей России. Славянск, 2000.

Решетовская Н.А. В споре со временем. М., 1975.

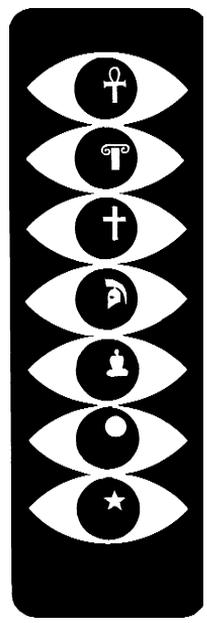
Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.

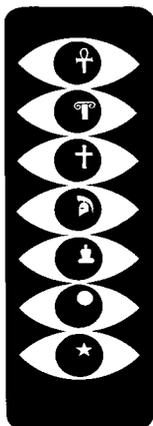
Свердлов Ф.Д. Энциклопедия еврейского героизма. М.: Дограф, 2002.

Мы уже на вершине горы, и перед нами раскрывается широкая панорама. Давайте не будем недооценивать трудностей. Нации – товарищи по оружию – в прошлом нередко расходились в разные стороны через 5 или 10 лет после войны. Таким образом, миллионы людей оказывались в заколдованном кругу, падали в пропасть и должны были снова подниматься вверх ценой огромных жертв. Перед нами теперь имеется шанс

избежать ошибок прошлых поколений и обеспечить надежный мир... Защищать свою страну – это славная участь, но нам предстоит еще более важные завоевания. Мы должны воплотить в жизнь всеобщую мечту о том, что люди будут жить в мире, защищенные нашей непобедимой силой от агрессии и зла.

Уинстон Черчилль

Валентина Марына

К ИСТОРИИ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ.
5–9 мая 1945 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Relief of Prague from German Nazi occupation was the final major battle of WWII in Europe. German group of armies «Center» under command of Field Marshal Shoerner and SS detachments that had been ordered to fight against the Red Army to the last cartridge and then surrender to Americans who were approaching from the West were concentrated in the city and its vicinity. Several forces took part in liberation of Prague: inhabitants of the city who rose in revolt against Germans, servicemen from a division of so called Russian liberation army under General Vlasov, units of the First, the Second and the Fourth Ukrainian fronts of the Red Army. In the course of four days, from May 5 to May 9, the control over the city or its parts several times changed hands. In accordance with understanding with the Soviet high command the American forces that were 60 km off Prague did not develop the offence towards the city, even though they could liberate it easily, the more so because Wermacht units did not offer any resistance to them. Prague was liberated finally and completely on May 9 in result of successful Prague operation carried out by the Red Army. The author shows who events developed in Prague on May 5-9, 1945, what forces took part in liberation of the city and what were relations among these forces.

9 мая 1945 г. войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов Красной Армии вошли в Прагу, *окончательно и полностью* очистив город от немецких оккупантов. Пражане восторженно встречали освободителей. Употребление терминов *окончательно и полностью* не случайно и означает, что 5–9 мая город или его части неоднократно переходили из рук в руки. Задача настоящей статьи – показать, кто, какие силы участвовали в освобождении Праги и как это происходило. Начнем с событий, предшествовавших пяти указанным дням непосредственных боев за столицу Чехословакии.

ПРАГА В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ ВОЮЮЩИХ СТОРОН

К середине апреля 1945 г. ни у кого не вызывало сомнения, что дни гитлеровской Германии сочтены. С востока к ее столице, ведя жестокие бои, пробивались части Красной Армии, с запада – встречавшие несравненно меньшее сопротивление противника

англо-американские войска. Британский премьер У.Черчилль считал необходимым упредить Красную Армию в овладении германской столицей. 1 апреля он писал президенту США Ф.Д.Рузвельту: «Если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»¹. 11 апреля англо-американские войска начали выходить к Эльбе: до Берлина оставалось чуть более 100 км. Генерал У.Симпсон уверял, что если его бронетанковым частям подвезут горючее, то он через 24 часа, опередив русских, будет в Берлине. Однако главнокомандующий англо-американскими войсками в Европе Д.Эйзенхауер отклонил это предложение, посчитав, что для овладения Берлином сил пока недостаточно. 16 апреля битву за Берлин начали войска маршала Г.К.Жукова, с которыми взаимодействовали войска под командованием маршалов И.С.Конева и К.К.Рокоссовского. 26 апреля немецкая столица была полностью окружена. Начался штурм Берлина, обороной которого руководил сам фюрер. Осознав, что сопротивление бесполезно и война окончательно проиграна, Гитлер 30 апреля покончил жизнь самоубийством. 25 апреля в Сан-Франциско состоялось учре-

¹ Черчилль У. *Вторая мировая война. Т.6 / Пер. с англ. М., 1955. С.443.*

длительное заседание Организации объединенных наций. В тот же день произошла встреча советских и передовых частей американских войск на реке Эльбе у Торгау, а в Лондоне было получено предложение Г.Гиммлера о капитуляции немецких войск на западном фронте. 2 мая советские войска овладели Берлином². Согласно завещанию Гитлера было назначено новое германское правительство во главе с гросс-адмиралом К.Деницем. Последний рассматривался нацистской верхушкой как человек, наиболее приемлемый для западных держав, и с которым связывались надежды на возможность договориться с ними о сепаратном мире без Советского Союза.

18 апреля американские войска под командованием генерала Дж.Паттона подошли с запада к довоенным границам Чехословацкой республики. Красная Армия, вступившая на ее территорию еще осенью 1944 г., продолжала освобождение страны. 4 апреля в восточнoсловацкий г. Кошице прибыли президент ЧСР Э.Бенеш и сформированное в Москве первое правительство Национального фронта чехов и словаков, обнародовавшее свою программу, которая получила наименование Кошицкая. В тот же день войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А.И.Еременко освободили столицу Словакии Братиславу. В их составе действовал и 1-й Чехословацкий армейский корпус. 26 апреля войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я.Малиновского совместно с румынскими армиями после длительных боев овладели городом Брно. 30 апреля была освобождена Моравска Острава, в тот же день американские войска заняли Мюнхен. Чешские земли пока оставались во власти оккупантов. Здесь дислоцировалась крупнейшая к концу войны группировка немецких армий «Центр» под командованием фельдмаршала Ф.Шернера, насчитывавшая около миллиона солдат и офицеров. К началу мая она оказалась в гигантском «котле».

1-го мая Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила директиву войскам 1-го Украинского фронта использовать части его правого крыла «для стремительного наступления в общем направлении на г. Прага»³. 2 мая 2-й Украинский фронт получил дирек-

² См. подробнее: *Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. Освобождение. М., 1999. С.267–290.*

³ *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО). Т.4. Кн.2. М., 1983. С.395.*

тиву «главные силы фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага» с задачей после 12–14 мая «выйти на р. Влтава и захватить Прагу»⁴.

Третий рейх агонизировал. В этих условиях тактика нацистов состояла в том, чтобы, вбив клин между западными державами и Советским Союзом, попытаться заключить сепаратный мир с первыми, продолжая войну против второго. Гиммлер предпринял усилия, чтобы встретиться с Эйзенхауером и договориться о капитуляции всего западного фронта. Однако такая встреча не состоялась. Командующий англо-американскими экспедиционными войсками в Европе писал впоследствии: «К концу апреля неприятель окончательно отказался от всех попыток воспрепятствовать движению союзников с запада и востока одновременно. Он повернулся к западным союзникам спиной, чтобы сосредоточить все оставшиеся силы на последней отчаянной попытке задержать русских; однако было уже чересчур поздно. По мере того, как его армии пятились все более и более назад, их части в тылу тысячами сдавались англо-американским войскам»⁵. Группировка немецких войск под командованием Шернера намеревалась вести упорные бои против Красной Армии до тех пор, пока основные ее силы не будут сданы американцам.

В условиях быстрого сближения шедших навстречу друг другу с запада и востока армий союзников по антигитлеровской коалиции необходимо было согласование планов их действий. Эйзенхауер при посредничестве союзнической военной миссии в Москве находился в постоянном контакте с советским верховным командованием. С конца марта он регулярно сообщал ему о планах и намерениях продвижения войск, которыми командовал, чтобы избежать возможных коллизий между армиями союзников во время проведения воздушных или наземных операций, в том числе и в Чехии. Поначалу Эйзенхауер вовсе не планировал здесь никаких военных действий. 24 апреля он получил из Москвы информацию от начальника Генерального штаба Красной Армии генерала А.И.Антонова о том, что советские войска намерены провести операцию по очищению от немецких войск долины реки Влтавы, по обеим сторонам которой, как известно, расположена Прага. Эйзенхауер принял это к сведению. Несколькими днями позже он сообщал

⁴ Там же. С.396.

⁵ Цит. по: Bartošek K. *Pražské povstání 1945*. Praha, 1965. S.64.

начальнику штаба армии США Дж.Маршаллу: «Советский Генеральный штаб намечает операции в долине Влтавы, результатом которых было бы освобождение Праги. Представляется, что они, несомненно, могут достичь этой цели скорее, чем мы»⁶. Тогда советские и американские войска находились примерно на одинаковом расстоянии от Праги. И только последующие события показали, насколько упорным было сопротивление немцев на востоке и слабым на западе. А это, естественно, не могло не сказаться на скорости движения обеих союзных армий. 25 апреля У.Черчилль информировал британский комитет начальников штабов о своем коротком телефонном разговоре с Эйзенхауером. В ходе разговора Черчилль выяснил, что Эйзенхауэр «никогда не планировал идти в Чехословакию», что «в западной части Чехословакии находятся две или три испытанные в боях немецкие дивизии и что для победы над ними необходимо приложить огромные усилия». Эйзенхауэр, по словам Черчилля, заявил что «никогда не рассматривал Прагу как военную, а тем более политическую цель». Он отдал своим армиям на юго-востоке приказ продвигаться в Баварию и достичь Линца, по возможности, раньше, чем «там будут русские». Британский премьер сомневался, что Эйзенхауэр может изменить свою точку зрения⁷. И все же он попытался это сделать.

Изложив комитету начальников штабов политические аргументы в пользу вступления американской армии на территорию Чехословакии, он попросил их высказаться о военной стороне дела. Они пришли к заключению, что было бы неразумно ослаблять удар на главных направлениях – в Австрии и Дании, – предприняв военную операцию в Чехословакии. Однако признали правильными политические доводы в пользу такой операции и дали поэтому британской военной миссии в Вашингтоне указание обратиться по данному вопросу к американскому комитету начальников штабов. Объединенный, англо-американский, комитет начальников штабов имел право давать Эйзенхауэру директивы.

Дж.Маршалл высказался против операции в Чехословакии. 28 апреля он сообщал Эйзенхауэру: «Я не хотел бы рисковать американскими жизнями во имя чисто политических целей. Чехословакия должна быть

⁶ *Cum. no: Prečan V. V kradeném čase. Výber ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S.63.*

⁷ *Ibid.*

очищена от немецких частей, и при этом мы должны сотрудничать с русскими». В ответном послании Эйзенхауера от 29 апреля говорилось, что он размышляет относительно наступления американских войск в западной Чехии, но полагает, что «Красная Армия занимает блестящие позиции для очищения Чехословакии» и что советский генеральный штаб намерен провести операцию в долине Влтавы, результатом которой будет освобождение Праги. При этом он отмечал, что если это будет необходимым и обстоятельства позволят, то движение американской армии будет направлено на Пльзень, Карловы Вары и, возможно, на Ческе Будейовице. «Я не попытаюсь предпринять ни одного шага, который посчитаю неразумным с военной точки зрения, лишь для достижения неких политических выгод, разве что получил бы в этом смысле конкретный приказ от Объединенного комитета начальников штабов»⁸. Приказа не последовало. Решение вопроса было оставлено за Эйзенхауером.

Но Черчилль был настойчив. Весьма обеспокоенный усилением влияния СССР в освобождаемых Красной Армией странах и возможностью распространения коммунизма в Европе, он настаивал на том, чтобы англо-американские войска продвинулись как можно дальше на восток⁹ и овладели Берлином, Веной и Прагой. Размышляя о ситуации в Европе накануне разгрома нацистской Германии, он приходил к следующему выводу: «...во-первых, советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение...»¹⁰. 30 апреля он писал новому президенту США Г.Трумэну (Рузвельт умер 12 апреля): «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение нашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может повлиять к тому же на соседние страны». При этом Черчилль полагал, что если

⁸ *Ibid.* S.63–64.

⁹ См.: *Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Вып.2. М., 1977. С.287, 315, 336.*

¹⁰ *Черчилль У. Указ. соч. Т.6. С.479.*

западные союзники не будут играть важной роли в освобождении Чехословакии, то она пойдет по пути Югославии¹¹. Однако Трумэн не стал вмешиваться в решение военных вопросов. В послании Черчиллю от 1 мая он сообщил ему точку зрения Эйзенхауера и выразил свое согласие с ней. Британский премьер более не настаивал и коротко ответил американскому президенту 2 мая: «Я полностью согласен с точкой зрения генерала Эйзенхауера, которому правительство Его Величества всегда полностью доверяло»¹². 30 апреля Эйзенхауер вновь передал в Москву подробные сведения о планах военных операций союзных войск и указал на возможность их продвижения на линию Пльзень – Карловы Вары – Ческе Будейовице, если позволят обстоятельства. Советское командование не возражало и приняло это к сведению¹³.

В последние дни войны Чехия приобрела для гитлеровцев особо важное значение и должна была удерживаться ими любой ценой. В окрестностях Праги располагались крупные бронетанковые части вермахта и СС, артиллерия и авиация. Но, кроме силовых, предполагались и политические акции. Имперский наместник в протекторате Богемия и Моравия К.Г.Франк еще в конце апреля предпринял несколько безуспешных попыток установить связь с американским командованием¹⁴. На совещании у К.Деница 3 мая было решено, что протекторат прекратит свое существование и вместо него будет создана «чешско-моравская республика». Франк сформировал и ее правительство, в состав которого были включены менее запятнавшие себя коллаборационизмом члены правительства протектората, а главой назначен Р.Биенерт. 4 мая оно обратилось с воззванием к чешскому народу. В нем говорилось, что протекторат Богемия и Моравия прекратил существование, что немецкие исполнительные органы не будут ничего предпринимать против нового правительства, задачей которого является сохранение «мира и порядка»¹⁵. Но решить ее оказалось невозможно. Нарастающий процесс частичных капитуляций

¹¹ Там же.

¹² Prečan V. Op. cit. S.67.

¹³ См. подробнее: Petruř P. K pobytu amereckých vojsk v Česko-Slovensku roku 1945 // *Historický časopis*. 1990. №5. S.659.

¹⁴ *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty. I–2. Praha, 1965. S.675.*

¹⁵ *Ibid.* S.674–677.

нацистских войск на западном фронте, успешное наступление Красной Армии в Моравии, смерть Гитлера и падение Берлина – все это действовало, как катализатор, на развитие освободительного движения в еще оккупированной части Чехии, где велась подготовка к вооруженному восстанию. Весной 1945 г. гитлеровцы нанесли сильные удары по коммунистическому подполью и только-только начавшему развиваться партизанскому движению. Силы Сопrotивления были значительно ослаблены. Вместе с тем надо сказать, что и накануне окончания войны в чешском народе, причем во всех его слоях, было много сторонников пассивного выжидания, полагающих, что освобождение придет извне, будет принесено союзническими армиями и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь¹⁶. Своего адресата находила и пропаганда властей протектората, предупреждавшая об «угрозе азиатского большевизма», предостерегавшая против «анархии и хаоса», убеждавшая в необходимости сохранения «спокойствия и порядка». Тем не менее в начале мая во многих чешских городах, главным образом районного масштаба, состоялись стихийные антинацистские выступления, положившие начало Майскому восстанию чешского народа. Эти выступления были разными по форме и характеру. В Пршерове, где 1 мая распространились слухи о капитуляции Германии, манифестации и демонстрации переросли в вооруженное столкновение с оккупантами; в Нимбурке состоялась всеобщая забастовка в железнодорожных мастерских; 3 мая бастовала Упице, затем поднялось население Раковника; на северо-востоке Чехии и в Подкркноше активизировали свои действия партизаны, которые разоружали немецкие части. Выступления против немцев произошли и во многих других местах. Все они носили стихийный характер и не имели единого руководства. Чешский национальный совет (ЧНС), весьма разношерстный в политическом отношении орган, претендовавший на руководство восстанием, сформировался только в конце апреля и не успел наладить связь с местами. Возглавлял Совет университетский профессор А.Пражак. 30 апреля ЧНС принял программное обращение к гражданам еще оккупированной территории, где высказался в поддержку Кошицкого правительства и его программы. Совет заявил об ориентации во внутренней политике «на самую широкую демократию», а во внешней – на «тес-

¹⁶ *Odboj a revoluce. 1938–1945. Praha, 1965. S.405.*

нейшее сотрудничество» с Советским Союзом и на «дружественные отношения» с остальными союзниками¹⁷. Однако немедленное начало восстания не планировалось ни ЧНС, ни коммунистами, которые также входили в его состав и голос которых был весом. Подпольное руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) 4 мая приняло решение повременить с призывом к восстанию и отложить его на два–три дня.

Ни с командованием Красной Армии, ни с командованием англо-американских войск ЧНС связи не имел, но поддерживал радиосвязь с чехословацкой эмиграцией в Лондоне. 16 апреля 1945 г. о существовании ЧНС советский посол при Кошицком правительстве В.А.Зорин узнал от его председателя З.Фирлингера, которому об этом было сообщено телеграммой из Лондона. В ней утверждалось, что Совет хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством, и содержалась просьба содействовать этому. Фирлингер подчеркнул, что в этом «должны быть заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, а сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям». Зорин обещал передать сообщенные ему сведения советскому правительству¹⁸. Этот вопрос был затронут и 17 апреля в беседе Зорина с одним из руководителей КПЧ Р.Сланским, который охарактеризовал полученную из Лондона информацию о создании ЧНС как «сомнительную». Он полагал, что «этот Совет создан английскими агентами и вряд ли представляет какое-либо широкое движение», и считал необходимым получить более подробные сведения о его составе и деятельности¹⁹. По данным, полученным советником посольства Н.Я.Демьяновым от министра информации чехословацкого правительства коммуниста В.Копецкого 21 апреля 1945 г., ЧНС «отличается малочисленностью своих кадров и отсутствием какого-либо организующего его деятельность центра»²⁰. Такая информация порождала недоверие к ЧНС и вряд ли способствовала желанию советских властей самим искать связь с ним. В дальнейшем это недоверие возросло в связи

¹⁷ *Český odboj a květnové povstání. Sb. dokumentů. 1943–1945. Praha, 1975. S.161–164.*

¹⁸ *Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф.0138. Оп.26. П.132.*

Д.7. Л.19–20.

¹⁹ *Там же. Л.27.*

²⁰ *Там же. Д.8. Л.51.*

К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

с переговорами Совета с Русской освободительной армией (РОА), власовцами, и немцами, о чем будет сказано далее.

Наряду с ЧНС на роль организатора восстания претендовали и активизировавшиеся в это время нелегальные организации бывших чехословацких военнослужащих. Они ориентировались на поддержку имевших оружие войск правительства протектората, полиции, жандармерии, финансовой охраны, пожарных и т.д. Возникло так называемое военное командование «Алекс» во главе с генералом Ф.Слунечко, политическим представителем которого стал Центральный национальный комитет. Не подчинившийся ЧНС комитет был распущен им 5 мая. Находившееся в тесном контакте с «Алексом» Военное командование Большой Праги – «Бартош», возглавляемое генералом К.Кутлвашром, выразило желание сотрудничать с ЧНС.

Пока в Праге размышляли над тем, пора начинать восстание или нет, Эйзенхауер то ли под впечатлением аргументов Черчилля, то ли из военных соображений, рассудив, что потерь со стороны американских войск будет немного, поскольку немцы не собираются сопротивляться, а, наоборот, готовы сдаться в плен, отдал приказ армии Паттона начать наступление в Чехословакии, продвинувшись до вышеобозначенной линии Пльзень – Карловы Вары – Ческе Будеювице. Об этом Эйзенхауер и сообщил в Москву 4 мая, добавив, что, если ситуация потребует, армия готова продвинуться далее до рек Влтава и Лаба и освободить западные (левые) берега этих рек в то время, как советские войска освободят восточные (правые) их берега. Занять «левый берег» Влтавы означало, по сути, занять расположенную на этом берегу часть Праги вместе с находящимся тут Градом (Пражским кремлем), административным центром города. В ответном письме Эйзенхауеру от 5 мая Антонов настаивал на первоначальной договоренности, мотивируя это тем, что советские войска уже начали перегруппировку сил и приступили к реализации ранее запланированной операции. Продвижение американских войск на запад грозило возможностью столкновения и перемешивания войск союзников, чего не желали обе стороны. Это был важный военный аргумент, что должен был признать и Эйзенхауэр. Но в советской позиции, несомненно, присутствовала и политическая мотивация. Ведь, согласно представлениям Москвы, Чехословакия, которая имела союзный договор с СССР и подавляющая часть которой была освобождена Красной Армией, входила в сферу советских интересов. Поэтому не менее чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу

Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советское руководство было заинтересовано в освобождении чехословацкой столицы Красной Армией. Американские войска остались на договоренной в апреле линии. В посланной Антонову телеграмме Эйзенхауэр писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны»²¹. Так и произошло. 4 мая командование войсками 1-го Украинского фронта отдало приказ армиям правого крыла начать «стремительное наступление... в общем направлении на г. Прага... и танковыми армиями на шестой день операции овладеть ею»²². Измотанные в боях за Берлин войска должны были перейти в наступление по особому распоряжению. Им предстояло преодолеть Рудные горы на севере Чехии и упорное сопротивление противника.

5 МАЯ

В этот день в Праге началось стихийное восстание против оккупантов. В полдень по пражскому радио прозвучали первые призывы о помощи: «Мы обращаемся к чешской полиции, чешской жандармерии, правительственным войскам; следуйте немедленно к

зданию, где находится радиостанция – эсэсовцы хотят нас уничтожить, идите немедленно!» На призыв откликнулись не только тысячи пражан, но и жители окрестностей столицы. За здание радиостанции разгорелись ожесточенные бои. К концу дня оно оказалось в руках повстанцев. Отсюда на протяжении всего восстания велось радиовещание: населению сообщалось о том, как развивается ситуация; звучали призывы к союзникам оказать помощь повстанцам. Используя момент неожиданности, они принудили немцев к обороне и достигли немалых успехов. Под контролем восставших пражан находилась почти вся территория на восточном (правом) берегу Влтавы. Они захватили десять из двенадцати пражских мостов через Влтаву, почти все вокзалы, главпочтамт, междугородную телефонную станцию, электростанцию, много важных промышленных объектов. Получили

²¹ *Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. С.291–292.*

²² *ДМИСЧО. Т.4. Кн.2. С.398–399.*

свободу 3 тыс. заключенных тюрьмы Панкрац. Мелкие нацистские части были разоружены, более крупные изолированы в разных частях города. В руках повстанцев оказалось много оружия, отобранного у немцев, а также 5 бронепоездов и 5 танков и броневедомостей²³. Однако в некоторых местах оккупанты оказали серьезное сопротивление уже в первый день восстания. Преимущественные позиции они занимали на западном (левом) берегу Влтавы.

Ранее принятое решение ЧНС повременить с началом восстания стало практически невыполнимым. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Совет, собравшийся под председательством профессора Пражака в 14 часов, решил возглавить восстание. Вечером по пражскому радио прозвучало обращение ЧНС к чешскому народу. Совет, «как представитель революционного движения чешского народа и как доверенный орган правительства Чехословацкой республики в Кошицах», взял на себя «законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии». Сообщалось о создании пражского Национального комитета во главе с В.Вацеком²⁴ (коммунистом). В тот же день ЧНС предъявил ультиматум нацистам. «Немецкая администрация протектората уже не существует, – говорилось в нем. – Большая часть ее представителей находится в руках чешских вооруженных сил и Чешского национального совета. Немедленно прекратите бесполезное сопротивление и сдайтесь чешским вооруженным силам. С вами поступят как с военнопленными согласно международному праву. Если же это не произойдет, то вы будете считаться бандитами и с вами и будут обращаться как с таковыми»²⁵. Повстанцами был взят в плен и председатель сформированного Франком правительства Биенерт, направлявшийся к американцам. Он намеревался уговорить их, чтобы они убедили повстанцев пропустить немецкие войска через Прагу для сдачи в плен американцам. Нацисты и Франк в этот день проявляют охоту к переговорам с повстанцами о перемирии. Им нужно было время, чтобы стянуть к Праге хорошо вооруженные и готовые драться до победы части СС, дислоцированные вне города. Шернер отдал приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами... Прага должна безусловно опять

²³ Bartošek K. *Op. cit.* S.51.

²⁴ *Cesta ke Květnu. S.684–687.*

²⁵ *Ibid.* S.685.

перейти в немецкие руки»²⁶. Перед эсэсовцами ставятся и конкретные задачи по овладению отдельными частями города – Градчанами (Пражский кремль), Староместской и Вацлавской площадями, главными на восточном берегу Влтавы. Идея переговоров с немцами и Франком положительно воспринималась частью руководства восстанием и, прежде всего, офицерами бывшей чехословацкой армии.

4 мая генерал Паттон получил приказ начать наступление в глубь Чехии и выполнил его в течение 5–6 мая, остановившись на линии Пльзень – Карловы Вары – Ческе Будейовице, и в соответствии с указанием начал проводить активную разведывательную деятельность в пражском направлении. Он очень хотел войти в Прагу, благо не встречал фактически никакого сопротивления со стороны немцев. Паттон даже просил об этом своего непосредственного начальника генерала О.Бредли, но получил отказ. 9 мая на пресс-конференции в Праге на вопрос американского журналиста, почему американцы не взяли Прагу, Паттон ответил: «Это я вам могу сказать совершенно точно: потому что мы получили приказ не брать ее»²⁷. Позднее в своих мемуарах он писал: «Я чувствовал, что мы должны были идти до самой Влтавы, и, если бы это не понравилось русским, послал бы их к черту»²⁸. Бредли тоже не сомневался в том, что американские войска легко овладели бы Прагой. «Если бы верховное командование отменило свои приказы, – вспоминал он, – Паттон, очевидно, через 24 часа мог бы быть на Вацлавской площади»²⁹.

Призывы о помощи восставшим, круглосуточно звучавшие по пражскому радио на чешском, английском и русском языках, были известны союзникам. Часть таких обращений, переданных в ночь с 5 на 6 мая, попала и на стол Сталина. «Чехословацкая Прага обращается к Лондону, – говорилось в одном из них. – Прага обращается к армиям генерала Эйзенхауера. Прага обращается ко всем союзным армиям с призывом о помощи. Мы сражаемся за свободу. Мы сражаемся против германских орд. Пришлите нам орудия, самолеты, пришлите нам ваши армии. Окажите нам помощь в нашей борьбе за сво-

²⁶ Bartošek K. *Op. cit.* S.49.

²⁷ Цит. no: Prečan V. *Op. cit.* S.60.

²⁸ Цит. no: *Ibid.* S.61.

²⁹ Цит. no: *Ibid.* S.60.

боду»³⁰. С небольшими перерывами между 4 и 5 часами утра 6 мая Прага вещала на русском языке: «Говорит чешская Прага. Советский Союз! Советский Союз! Станция Киев НКГБ, 4-ое управление. Подполковник Сидоров. Просим срочно парашютной поддержки. Высадка Ольшанское кладбище, на Виноградах, 12. Сигнал места посадки треугольник. Нужно оружие, нужны самолеты. Подписано Витовский»³¹. Эти и другие сведения были переданы руководителем ТАСС Н.Пальгуновым личному секретарю Сталина А.Н.Поскребышеву, видимо, утром 6 мая. В сопроводительном письме говорилось: «В течение всей ночи сегодня Пражская радиостанция передавала призывы о помощи. Часть этих призывов адресована 4-му Управлению НКГБ. О призывах Пражской радиостанции мною сообщено в 3.45 Генштабу (ген.-л. Грызлов) и НКГБ СССР (т. Судоплатов) – последнему сообщено около 4.10»³².

В тот же день начальник оперативного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-полковник С.В.Штеменко направил И.В.Сталину письмо начальника Чехословацкой военной миссии в СССР бригадного генерала Г.Пики «по вопросу захвата чешскими патриотами города Праги и их просьбы о помощи». В письме на имя Антонова Пика сообщал «короткие сведения о событиях в Праге». «Вчера 5 мая в 12 часов начато в Праге вооруженное восстание против немецких оккупантов, – писал он. – Патриоты завладели радиопередающими станциями и стали вызывать чехословацких солдат, полицию и население на вооруженное выступление. С 12 ч. 30 м. развеваются над Прагой чехословацкие, советские и союзные флаги. Немецкие надписи срываются и заклеиваются. Патриоты завладели немецким вооружением, пулеметами и несколькими пушками. Выходы из Праги преграждены. Чешский народ в восторге. Восстанием руководит Чешская Народная Рада (ЧНС. – *В.М.*)». Пика просил, чтобы «Верховное Главнокомандование обратило внимание на пражские события» и «предоставило народному восстанию полную поддержку (сбросом противотанковых ружей, автоматов, гранат и т.д.)». Пика сообщал также, что в 4 часа утра по телефону он информировал об этих событиях Отдел внешних сно-

³⁰ *Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф.3. Оп.66. Д.803. Л.108.*

³¹ *Там же. Л.104.*

³² *Там же. Л.102.*

шений НКО СССР. Штеменко просил указаний Сталина³³. Однако ни сброса оружия, ни десантов не последовало. В Москве было принято иное решение: ускорить ранее запланированную Пражскую операцию Красной Армии.

6 МАЯ

Трудное положение, в котором оказались взывавшие о помощи пражские повстанцы, заставило советское командование поторопиться. Кроме того, видимо, было неясно, удержатся ли американские войска на договоренной линии. Не начнут ли они в создавшейся ситуации, вняв призывам повстанцев о помощи, наступление на столицу Чехословакии? 6 мая с севера начали, а 7 мая продолжили наступление на Прагу войска 1-го Украинского фронта. 7 мая к ним присоединились войска 2-го Украинского фронта. Ускорили движение на запад войска 4-го Украинского фронта. В день начала наступления, 6 мая, политуправление 1-го Украинского фронта издало директиву, в которой указывалось на необходимость «разъяснять всем бойцам и офицерам, что Красная Армия вступила на территорию Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить союзную нам Чехословацкую Республику от ига гитлеризма. Долг чести каждого бойца и офицера своим поведением и отношением к местному населению показать, что воины Красной Армии высоко ценят и уважают чувство благодарности и симпатии, проявляемые чехословацким народом к своей освободительнице – Красной Армии». «Предупредить всех бойцов и офицеров, – говорилось в директиве, – о недопустимости какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела органов власти Чехословацкой Республики, а также не допускать нетактичного отношения к установившимся в стране национальным, бытовым или религиозным традициям, обрядам и т.д.». Категорически запрещалась конфискация «имущества чехословацких граждан и учреждений». Предписывалось оказывать «всемерную помощь органам власти правительства Чехословацкой Республики на местах в быстрейшем восстановлении и укреплении демократического режима в стране»³⁴.

³³ Там же. Л.110–111.

³⁴ ДМИСЧО. Т.4. Кн.2. С.405–406.

Сразу скажем, что наличие директивы вовсе не означало ее неукоснительного выполнения. На практике имели место многочисленные отступления от этих указаний, и извинения Сталина на прощальном обеде с Бенешем в Москве 28 марта не были пустой формальностью. Тогда советский лидер заявил, что он «слышал много славословий по адресу Красной Армии», но, несмотря на то, что это «действительно доблестная, храбрая и славная армия», «она имеет еще много недостатков» и среди насчитывающихся в ее рядах 12 млн. человек не все ангелы. «Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина, – продолжал Сталин. – Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев». Отметив, что большинство бойцов Красной Армии думают, что они герои, Сталин заявил: как люди, считающие себя героями и думающие о возможности близкой смерти, они полагают, что им все позволено и им простят все «излишества» и все безобразия. «Тов. Сталин сказал, – значится в записи, сделанной секретарем В.М.Молотовым Б.Ф.Подчеробом, – что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии». Затем Сталин поднял бокал за то, чтобы «чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»³⁵.

Советская армия, четыре года ведшая кровопролитные бои, естественно, состояла не из одних ангелов. Случались и кражи, и незаконная (подчас вынужденная) конфискация имущества, и насилия, и конфликты с местными органами власти и пр. В городах и населенных пунктах создавались советские военные комендатуры, задачей которых являлось установление порядка в тылу у Красной Армии и координация отношений между представителями ее частей и местной администрации, а также борьба с «фашистской агентурой, оставшейся на местах и пытающейся вредить советским войскам». Со стороны советских военных комендантов, выполнявших приказы командования, было много «самодеятельности». Каждый из них выполнял свои обязанности в меру своего умения и понимания конкретной ситуации. Это были люди, прошедшие войну, не обученные ни дипломатии, ни политесу, понимавшие и разговаривающие в основном на языке приказов и действовавшие в соответствии с обстановкой военного времени. В частности, определяя

³⁵ АП РФ. Ф.45. Он.1. Д.393. Л.57–59.

обстановку на местах, они чаще всего исходили из информации, поступавшей к ним от местных коммунистов или их организаций, нередко сведения о подлежащих аресту лицах носили субъективный характер. Все это, естественно, порождало немало конфликтных ситуаций и недовольства со стороны населения. Об этом впервые исследователи заговорили в 90-х годах XX в., часто делая упор именно на эти негативные стороны поведения красноармейцев, оставляя в тени и освободительную миссию советских вооруженных сил, и в целом дружественные отношения между населением и их представителями. Кстати, и поведение американских войск на чехословацкой территории вызывало жалобы местных органов власти³⁶, о чем писалось менее. 7 июня 1945 г. при обсуждении вопроса об отводе американских войск из ЧСР правительство получило информацию, что с этой армией связаны большие трудности, чем с советской³⁷.

Но вернемся к майским дням 1945 г. и событиям в Праге. Оправившись от растерянности, связанной с успехами первого дня Пражского восстания, Шернер приказал подавить его, поскольку оно перерезало основной путь намеченного отхода немецких частей на запад. 6 мая правительство Деница отдало приказ Шернеру сдать армию в плен американцам и обратилось к штабу союзников с просьбой оказать влияние на повстанцев, чтобы они не мешали немецкой капитуляции. «Война против американцев и англичан потеряла смысл, – телеграфировал Шернер имперскому наместнику в протекторате Франку. – Если англо-американская армия захочет продвинуться на линию Влтава – Лаба, она не встретит сопротивления. Немецкая армия отступит с оружием в руках на восточные берега этих рек»³⁸.

Между тем появились сведения о наступлении американских войск, которые якобы должны через несколько часов подойти к Праге. ЧНС направил курьера в штаб генерала Паттона, прося его поддержать повстанцев авиацией. Но этого не произошло. Чтобы затянуть время, Совет продолжал переговоры с Франком и немцами о перемирии³⁹.

³⁶ *Cesta ke Květnu. S.694–695.*

³⁷ *ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997. S.35.*

³⁸ *Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S.353.*

³⁹ *Zápis o zasedání ČNR ve dnech 4–9 května 1945 // Historie a vojenství. 1967. №6. S.992–993.*

К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

6 мая бои за Прагу начали части СС. Применяв против повстанцев танки и авиацию, гитлеровцы 6 мая снова овладели частью города. Восставшие понесли большие потери, но на баррикадах – их было возведено около 1600 – продолжали

Пражские баррикады

сражаться. Оказавшись в трудном положении, ЧНС и командование «Бартош» стали обсуждать возможность сотрудничества с власовцами. 6 мая в 5.30 пражское радио передало: «Офицеры и солдаты армии Власова! Мы верим, что вы в последнем этапе борьбы против немецких захватчиков, как русские люди и советские граждане, поддержите восставшую Прагу. Призыв от имени командующего»⁴⁰. Ни кто был инициатором этого обращения, ни от имени какого командующего оно было сделано, не известно. Существует версия, что в это время в Праге, на Виноградах, находился русский офицер, который установил телефонную связь с власовцами и обещал им прощение со стороны советских властей, если они помогут восставшим пражанам. В пользу нахождения в Праге в это время некоего русского офицера, скорее всего, сотрудника НКГБ, говорит и приведенное выше радиообращение с просьбой о помощи повстанцам. ЧНС также получил сообщение о наличии в городе «советской миссии», но установить с ней телефонную связь не удалось⁴¹. Скорее всего, в Праге действительно в это время подпольно выполняла задание группа представителей советских спецслужб, но выяснить их роль, пока не будут открыты соответствующие архивы, не представляется возможным. По другой версии, власовцев в Прагу пригласили офицеры бывшей чехословацкой армии, работавшие в административных органах протектората в окрестностях города. По третьей версии, связь с власовцами установил Кутлвашр еще 2 мая. Возможно,

⁴⁰ АП РФ. Ф.3. Оп.66. Д.803. Л.105.

⁴¹ Zápis... S.997, 999.

во всех этих версиях есть доля правды. Кстати, Кутлвашр не отрицал, что вел переговоры с власовцами, заявив при этом: «Власовцы были весьма равнодушны, и следует рассчитывать на них с осторожностью»⁴². Несколько слов о Русской освободительной армии (РОА), которой командовал генерал А.А.Власов, сдавшийся в плен немцам летом 1942 г. Гитлер до поры до времени не желал и боялся иметь в тылу такую армию и поэтому до середины 1944 г. не предпринимал решительных шагов по ее формированию. Командование вермахта не доверяло советским военнопленным, полагая, что значительная их часть при определенных условиях может перейти на сторону Красной Армии. Не доверял фюрер и Власову. Все попытки Гиммлера представить его Гитлеру не имели успеха, мотив отказа был один и тот же: «Предал Сталина, предаст и меня»⁴³. Однако летом 1944 г., когда положение фашистских войск на Восточном фронте резко ухудшилось, фюрер вспомнил о Власове. Гиммлер предложил объединить все существовавшие на оккупированной немцами территории и внутри Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось организационное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР). На нем с приветственными словами выступили Франк, заместитель министра иностранных дел Германии И.Риббентропа обергруппенфюрер В.Лоренц, президент Словакии Й.Тисо, представители вермахта и СС, председатель русской эмиграции в Германии генерал В.Лампе и т.д. Зачитанный Власовым манифест провозглашал главной целью Комитета свержение сталинского режима и возвращение народам прав, завоеванных ими в «народной революции» 1917 г., прекращение войны и заключение почетного мира с Германией, создание новой свободной народной государственности «без большевиков и эксплуататоров»⁴⁴. Таковы были политические цели РОА и КОНР. Председателем Комитета стал Власов, секретарем – В.Малышкин.

⁴² *Ibid.* S.994.

⁴³ Пальчиков П.А. *История генерала Власова // Новая и новейшая история.* 1993. №2. С.135.

⁴⁴ Раманичев Н.М. *Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы.* М., 1995. С.303.

Находясь на службе нацистов, власовцы выполняли охранные функции, участвовали в акциях против партизан и гражданского населения в оккупированных странах, в том числе и в чешских землях. Здесь они использовались как конфиденты и агенты-provokatory. В партизанских районах, в частности Пршерова и Оломоуца, они выдавали себя за бежавших советских военнопленных или за десантированных советских партизан⁴⁵. В шифрограмме на имя Готвальда о партизанском движении в стране от 3 января 1945 г., в частности, говорилось: «Немцы используют большие власовские силы против партизан, и, к сожалению, не без успеха»⁴⁶.

В конце 1944 г. Гиммлер поручил Власову приступить к непосредственному созданию РОА. Ее командующим 30 декабря 1944 г. был назначен Власов. В январе–феврале 1945 г. состоялись его встречи с Герингом, Геббельсом, Риббентропом. Армия формально состояла из трех дивизий. Первая из них⁴⁷ была сформирована в январе 1945 г. Комплектование второй дивизии только началось, а третья вообще значилась лишь на бумаге. Всего сухопутные силы РОА по некоторым данным насчитывали примерно 45 тыс. человек⁴⁸.

1-я дивизия РОА считалась отборной. В ее состав вошла полностью ээсовская карательная бригада Каминского, личный состав которой участвовал в борьбе с советскими партизанами и подавлении Варшавского восстания (август–октябрь 1944 г.). Однако ее боевая подготовка была низкой. Один из командиров полка РОА после войны на суде показывал, что солдаты этой бригады являлись морально разложившимися, что они занимались грабежами и бандитизмом, что у всех солдат при себе было «большое количество золотых вещей, награбленных у мирных жителей»⁴⁹. После встречи с Герингом Власов начал создавать специальные части, войска связи, авиацию. В марте 1945 г. Первая русская дивизия была включена в состав группы армий «Висла», которой ко-

⁴⁵ *Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988. S.140, 384, 387, 508.*

⁴⁶ *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.128. Д.28. Л.75.*

⁴⁷ *Под командованием сначала полковника, а с января 1945 г. генерал-майора С.К.Буныченко, бывшего командира 389-й стрелковой дивизии Красной Армии, который, спасаясь от суда военного трибунала, перебежал к немцам осенью 1942 г.*

⁴⁸ *Раманичев Н.М. Указ. соч. С.296.*

⁴⁹ *Пальчиков П.А. Указ. соч. С.139.*

мандовал Гиммлер, и в апреле участвовала в боях против Красной Армии, но успеха не имела.

В предчувствии близкого окончания войны и краха Германии, надеясь на возможный конфликт между странами антигитлеровской коалиции, командование РОА и КОНР попытались установить контакты с американской армией с целью сдачи ей в плен. Такое решение было принято 20 апреля 1945 г. на узком совещании Власова и его окружения. Секретарь Комитета М.Ф.Малышкин 29 апреля вел переговоры на этот счет с командующим 7-й американской армией генералом А.М.Петчем⁵⁰. В мае к американцам для ведения переговоров отправилась другая делегация. 5 мая она вернулась с «документом, в котором говорилось, что командование американской армии готово принять власовцев, но с условием, что они сдадут оружие и будут на положении военнопленных». Надеясь еще на конфликт между союзниками по антигитлеровской коалиции и на то, что в этой ситуации он сможет стать правителем России, Власов написал обращение к созданной в это время ООН. В нем он пытался оправдать свое сотрудничество с нацистами и призывал к борьбе с большевизмом. Передать по радио это обращение Власов не сумел, и до ООН оно, таким образом, не дошло⁵¹.

В начале мая 1945 г. основные силы РОА располагались к югу и юго-западу от Праги в районе Рокицаны. В связи с вышеупомянутым радиообращением среди власовцев быстро распространились слухи о возможной амнистии в случае их участия в борьбе против немцев. Буняченко из соображений алибизма положительно отнесся к идее помощи повстанцам, Власов был настроен скептически. Существует версия, что тогда Власов направил советскому командованию телеграмму: «Могу ударить в тыл пражской группировке немцев. Условие – прощение мне и моим людям». Ответа не последовало⁵². Утром 3 мая дивизия Буняченко, не встречая особого сопротивления, начала разоружать окрестные немецкие гарнизоны и захватывать военные склады. Еще в ночь на 5 мая в ее штабе побывали представители Кутлвашра и выясняли возможность оказания помощи Праге в случае восстания. 5 мая радио повстанцев передавало: «Защитники Праги! Стойко держитесь,

⁵⁰ *Český antifašismus... S.495.*

⁵¹ *Пальчиков П.А. Указ. соч. С.141.*

⁵² *Перченко Ф., Седельников В. Прагу освобождали дважды. Первыми были власовцы // Московские новости. 1991. №18. 5 мая.*

К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

напрягайте последние силы. К нам на помощь идет армия генерала Власова!»⁵³

Вечером 6 мая дивизия Буняченко вошла в фактически занятую немцами Прагу. Вступив бой с применением танков и артиллерии, дивизия освободила значительную часть города на левом (западном) берегу Влтавы, остановила сильные части эсэсовцев, наступавших на Прагу с юга, вела упорные бои на Градчанах, окружила казармы и аэродром в Рузине, а затем овладела им. На стенах домов власовцы расклеивали плакаты, призывавшие к борьбе против фашизма и большевизма. Их танки были расписаны лозунгами «Смерть Гитлеру!», «Смерть Сталину!». В штабе Кутлвашра появились два власовских офицера, которым был передан план Праги с обозначением главных мест расположения гитлеровских войск. Подробно обсуждался вопрос о трех направлениях наступления власовцев 7 мая. Однако это план не был осуществлен.

7–8 МАЯ

Утром 7 мая в ЧНС началось обсуждение вопроса о возможности сотрудничества с власовцами и принятия их помощи повстанцам. В штабе Кутлвашра в это время находился представитель Буняченко капитан Антонов. Коммунисты, члены Совета, резко выступили

против какого-либо соглашения с РОА. Заместитель председателя ЧНС коммунист Й.Смрковский предложил сообщить Антонову следующее. Совет является представителем кошицкого правительства, и только Совету принадлежит право решать военно-политические вопросы на территории Чехии; ЧНС благодарит армию генерала Власова за помощь повстанцам (не все коммунисты согласились с этим); РОА будет действовать в полном согласии и сотрудничестве с чехословацким командованием; какие-либо переговоры с неприятелем находятся исключительно в ведении командования чехословацких вооруженных сил; призыв к всеобщей капитуляции немецких войск оставляет за собой командование чехословацких вооруженных сил⁵⁴. Антонов подписал от имени

⁵³ Там же.

⁵⁴ Zápis... S.995.

Буныченко, который в свою очередь представлял «больного Власова», эти условия, ограничившие правомочия власовцев.

Однако коммунисты по-прежнему возражали против принятия помощи со стороны РОА, характеризуя Власова как предателя Советского Союза и считая, что сотрудничество с его армией явится политической ошибкой, повлияет на отношение СССР к восстанию и его оценку в мире. «Обсуждаемый вопрос может иметь непредсказуемые последствия с точки зрения позиции СССР и его возможной быстрой помощи восстанию. Ясно, что лишь имя Власов является для советских деятелей достаточным поводом, чтобы иметь серьезные опасения относительно линии и действительных целей восстания... Движение возглавляет человек, который нарушил присягу, и за это ему не может быть прощения»⁵⁵, – заявил коммунист В.Давид. Э.Эрбан пригрозил, что коммунисты уйдут из ЧНС, если не будут прерваны связи с власовцами.

По предложению коммунистов Совет принял решение обратиться по радио непосредственно к рядовым РОА с призывом помочь восстанию. Обращение гласило: «Солдаты так называемой армии Власова. Вас организовали для борьбы против своей Советской власти. Вы решились вовремя повернуть оружие против нацистов, против врагов своей родины. Мы приветствуем это ваше решение. Бейте нацистов, бейте их так, как пражане, бейте их так, как их была славная Красная Армия»⁵⁶. Одновременно был составлен текст письма Власову с благодарностью за готовность оказать помощь повстанцам. Принято предложение военной комиссии ЧНС просить власовцев предоставить повстанцам оружие. С письмом в штаб Буныченко направились коммунисты В.Давид и Й.Кнап. В предоставлении оружия повстанцам было отказано.

По радио на английском и русском языке передавалось заявление ЧНС: «Чешский национальный совет заявляет, что акция генерала Власова против немецких войск является собственным делом этих частей и что Чешский национальный совет не имеет с ними никакого политического либо военного соглашения»⁵⁷. Получивший эту информацию Буныченко готов был сражаться в Праге и без соглашения с ЧНС, но при условии, что по радио будет передано по-чешски и по-русски его личное политическое заявление с объяснением причин его нахождения в

⁵⁵ Bartošek K. *Op. cit.* S.171–172; Zápis... S.998.

⁵⁶ Zápis... S.998.

⁵⁷ Bartošek K. *Op. cit.* S.171–172.

К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

армии Власова⁵⁸, выступления с оружием против немцев, желания помочь сражающейся Праге⁵⁹. В этом ему было отказано, и Буняченко приказал с наступлением темноты выводить части дивизии из города, взяв курс на Пршибрам и далее на запад, чтобы сдать в плен американцам. Впрочем, часть бойцов дивизии осталась в Праге и продолжала воевать против гитлеровцев. Сколько власовцев полегло в боях за Прагу, не известно; по словам Буняченко, еще до отвода его дивизии на запад она потеряла 300 человек⁶⁰.

Вечером 7 мая в штабе командования «Бартош» появились представители американской армии. Они интересовались политическим составом ЧНС, позициями в нем коммунистов, числом повстанцев и их ситуацией. Американцы, по воспоминаниям Й.Смрковского, передали приветствия от генерала Паттона и сообщили, что его армия может быть в Праге 8 мая в 4 часа утра, если об этом официально попросит ЧНС. Некоторые члены Совета с восторгом приняли предложение. Другие же, в частности, Смрковский, заявили, что ЧНС является представителем кошицкого правительства и не может сепаратно просить о помощи одного из союзников⁶¹.

Между тем 7 мая продолжалось осуществление запланированной ранее Пражской операции Красной Армии. Наступление вели с трех сторон войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала И.С.Конева, 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я.Малиновского и 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А.И.Еременко⁶². К концу дня 8 мая, преодолев Рудные горы, части 1-го Украинского фронта вступили на территорию Чехословакии и предприняли марш-бросок в сторону Праги, пройдя в ночь с 8 на 9 мая 80 км. Вместе с наземными войсками действовала и советская авиация, нанося бомбовые удары по путям отхода немецких войск. По некоторым сведениям, за 3 дня наступления авиация 1-го Украинского

⁵⁸ Буняченко сдался в плен из-за грозившего ему расстрела за то, будучи командиром 389 стрелковой дивизии, слишком рано отдал приказ о подрыве железнодорожного моста (См: Раманичев Н.М. Указ. соч. С.308).

⁵⁹ Zápis... S.1009.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Bartošek K. Op.cit. S.213.

⁶² ДМИСЧО. Т.4. Кн.2. С.396, 398–399, 409–410; Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. С.292–294.

фронта совершила 4 тыс. вылетов, 2-го УФ – 3 тыс. и 4-го УФ – более 800 вылетов. Судьба группы армий Шернера, потерявшей способность организованного сопротивления была, по существу, решена 8 мая. В этот день в 20 часов командующий 1-м Украинским фронтом в соответствии с указанием Главнокомандования Красной Армии обратился по радио к немецким солдатам с предложением о безусловной капитуляции, которое не было принято. ЧНС, не имевшему связи с советским военным командованием, ничего не было известно ни о планах Красной Армии, ни о направлении передвижения советских войск.

С согласия Деница представитель верховного главнокомандования Германии генерал А.Йодль 7 мая в 2 часа 40 минут подписал в г. Реймсе (где была ставка Эйзенхауэра) протокол о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах, включая Восточный⁶³. Согласно ему, состояние войны должно было прекратиться в полночь с 8 на 9 мая (по московскому времени – в 1 час ночи 9 мая). У нацистов, таким образом, оставалось еще 48 часов, чтобы осуществить сдачу армии Шернера американцам. Сразу вслед за тем, как Йодль получил разрешение подписать документ о капитуляции в Реймсе, Денниц отдал фельдмаршалу А.Кессельрингу и генералу Винтеру, возглавлявшим войска в Чехословакии, приказ: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем»⁶⁴.

Снова последовало обращение немцев к штабу союзников с просьбой содействовать прекращению действий пражских повстанцев, препятствующих немецкой капитуляции. В штаб Кутлвашра 7 мая прибыли американские офицеры, доставившие сообщение о немецкой капитуляции и приказы о прекращении американцами боевых действий. Они советовали прекратить бои и в Праге. Ранним утром 8 мая повстанческое радио передало приказ командующего чехословацкими войсками о прекращении огня до вступления в силу протокола о безусловной немецкой капитуляции⁶⁵. Побывали американцы и в штабе Шернера, кото-

⁶³ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. С.192. – По требованию советского правительства процедура капитуляции еще раз состоялась 8 мая в Берлине, где 9 мая в 00 часов 43 минуты был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии (Там же. С.193).

⁶⁴ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. С.297.

⁶⁵ Bartošek K. Op. cit. S.216–217.

рый, несмотря ни на что, принял решение пробиваться на запад через Прагу с боем, а приказ о капитуляции сознательно не довел до сведения частей. Используя танки, артиллерию, авиацию, немецкие войска начали наступление на город с юга и овладели его центром. Против восставшего населения осуществлялись массовые репрессии. Эсэсовцы выгоняли женщин и детей из домов и гнали их перед своими танками на баррикады. 7 мая был самым тяжелым днем для повстанцев. Утром 8 мая наступление немцев продолжилось, но одновременно начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р.Туссэн заявил о готовности начать переговоры о капитуляции. Штаб немецких армий группы «Центр» был захвачен советскими войсками. Шернер покинул своих подчиненных и, переодевшись в гражданское платье, бежал (точнее улетел) на запад, к американцам.

8 мая в 10 часов в здание, где расположился ЧНС, прибыл Туссэн, который отверг предложение о безусловной капитуляции и потребовал пропустить немецкие войска через Прагу на запад, мотивируя тем, что они, и прежде всего части СС, вышли из его подчинения. В 16 часов 8 мая был подписан документ, в котором не было ни слова о капитуляции, а говорилось: «1. Полномочный представитель немецких вооруженных сил подписывает *соглашение* (ujednání) *о способе отвода* (stažení) всех немецких вооруженных сил...[находящихся] в Праге и ее окрестностях. Начало отхода частей 8 мая в 18 часов. 2. Это *соглашение* не влияет на условия, которые были предусмотрены для этих частей союзным командованием (американских и английских и советских вооруженных сил)... 5. Передача вооружения будет проведена так: а) все тяжелое вооружение будет сдано по выходе из Праги на окраине города и взято чехословацкой национальной армией... 6. Сдача всего остального вооружения чехословацкой национальной армии будет проведена *перед американской демаркационной линией*... 9. Чешское население не будет создавать трудностей уходящим немецким войскам»⁶⁶.

Вряд ли указанный документ может быть назван актом о капитуляции немецких войск, как это иногда представляется. Скорее всего, он являл собой некий компромисс между ЧНС и Туссэном, вынужденный со стороны первого тем, что немецкие артиллерия и танки обстреливали, а авиация бомбила Прагу, в то время как у повстанцев не хватало оружия, чтобы защищаться, а со стороны второго желанием как можно

⁶⁶ *Ibid.* S.222–223.

скорее, пока советские войска не перерезали путь к отступлению, пробиться к американцам и сдаться им в плен. Думается, что если оценивать соглашение с точки зрения общей военно-политической обстановки того времени, то его можно было считать ошибочным, как и делалось в советской и чехословацкой историографии 50–80-х годов, но с чисто человеческих позиций – нет. Приняв указанные условия, восставшие попросту стремились быстрее избавиться от оккупантов, избежать излишнего кровопролития и уберечь Прагу от разрушений. В 50-х годах всем членам ЧНС, подписавшим соглашение, были предъявлены обвинения в измене и предательстве. Многие из них получили разные сроки тюремного заключения, в том числе и коммунист Й.Смрковский, а один (Я.Неханский) расстрелян.

9–11 МАЯ

Соглашение между ЧНС и Гуссэном вступило в силу вечером 8 мая, хотя не все немецкие части ему подчинились и повстанцы продолжали сражаться. А рано утром 9 мая танковые армии 1-го Украинского фронта под командованием генералов Д.Д.Лелюшенко

и П.С.Рыбалко вступили с севера и северо-запада в Прагу. В течение дня в город вошли также части 2-го и 4-го Украинских фронтов. К концу 9 мая Прага была очищена от оккупантов. Население, согласно донесениям армейских политорганов, восторженно встречало советские войска⁶⁷. «Вчера был в Праге. Город находится в хорошем состоянии и почти не имеет разрушений»⁶⁸, – сообщал И.С.Конев 12 мая И.В.Сталину. Продвигаясь на запад, части Красной Армии в течение нескольких дней завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии.

Первая дивизия РОА, подошедшая к занимаемому американцами рубежу, не была принята командованием союзников. Буняченко приказал распустить личный состав и рекомендовал в одиночку и мелкими группами добираться до Западной Германии. Думается, правильно было бы отделять командование РОА от тысяч ее бойцов, многие из которых

⁶⁷ ДМИСЧО. Т.4. Кн.2. С.421, 423, 425, 429–430.

⁶⁸ Там же. С.420.

видели в присоединении к ней единственный шанс остаться в живых, спастись от гитлеровских концлагерей и, если повезет, перейти на советскую сторону. Вместе с тем в РОА было много людей, вступивших в нее из идеологических и шкурных соображений. Поэтому и вели себя власовцы в последние дни войны по-разному: некоторые кончали жизнь самоубийством, некоторые безучастно ждали своей участи, некоторые пошли на восток, чтобы сдаться русским, а некоторые пробирались на запад.

Власов, согласно донесению начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерала Ф.В.Ящечкина в Москву, был пленен при попытке пробиться на запад на автомобиле. При Власове были найдены американский паспорт на его имя, старый партбилет, переписка с фашистскими боссами, открытое письмо 1-й дивизии РОА к правительствам США и Англии с просьбой о предоставлении убежища «политическим эмигрантам», а также деньги и золото. По требованию советского командования Власов отдал письменный приказ войскам сложить оружие и сдаться в плен Красной Армии. После его тиражирования приказ был доставлен в каждую часть и зачитан личному составу⁶⁹.

Большинство оказавшихся в распоряжении советских войск власовцев прошли через ГУЛАГ. Те из них, кто остался в живых и вышел на свободу, фактически не стали полноценными членами советского общества. В августе 1946 г. военный трибунал приговорил к смертной казни «за активную шпионскую, диверсионную и террористическую деятельность» 12 высших чинов РОА, в том числе Власова, Мальшкина, Жиленкова, Буняченко, Мальцева и др.⁷⁰

11 мая в освобожденную Прагу из Братиславы, где оно до этого находилось, прибыло чехословацкое правительство во главе с З.Фирлингером, который в тот же день имел встречу с И.С.Коневым. Как докладывал маршал Сталину, «были решены практические вопросы по оказанию содействия правительству в быстрейшем налаживании порядка в Праге и стране»⁷¹. На заседании кабинета, одоббившего приветственные телеграммы Сталину и Коневу, Фирлингер информировал министров о том, что советские военные органы через посольство сообщили ему об их недоверии к ЧНС. Речь шла о его контактах с власовцами, с немцами

⁶⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.310. Л.16. См. также: Пальчиков П.А. Указ. соч. С.143–144.

⁷⁰ Раманичев Н.М. Указ. соч. С.310.

⁷¹ ДМИСЧО. Т.4. Кн.2. С.420.

и вообще о «всей политической линии, отразившейся в радиовещании». Премьер, выразив надежду, что речь идет о недоразумении, тем не менее высказался за сдержанное отношение правительства к ЧНС и за немедленную передачу им управления страной в руки возглавляемого Фирлингером кабинета.

Правительство решило не проводить торжественное заседание ЧНС при участии членов кабинета, а ограничиться рабочим заседанием Совета в присутствии премьера. Однако в мае ЧНС не был распущен. 31 мая Зорин передал правительству новую советскую ноту, в которой содержалось требование распустить Совет и перечислялись его недостойные доверия члены, вступившие в переговоры с немцами, в том числе А.Пражак, Й.Смрковский, Р.Кутлващ, Я.Неханский и др. В июне ЧНС прекратил существование⁷².

Пражская операция Красной Армии, проходившая с 6 по 11 мая, была последней крупной операцией Второй мировой войны в Европе. В ходе освобождения Праги в плен было взято около 860 тыс. гитлеровцев, захвачено множество танков, артиллерийских орудий, минометов, более тысячи боевых самолетов. Потери советских, румынских, поль-

Встреча советских войск

ских и чехословацких войск составили 12 тыс. человек; 40,5 тыс. солдат и офицеров получили ранения⁷³.

Итак, советские войска, запланировавшие операцию по освобождению Праги еще в конце апреля 1945 г., поставили точку над «i» 9 мая 1945 г. Фактическое освобождение города началось самими пражанами

⁷² *ČSR a SSSR 1945–1948. Brno, 1997. S.25–26.*

⁷³ *Великая Отечественная война 1941–1945. Кн.3. С.294.*

К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПРАГИ

раньше, 5 мая. Участвовала в этом по политическим и алибиским соображениям и Первая русская дивизия РОА, покинувшая Прагу 7 мая, чтобы сдать в плен американцам, и отказавшаяся оставить восставшим оружие. Американские войска, с которыми части Красной Армии соприкоснулись на линии Карловы Вары – Пльзень – Ческе Будейовице 11–12 мая, по договоренности с советским командованием не перешли эту линию, несмотря на желание первыми войти в Прагу и возможность сделать это.

Федеральное собрание Чехо-Словацкой федеративной республики приняло в 1991 г. решение о том, что государственный праздник День освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков будет отмечаться не 9 мая, как ранее, а 8 мая, как это делает весь Запад, ссылаясь на то, что акт о безоговорочной капитуляции нацистской Германии был подписан по средневропейскому времени именно в этот день.

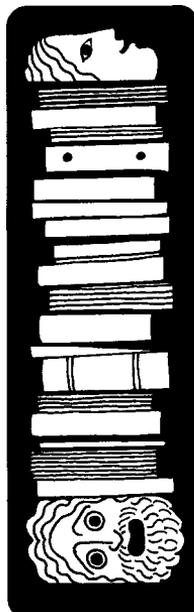
Использованы иллюстрации из книги Bartošek K. Pražské povstání 1945. Praha, 1965.

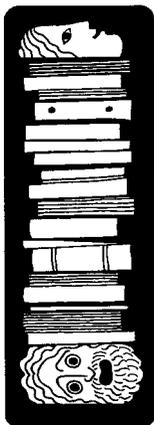
Наш итог, который наверняка мог бы быть дополнен в некоторых отношениях, однозначен: никаких шансов выиграть войну у Германии не было, причем и «без Гитлера» – тоже. (Хотя здесь уместно сказать, что «без Гитлера» тогда и при той расстановке сил мировая война вообще едва ли разразилась бы!) Столь же тотально, как Германия вела под конец эту войну, она ее и проиграла. Более того, можно без преувеличения сказать, что эта война была проиграна политически еще прежде, чем она началась военными средствами. Насчет беспредельно извращенного ведения войны как следствия технического прогресса и идеологических противоречий нет никаких сомнений... Разумеется, многочисленные злодеяния, совершенные немцами во время войны именем Германии, никоим образом не должны замалчиваться, а тем более забываться.

Ганс-Адольф Якобсен

**И если войны, более
разрушительные и варварские, чем
Тридцатилетняя война, пронесутся
над Европой и оставят ее
раздробленной и на столетия
отброшенной назад, то виновником
будет национал-социализм, враг
человечества.**

Томас Манн

Виктор Мальков

НЕВЫДУМАННАЯ КАРТИНА НАЧАЛА II МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

ЭКСПЕРТ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США
О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И МИРЕ
В 1939–1940 гг.

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

The article, based on contemporary press analysis together with the two attached original documents from American manuscripts collections, tackles some fundamental questions related to the breakdown of the old world order, the Versailles system in the «Era of Munich». As the title indicates the author chooses to focus on the explanation for the collapse of fragile, shaky peace in September 1939 by presenting the testimony of the first-class witnesses whose worldviews and capacity to evaluate the great powers' performance in the prewar crisis situation and over the first stage of the Second World War nobody could call preconceived or unreliable. The essay gives the picture of the pre-WWII international structure in the process of disintegration and disarray through the eyes of the most experienced observers from the New York Times staff and long-standing expert on Russian foreign and domestic affairs Professor Samuel Harper from Chicago University. Since the spring 1917 professor Harper was assigned to a special mission – to provide the American policy makers with advanced analyses of «Russian phenomenon» with the goal of culling lessons and meeting challengers. For many years he was an unofficial adviser to the US State Department in the field of soviet-american relations. Harper was very successful in communicating the main features and peculiarities of Stalinist modernization of Russia. He was also acknowledged as a leading authority on post-Versailles Europe, gliding down to the greatest catastrophe in its history, which culminated in nazi invasion against Poland, the capitulation of France and the demise of the balance of powers in Europe. The basic thesis of the article is that in the face of Hitler's aggression the Western democracies (including the USA) by neglecting or underrating the new global role of the Soviet Union endangered not only the interests of their own but the world peace as a major priority. It took almost two years for London and Washington to recognize the Soviet Union's potentially crucial role in the fight against fascism in cooperation with Hitler's foes. But it was done reluctantly only after the collapse of France on June 1940 and coming up to a clear comprehension what was at stake.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №03-01-00909а.

Жаркие дискуссии последних лет о причинах Второй мировой войны, об истоках предвоенного кризиса и, как выразился однажды К.М.Симонов, «сложной правде» трагических 1939–1945 годов приковали к себе внимание широкой публики и у нас и за рубежом. Человечество в который раз пытается выяснить, какие силы и какие конкретные действия политиков (преднамеренные и непреднамеренные) подвели мир к последней черте, придав необратимый характер территориальной экспансии агрессивных держав, вызвав «усыхание» нравственности в мировом сообществе и позволив, говоря словами Томаса Манна, «невозможному ужасу стать действительностью»¹.

И сегодня, в год 60-летия с момента окончания Второй мировой войны, историки многих стран как никогда остро ощущают, что им недостает документов, тех «говорящих» свидетелей эпохи, способных подсказать, в каком направлении вести поиск дальше, дающих ключ к пониманию многих тайн подлинной, невыдуманной предвоенной истории. В этом отношении важны и по-настоящему незаменимы любые дошедшие до нас письменные источники – и те, которые по всем правилам могут быть названы первичными, и те, которые хотя к этой категории и не принадлежат, но тем не менее отражают, «транслируют» те или иные грани ушедшего времени.

Одно другому не противоречит. Следует, конечно же, отдавать себе отчет в том, что выявление и включение в научный оборот новых массивов документальных источников автоматически не снимает всех сомнений. Ведь сами исторические источники не обязательно должны быть, как говорится, «без изъяна». С этим особенно часто приходится встречаться, когда речь идет о дипломатических документах или бумагах государственных деятелей, как бы специально адресованных потомству. События предвоенного десятилетия и периода Второй мировой войны породили великое множество подобных материалов. И все же и к ним следует относиться серьезно. Стоит напомнить, что говорил в связи с этим М.Блок: «...Даже в явно намеренных свидетельствах наше внимание сейчас преимущественно привлекает уже не то, что сказано в тексте умышленно. Мы гораздо чаще и охотнее хватаемся за то, что автор дает нам понять, сам того не желая»².

Заодно спросим себя: а кто может рассчитывать на беспристрастность живых свидетелей тех событий? Слишком грубо, резко и драма-

¹ Манн Т. *Письма. М., 1975. С.114.*

² Блок М. *Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С.37.*

точно чертила тогда история свои уродливые узоры в мировой политике, чтобы люди, захваченные всепоглощающим водоворотом событий, могли выработать хладнокровное восприятие их непредсказуемого развития и скрытой сущности. Это не означает, что такие попытки не делались вовсе. Публикуемые ниже документы – один из примеров таких усилий. По большому счету их автор профессор Чикагского университета Сэмюэл Харпер (1882–1942 гг.), в 20–30-х годах глава школы американских славистов и неофициальный консультант Государственного департамента США, стремился быть предельно объективным в оценке хода событий лета 1939 г. – осени 1940 г. Он был критичным и нелюбимым даже тогда, когда дело касалось его собственной страны, долгое время оставшейся сторонним наблюдателем европейской драмы. В некотором роде виной всему были царящие в американском общественном мнении тех дней политические настроения, формируемые под впечатлением фиаско политики «умиротворения агрессоров» после Мюнхена, и последовательно (хотя и медленно) меняющееся отношение к загадочному «русскому сфинксу».

Эти настроения вместе с тем выглядят гораздо более сложными и дифференцированными, чем у нас принято было считать до последнего времени, отражая то порывы отчаяния, то смутные надежды увидеть мир продленным путем очередного компромисса с Гитлером и Муссолини, то решимость к отпору агрессорам. Наэлектризованность атмосферы чувствовалась постоянно и повсюду, чему способствовала лихорадочная дипломатическая деятельность, и тайная, и явная. Особое ощущение катастрофичности положения имело своим источником атмосферу разлада и почти неустранимого недоверия, которая установилась после Мюнхена между Англией и Францией с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, оказавшимся в данном случае не по своей воле как бы на обочине европейской политики. С его мнением не считались, его ролью в европейских делах пренебрегли. Процессы и «чистки» в Советском Союзе расширили эту пропасть, поставив своеобразную стену между западным общественным мнением и кремлевскими руководителями. С некоторых пор каждый новый шаг Кремля принимали как маневр, таивший в себе неприятный сюрприз. Ожидавшийся с нетерпением и открывшийся 10 марта 1939 г. XVIII съезд ВКП (б) не только не снял этого ощущения, но и в еще большей степени усилил его.

Между тем в Отчетном докладе Сталина была изложена хорошо известная советская точка зрения на политику «невмешательства». Она была названа попустительством неагрессивных стран агрессорам (Гер-

мании и Японии), но акцент (и очень на этот раз сильный) делался не на общую констатацию, а на разоблачение маскируемой под благовидными предложениями скрытой цели этой политики – попытки столкнуть агрессоров с Советским Союзом. Дождавшись истощения всех троих (имелась в виду возможность войны СССР на два фронта, против Германии на Западе и Японии на Востоке), говорил Сталин, Запад рассчитывает в нужный момент выступить на сцену со свежими силами и продиктовать «ослабевшим участникам войны свои условия». Жестко ироническое «и дешево и мило!», вполне раскрывающее ход мыслей докладчика, подкреплялось прямым предупреждением в адрес Лондона и Парижа: «опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»³.

Комментаторы западной печати были почти единодушны в оценке смысла этого раздела доклада: советское руководство заявляет о своей решимости не дать втянуть свою страну в военный конфликт с Германией и Японией, оно намерено оставаться вне войны, если она не будет развязана против СССР. В целом такая позиция представлялась естественной и логичной (может быть, более всего для американцев), однако многие находили, что Запад, привыкший видеть Советский Союз упорно добивающимся соглашения с ним, сталкивается с новым вызовом, поскольку Москва уже не скрывала своего разочарования в усилиях добиться договоренности о совместных действиях против расширения агрессии. Рождалась уверенность, что, изменив своей активной внешней политике, Советский Союз движется в сторону если не изоляции, то большей отстраненности от болевых точек Центральной Европы. Вопросы громоздились один на другой. В чем подлинная причина и перестановка акцентов во внешнеполитическом курсе Москвы? Является ли это тактическим маневром Сталина или он замышляет кое-что посерьезнее, например, сближение с Германией? Кому в действительности было предъявлено обвинение в провокационной игре на осложнениях между СССР и Германией в связи со сведениями о планах последней в отношении Украины – Лондону или Парижу, а может быть, внутренним «оппозиционерам», излишне доверчиво относившимся к Западу и чрезмерно активно отстаивавшим курс на сотрудничество с ним в целях сдерживания агрессии?⁴ Этот перечень можно было бы и продолжить.

³ *Правда*. 1939. 11 марта.

⁴ Евгений Александрович Гнедин, работавший до своего ареста в мае 1939 г. заведующим отделом печати Наркоминдела, в своих воспоминаниях писал, что в мае и июне 1939 г. в

Толкований было так же много, как и вопросов, но большинство сходилось на том, что игнорировать эти предупреждения Москвы было бы делом рискованным. Между характерными особенностями внутреннего развития СССР во второй половине 30-х годов и переменами во внешнеполитическом курсе сталинского руководства прослеживали определенную взаимосвязь. Но, в какой мере достоверен был этот диагноз, оставалось неясным, как неясным представлялись брошенные Сталиным слова о том, что впредь репрессии будут обращены не во внутрь страны, а против враждебного окружения.

В Америке, расколотой на лагерь изоляционистов и антиизоляционистов, сторонников примирения с «третьим рейхом» и его непримиримых противников, пристально следили за развитием событий в Европе. И хотя многие считали, что Чемберлен зашел в своей уступчивости Гитлеру слишком далеко, большинство все же уповало на то, что в какой-то момент, когда отступать будет некуда, он сумеет продемонстрировать характер. Замечено было выглядевшее несколько нарочитым потепление в политике Лондона в отношении Москвы. В этом варианте Советский Союз рассматривался как вероятный союзник Англии и Франции, но известия из Москвы заставили увидеть будущее в новом свете. Советский Союз дал понять, что он не позволит сделать себя слепым орудием других стран, ведущих рискованную игру «в поддавки» исключительно в собственных интересах. Одним из первых, кто осознал это, был бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис. Находясь в 1939 г. в Брюсселе (он занял пост посла в Бельгии), Дэвис записал 11 марта в своем дневнике: «Московское радио вчера и сообщения печати сегодня передают изложение речи Сталина по вопросам внешней политики на XVIII съезде партии. Это чрезвычайно важное заявление. Оно содержит в себе совершенно ясное предупреждение английскому и французскому правительствам, что Советы устали от "нереалистической" оппозиции агрессорам»⁵.

Пресса энергично принялась обсуждать вопрос о возможности крутых разворотов во внешнеполитическом курсе Кремля. Среди различных причин, выдвигаемых в качестве объяснения, фигурировала и версия о резком снижении боеспособности Красной Армии в результате постиг-

ходе «чистки» НКВД СССР усиленно готовилось «дело Литвинова» (см.: Новый мир. 1988. №7. С.195). Народный комиссар по иностранным делам СССР М.М.Литвинов был известен как архитектор политики коллективной безопасности.

⁵ *Davies J.E. Mission to Moscow. London, 1942. P. 279.*

ших ее потрясений, уничтожения командных кадров и перемещений. Указывалось на те изменения, которые за последние пять лет привели к почти полному обновлению политического руководства СССР в центре и на местах. Так, например, в связи с открытием XVIII съезда ВКП (б) газета «Нью-Йорк таймс» специально отмечала, что большинство его делегатов – члены партии, вступившие в нее после 1926 года⁶. Особого внимания была удостоена та часть внешнеполитического раздела доклада Сталина, в которой в духе отповеди говорилось о попытках западной печати нанести урон отношениям между СССР и Германией и столкнуть их друг с другом «провокационными» рассуждениями об угрозе Украине со стороны «третьего рейха». Не осталось незамеченным также смягчение тона «в отношении агрессивных держав – Германии, Италии и Японии» – сравнительно с тем, который докладчик употребил, говоря о «западных демократиях». Полагали, что совершенно не случайно Сталиным был выдвинут тезис и о давно подготовляемой на Западе «второй империалистической войне»⁷.

В корреспонденции от 12 марта та же «Нью-Йорк таймс», уже не скрывая тревожных интонаций, писала, что выступление Сталина следует понимать как жест примирения с Германией и как серьезное предупреждение Западу⁸. После Антикоминтерновского пакта (1936) никто не мог себе представить ничего подобного. Газета заключала: «Означают ли слова Сталина, что следует ожидать улучшения отношений между Россией и Германией? И вообще, что стоит за ними? Истолкование их стало непростым делом после того, как какое-то время тому назад отношения между Англией и Россией улучшились. Совсем недавно премьер-министр Чемберлен первый раз за всю свою жизнь присутствовал на приеме в советском посольстве в Лондоне, а вскоре в Москву отправляется английская торговая делегация (речь идет о готовившемся визите министра внешней торговли Хадсона в Москву в конце марта 1939 г. – В.М.). Что бы там Сталин ни имел в виду, его речь в Кремле не содействовала очищению атмосферы в Европе, которая все еще со всеми своими компонентами сохраняет запах дыма от пожаров Гражданской войны в Испании»⁹.

⁶ *New York Times*. March 10, 1939. P.4 L.

⁷ *Ibid*. March 11, 1939. P.8 L.

⁸ *Ibid*. March 12, 1939. P.39 L.

⁹ *Ibid*. P.1 E, 3 E.

Если даже допустить, что упреки, высказанные «Нью-Йорк таймс» в адрес советского руководства, были обоснованны, то последовавшие буквально вслед за тем события могли поколебать эту уверенность. И Англия, и Франция, подписавшие вместе с Германией и Италией мюнхенское соглашение, доказали всем, кто еще верил в идею коллективной безопасности, что вся самокритика Лондона и Парижа ничего не значит. На многих в США ошеломляющее впечатление произвел тот факт, что захват Чехословакии Гитлером 15 марта 1939 г. не вызвал ожидаемого потрясения в Лондоне. «Ликвидации Чехословакии, – писала «Нью-Йорк таймс», – было вовсе недостаточно для того, чтобы заставить Англию стряхнуть овладевшую ею в последнее время апатию по отношению к событиям в Центральной Европе...»¹⁰.

Хуже всего то, что уже вскоре стало ясно: захват Гитлером Чехословакии, создав на первый взгляд необходимое и достаточное условие для улучшения взаимопонимания между Лондоном, Парижем и Москвой, на самом деле эту возможность ухудшил. Не мог остаться незамеченным и тот факт, что в психологическом плане это относилось и к взаимопониманию между Москвой и Вашингтоном. Исчезновение Чехословакии – страны, к образованию которой США были причастны в первую очередь, – с политической карты Европы еще контрастнее выразило равнодушие Америки к судьбе ее народов в целом. Проницательный журналист Уолтер Дюранти в корреспонденции из Москвы, опубликованной в "Нью-Йорк таймс" 16 марта, писал, что реакция в Советском Союзе может быть выражена одной фразой «Что же вы хотели?» По мнению Дюранти, с этим же было связано стремление советского руководства, прежде всего, подчеркнуть готовность Советского Союза самому позаботиться о собственной безопасности¹¹.

Не менее именитый политический обозреватель Артур Крок в своем анализе существующих в Государственном департаменте США «теорий» развития европейской ситуации, не сговариваясь с Дюранти, подтвердил наличие планов, учитывающих возможность развязывания Германией войны против Советского Союза при сохранении нейтралитета западных стран и без помех со стороны Польши¹². Но дебаты во внешнеполитическом ведомстве, в конгрессе и вообще в кругах, близких к правительству США, выявили также и еще одну интересную особенность: в верхних

¹⁰ *Ibid. March 15, 1939. P.1.*

¹¹ *Ibid. March 16, 1939. P.10 L.*

¹² *Ibid. P.22 L.*

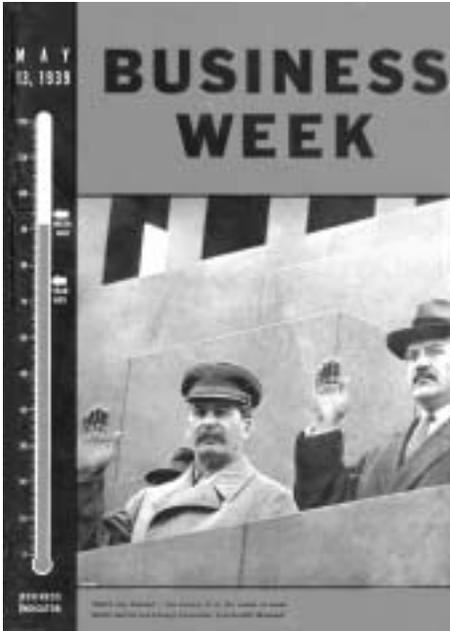
эшелонов власти появилось все больше людей, способных самокритично и трезво оценить бесперспективность и губительность курса на сохранение позиции «над схваткой» и полную неэффективность тех символических жестов и полумер, которыми Лондон, Париж и Вашингтон пытались реабилитировать себя за предательство в Мюнхене и примирение с захватом Чехословакии. Тот же Артур Крок писал: «Американцы, живущие в самом сердце страны, чьи заботы до последнего времени замыкались на вопросах контроля за производством зерна, помощи по безработице, налогов и предвыборной политики 1940 г., сегодня обсуждают совсем другие темы: могла ли английская дипломатия воспрепятствовать вхождению Муссолини в союз с Гитлером и не могли ли компетентные государственные деятели в Европе, прибегнув весной 1938 г. к силе, остановить диктаторов и предотвратить спектакли в Мюнхене и Праге»¹³.

С марта 1939 г. вопрос о позиции Советского Союза и об отношениях с ним обернулся для американцев еще одной неожиданной гранью – возможностью утраты баланса сил на всем мировом пространстве. Прогнозы в духе ожидания «нового Рапалло» высказывались на страницах еженедельных газет¹⁴, но уже в контексте неминуемого военного триумфа вермахта, вооруженных сил Италии и Японии. Опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс» 19 марта 1939 г. карта Европы в качестве одного из наиболее вероятных направлений следующего удара Гитлера на Востоке указывала на Украину. А поскольку именно это направление для удара вермахта считалось наиболее вероятным, сразу же возникал вопрос, сможет ли СССР противопоставить ему что-либо. Газета задавалась вопросом: «Окажет ли Россия сопротивление или пойдет на соглашение с Германией?» Преобладал скептицизм. «Ввергнутая в хаос Россия, – писала далее газета, – не котируется в качестве фактора силы в Восточной Европе и на Дальнем Востоке»¹⁵. При таком раскладе можно было забыть об СССР как противовесе Японии. Но в целом никакой ясности не было. Не вносила ее и информация, поступающая из посольства США в Москве. Само посольство вплоть до середины марта 1939 г. работало без руководителя, поскольку Белый дом всячески оттягивал оглашение своего решения о назначении нового посла.

¹³ *Ibid. March 17, 1939. P.20.*

¹⁴ *Ibid. March 20, 1939. P.11 L.*

¹⁵ *Ibid. March 19, 1939. P.3 E.*

Обложка журнала «Business Week» со статьей, посвященной роли СССР в мировой политике. «"Каким путем пойдет Россия?" – выбор за И.Сталиным и новым министром иностранных дел В.Молотовым».

И все же среди разногласия суждений и догадок в связи с изложением советской позиции по вопросам внешней политики на XVIII съезде ВКП (б) в середине марта 1939 г. наиболее обоснованным рассматривался следующий прогноз:

1. Советский Союз в сложившейся обстановке с учетом опыта Мюнхена и последующих событий не будет первым предпринимать никаких шагов, способных втянуть его в войну с Германией;
2. Советский Союз сосредоточивается на своих внутренних делах, включая проведение необходимых мобилизационных мероприятий и укрепление боеспособности;
3. возможная отставка М.М.Литвина и перемены в составе НКВД'а в результате сталинских «чисток» увеличивают перевес тех сил в советском политическом руководстве, которые отдают предпочтение сохранению состояния «вооруженного нейтралитета» по отношению к тому, что происходит в Центральной Европе и повсеместно в мире;
4. активность милитаристской Японии на Дальнем Востоке сделает СССР вдвойне осторожным, что, как заметил У.Дюранти, только еще скорее заставит потенциальных партнеров по антигитлеровскому блоку поменяться ролями – западные страны становятся больше заинтересованными в поддержке Советского Союза, чем Москва в сотрудничестве с ними¹⁶.

Последующие события, казалось, опрокинули эти предположения, вернув все на международной шахматной доске к домюнхенской диспозиции. Неожиданно 18 марта СССР предложил созвать конференцию

¹⁶ Ibid. March 21, 1939. P.1; March 26, 1939. P.4 E; April 11, 1939. P.5.

шести держав (СССР, Франция, Англия, Польша, Румыния и Турция) «для выяснения действительного положения и определения позиций всех ее участников»¹⁷. Отклонение этого предложения Англией как «преждевременного» и отнесение его к разряду «незамеченных» Францией было как будто «уравновешено» появлением в Москве 23 марта Роберта Хадсона, английского министра внешней торговли, и его переговорами с М.М.Литвиновым, А.И.Микояном, В.М.Молотовым. Нужно признать, сообщал из Москвы корреспондент «Нью-Йорк таймс» У.Дюранти, у Советского Союза не было особых причин «целовать Англию в обе щеки»¹⁸. Но тем не менее соображения более весомые, чем налаживание торгово-экономических связей, сделали встречу, без преувеличения, полезной и многообещающей. Буквально накануне позиции Англии и СССР как будто бы сблизились в результате обмена мнениями между М.М.Литвиновым и послом Англии в Москве У.Сидсом о предложенном британским кабинетом проекте декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, предусматривающем консультации о совместных шагах в связи с любыми действиями, составляющими угрозу политической стабильности в Европе¹⁹. Как о совершенно неординарном событии все ведущие газеты в Англии и США сообщили о том, что посол СССР в Лондоне И.М.Майский присутствовал на завтраке у леди Астор, духовного лидера английских консерваторов. Похоже, наступало возвращение дипломатии надежд.

Но в реальной жизни все осталось без изменений. И.М.Майский общал в Москву, что Чемберлен «не потерял надежды толкнуть Гитлера на восток, против СССР» и что Польша и Румыния боятся «дружбы» с СССР больше, чем его «вражды». Здесь не было преувеличений. По словам посла, сказанным им в беседе с Галифаксом²⁰ 31 марта 1939 г., в силу открытого нежелания «самой Польши пользоваться нашей поддержкой», Советский Союз «не может занимать иной позиции, как позиция внимательного наблюдателя за разворачивающимися событиями»²¹.

¹⁷ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С.266.

¹⁸ *New York Times*. March 25, 1939. P.6.

¹⁹ СССР в борьбе за мир... С.263–265.

²⁰ Галифакс Э. – лорд, министр иностранных дел Англии.

²¹ СССР в борьбе за мир... С.273, 280, 288–289.

Посол СССР в Великобритании И.М.Майский в своем кабинете с сотрудниками посольства.

По-видимому, по тем же мотивам известие о предоставлении Англией гарантий Польше, по словам Дюранти, было встречено в Москве всего лишь со «сдержанным удовлетворением»²². Прилагательное «сдержанное» имело предикативный смысл. Все понимали, что недоверие советского руководства к линии Чемберлена–Боннэ²³, а также явное нежелание польского правительства вступить в союзнические отношения с СССР не предвещали ничего хорошего. И в Соединенных Штатах отдавали себе отчет в этом (президент Рузвельт сам отказался определить свое отношение к англо-французскому демаршу), а еще и в том, что обещания оказать помощь Польше не означали отказа западных демократий от попытки решить польско-германские противоречия «нормальным дипломатическим путем». Американская печать придавала особое значение этой оговорке. Подчеркивалось, что если Польша (или Румыния, или Греция) добровольно пойдет на соглашение с Германией (оно считалось вполне допустимым) на базе территориальных уступок или присоединения к «оси», то в этом случае ни Англия, ни Франция не будут считать себя связанными сделанными обещаниями²⁴. Не прошли незамеченными и разъяснения лондонской «Таймс» в том смысле, что анг-

²² *New York Times*. March 31, 1939. P.1; April 1, 1939. P.1.

²³ Боннэ Ж. – министр иностранных дел Франции.

²⁴ *New York Times*. April 2, 1939. P.43 L.

лийские гарантии не перекрывают «каждый инч» существующей польской границы с Германией, т.е. не относятся к Данцигу и «польскому коридору»²⁵.

Второй Мюнхен? Да, именно так. Вместе с констатацией «коренного поворота» во внешней политике Англии и изменением в настроении английского общественного мнения на горизонте появилась тень нового Мюнхена, т.е. продление мира теперь уже за счет Польши. И в этом смысле, писал У.Дюранти, «нравятся они вам или нет, русские вправе иметь подозрение, что Гитлер и компания располагают большим здравомыслием, чем Франция и англичане вместе взятые, даже если к ним добавить поляков»²⁶.

Как видим, настороженность в оценке окончательности поворота во внешней политике Англии, а значит и Франции, проявлялась не только в Москве, но и в политических кругах Вашингтона. Не случайно «Нью-Йорк таймс», говоря о реакции ведущих промышленников Бирмингема на предоставление Англией гарантий Польше, отмечала ее негативный характер. Газета заключала не без едкой иронии: «Великобритания может колебаться в проведении своей политики, но не в своей непоколебимой вере, что в конечном итоге она одержит верх»²⁷. Правда, по мнению многих американских наблюдателей, существовали оправдывающие англичан обстоятельства и, в частности, распространенный на Западе взгляд, что военный потенциал Советского Союза находится на низком

²⁵ И.М.Майский этим размышлениям «Таймс» посвятил целую телеграмму в НКВД СССР от 2 апреля 1939 г. (см.: СССР в борьбе за мир... С.297–298).

²⁶ *New York Times*. April 2, 1939. P.5 E. – Трудно сейчас сказать, было или не было обычно хорошо информированному Дюранти известно о беседе М.М.Литвинова и английского посла У.Сидса 1 апреля, но очень легко представить себе, что он знал о ней. В ходе беседы нарком сказал, что СССР не считает себя связанным никакими обязательствами и будет «поступать сообразно своим интересам». Литвинов говорил, что в Москве задавались вопросом, «действительно ли Англия решила встать на путь борьбы с агрессией вообще, где бы она ни возникла, или же мы имеем дело с соглашением между Англией, Францией и Польшей или даже Румынией, вызванным особыми соображениями и интересами?» Запись М.М.Литвинова о беседе с Сидсом кончается следующими словами: «Я действительно принял посла очень холодно, выражая это не столько словами, сколько поведением, и от продолжения разговора уклонился» (см.: СССР в борьбе за мир... С.292). Посол Англии Сидс одним из первых почувствовал подчеркнутую нелюбезность Москвы по отношению к европейским «демократиям».

²⁷ *New York Times*. April 3, 1939. P.14.

уровне. Пытаться опровергнуть англичан считалось невозможным: факт уничтожения высших командных кадров Красной Армии говорил сам за себя²⁸. Он служил оправданием и для тех политиков в США, кто призывал к верности изоляционизму, т.е. предлагал не связывать себе руки какими-либо обязательствами в отношении помощи жертвам агрессии и сохранить до конца верность принципу «нейтралитета».

Хотя Рузвельт обрушился с уничтожающей критикой на крайний изоляционизм, приравняв его к государственной измене, нет никакого прямого подтверждения, что в тот момент он (Рузвельт) имел более четкую линию поведения, чем английский кабинет²⁹. Уезжая после непродолжительного отдыха в Уорм-Спрингсе 9 апреля 1939 г., президент бросил жаждающим знать его мнение о международной обстановке журналистам: «Я вернусь осенью, если не будет войны»³⁰. Белый дом устами своих неназванных представителей осудил агрессию «нацистского империализма», но относительно практических шагов администрации едва ли кто сомневался: накануне выборов 1940 г. Рузвельт не мог себе позволить открыто и активно вмешаться в европейские дела. Те немногие, кто пробовал истолковать эти заявления как готовность США вместе с другими демократическими странами, если потребуется, использовать силу для предотвращения дальнейшего расширения агрессии, получили очередной заряд холодного душа в виде обращения Рузвельта к Гитлеру и Муссолини от 15 апреля с предложением фюреру и дуче торжественно обещать на период в 10–25 лет воздержаться от агрессии против трех десятков стран – потенциальных жертв, включая Польшу и Советский Союз. Критика этого обращения к агрессорам со стороны общественности в западных странах не заставила себя ждать: от Гитлера хотели получить гарантии, в которые решительно никто не мог поверить. Левая печать зло высмеивала наивность президента, дипломаты говорили, что Рузвельт хотел всего-навсего выиграть время.

Парадоксы и кажущаяся нелогичность становились приметной чертой дипломатии больших и малых стран. К середине апреля еще более отчетливо проявили себя изоляционистские тенденции во внешней политике СССР, о которых с непривычной нервозностью принялась писать печать западных стран, начиная с марта 1939 г. Их не считали немоти-

²⁸ *Ibid.* April 9, 1939. P.22 L.

²⁹ См.: *Советско-американские отношения 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н.Севостьянов. М., 2003. С.717.*

³⁰ *New York Times.* April 10, 1939. P.1.

вированными. Так, А.Маккормик в корреспонденции из Парижа еще 14 апреля писала, что «несговорчивость Москвы» проистекает вовсе не только из-за «нежелания Польши и Румынии принять гарантии Москвы», но и по причине ее сомнений в отношении целесообразности «входить в большой блок на условиях, предложенных странами, которые до сих пор стремились не допускать советское правительство к определению согласованных действий в Европе»³¹. Можно было подумать, что в руки американской журналистки каким-то неведомым путем попала депеша М.М.Литвинова И.М.Майскому от 4 апреля. В ней, в частности, говорилось: «Не в первый раз Англия делает нам предложения о сотрудничестве и потом берет их обратно со ссылками на действительные или возможные возражения то Германии, то Японии, а теперь Польши... Для нас нетерпимо положение человека, которого приглашают в гости, а затем просят его не приходить ввиду того, что другие приглашенные гости не желают с ним встречаться. Мы предпочли бы быть совершенно вычеркнутыми из списка приглашенных... Из сказанного Вам ясна будет наша нынешняя, а возможно, и дальнейшая сдержанность в отношении всяческих английских жестов»³². Сам тон этой инструкции послу указывал, что линия Москвы не будет смягчена без согласования на условиях Москвы коллективных действий Англии и СССР.

13 апреля британское и французское правительства выступили с совместным заявлением о том, что в случае угрозы независимости Греции, Румынии и Польши они немедленно окажут им любую помощь. Вслед за тем английское правительство 15 апреля запросило правительство СССР о его согласии сделать заявление о том, что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь советского правительства, не уточняя, впрочем, вопроса о формах собственного участия в отражении агрессии. 17 апреля 1939 г. советское правительство ответило обращением к Англии о заключении между Англией, Францией, СССР соглашения (сроком на 5–10 лет) о взаимопомощи и подписании военной конвенции, действие которых распространяется на все граничащие с СССР восточноевропейские государства. Но, по видимому, уже в начале 20-х чисел апреля в Москве нашли, что в Лондоне и Париже не готовы к всеобъемлющему соглашению с СССР и стремятся под разными предлогами затянуть ответ. «Авось опять запах-

³¹ *Ibid.* April 15, 1939. P.18.

³² СССР в борьбе за мир... С.303–304.

нет миром» в связи с ожидаемой новой речью Гитлера, писал Литвинов, характеризуя возможность рецидива соглашательства Чемберлена и Боннэ с Берлином и Римом³³. Ясно было одно: идея реального тройственного союза, возобновления Антанты была погребена под давящим грузом взаимного недоверия и подозрительности, чем не преминула воспользоваться дипломатия «третьего рейха», попеременно разыгрывающая то одну, то другую карту.

Ориентация Англии, в отличие от СССР, стоявшего за заключение тройственного соглашения (пакта взаимопомощи), на «параллельные» действия, не закрывающие пути возврата к политике компромисса с Гитлером, стала главным препятствием для процесса наведения мостов через разделяющую обе страны и все расширяющуюся пропасть. Непрерывно проходившие с начала мая и до конца июля 1939 г. переговоры СССР с Англией и Францией вызывали один только горький осадок. Обе стороны действовали таким образом, будто только и думали, как найти способ выхода из них. Советское требование принятия равных обязательств оказалось в центре переговорного процесса и одновременно главной причиной всех затруднений. Об этом ясно было заявлено Молотовым 31 мая 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР. Глава советского правительства, посвятив отдельный пассаж своей речи Германии, начал его с многозначительной фразы: «Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия»³⁴.

И если в Лондоне и, в меньшей мере, в Париже все еще предпочитали тактику давления на Гитлера дипломатией предупредительных действий, то в Вашингтоне перспектива внезапного прекращения контактов Лондона и Парижа с Москвой и возможность сближения СССР и Германии рассматривалась в ином и, как это ни странно, более катастрофическом контексте. Начавшиеся военные действия между Японией и СССР на р. Халкин-Гол в конце мая 1939 г. только усилили в США подозрения в отношении мотивов поведения Чемберлена. Во внимание принимались и расчеты Лондона найти новый предлог для отказа от соглашения со страной, которая фактически находилась уже в состоянии войны, и одновременно нарастающая жесткость и бескомпромиссность советской позиции³⁵. Министр внутренних дел США Г.Икес писал, например, 5 июля

³³ Там же. С.343–344.

³⁴ Там же. С.428.

³⁵ 17 июля 1939 г. В.М.Молотов телеграфировал И.М.Майскому в Лондон: «Видимо, толку

1939 г.: «Чемберлен неотступно следует своим нечестным путем. Очевидно, он вопреки всему надеется, что Гитлер в конце концов решит двигаться на восток, а не на запад. Вот почему он медлит в отношении заключения соглашения с Россией, что может иметь фатальные последствия как для Франции, так и для Британской империи»³⁶.

Потребность в информации о европейской ситуации «из первых рук» возросла многократно, превратившись для политиков в Вашингтоне в вопрос первостепенной важности. Нетрудно понять, почему выражение готовности посетить ряд европейских столиц и Москву, высказанное профессором Сэмюэлем Харпером, всем показалось очень своевременным. В Госдепартаменте, с которым Харпер сотрудничал еще со времен русской революции 1917 г. в качестве консультанта, увидели в этом еще одну возможность заглянуть за кулисы европейской дипломатической кухни, свежим взглядом оценить события, «просеяв» их через двойное сито – собственную службу анализа и внутреннее око ученого, способность которого к трезвому учету всех обстоятельств «русской ситуации» многократно находила подтверждение. Контакты Харпера с государственными деятелями Советского Союза поощрялись в качестве неформального канала связи.

Формальности заняли немного времени, плотный график пребывания Харпера в Вашингтоне перед отъездом был заполнен до отказа беседами с госсекретарем К.Хэллом, послом СССР в США К.А.Уманским, польским послом.

Харпер прибыл в Лондон 13 апреля 1939 г., затем он самолетом вылетел в Ригу, а оттуда поездом в Москву. Это был шестой визит Харпера в Советский Союз, и он был весьма продолжительным. Харпер посетил Киев, Харьков, Иваново. 5 июля, пробыв в Советском Союзе около двух месяцев, он выехал в Польшу, а оттуда на родину³⁷. 26 июля 1939 г. Харпер закончил свой отчет, направив его в несколько адресов. К тому времени он скорее всего еще не знал о решении английского и французско-

от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя» (СССР в борьбе за мир... С.496).

³⁶ *Library of Congress (далее – LC). H.L.Ickes Papers. Box 162. Ickes to R.Robins. 5 July, 1939. – Примерно в тех же выражениях ситуацию в связи с трехсторонними переговорами оценил и президент Рузвельт в беседе с послом СССР в США К.А.Уманским 27 июня 1939 г. (Советско-американские отношения 1934–1939. С.724–725).*

³⁷ *См.: The Russia I Believe in. The Memoirs of Samuel N.Harper, 1902–1941 / Ed. by Paul V.Harper. Chicago, 1945. P.255–267.*

го правительств принять предложение правительства СССР о посылке в Москву военных миссий для выработки конкретных и действенных соглашений. Это совместное решение двух правительств состоялось 25 июля, но для прибытия миссий Думенка и Дракса³⁸ в Москву понадобилось 17 дней. Таким образом, Германии ничто не мешало осуществить упреждающие контрмеры, пользуясь отсутствием согласованных планов у неагрессивных держав и странной неторопливостью западных военных миссий при осуществлении их поездки в Москву. Кульминацией тупиковой дипломатии было согласие Москвы на приезд Риббентропа и прекращение англо-франко-советских военных консультаций в Москве 22 августа 1939 г.

Посол СССР в США К.А.Уманский (справа) и американский посол в Великобритании Дж. Вайнант. Сентябрь 1941 г.

Вопросы, сформулированные Харпером в конце отчета, показывают, что его автор предвидел неудачу московских консультаций и предупреждал, что они могут закончиться роковым образом для самой «идеи переговоров», сделав тем самым реальным и, может быть, даже оправданным принятие советским руководством альтернативного решения – согласия подписать пакт о ненападении с Германией. Будет преувеличением сказать, что Харпер во всем был прав, но он рисовал картину «с натуры», а потому многие его суждения, особенно в той части, в которой речь шла о возможности появления очень опасной новой конфигурации сил в Европе в результате провала переговоров трех держав, отличались основательностью и

³⁸ Думенк Ж. – генерал, глава французской военной миссии на переговорах военных миссий СССР, Англии, Франции в Москве о заключении военного соглашения 16–22 августа 1939 г.; Дракс П. – адмирал, глава английской военной миссии на тех же переговорах.

глубиной. Напомним еще раз, что публикуемые ниже документы пришли к нам из того времени, когда мало кому удавалось оставаться полностью нейтральным. И в этом тоже нельзя не увидеть признака их исторической достоверности.

После 23 августа 1939 г. все, кто читал записку Харпера в кабинетах Госдепартамента, смогли убедиться, что его крайне неблагоприятный прогноз развития европейского кризиса оправдался. Для высокопоставленных должностных лиц дипломатического ведомства США настало время признать, что одно только предположение о возможном дальнейшем сближении Германии и Советского Союза негативно сказывается на морально-политической обстановке не только в Англии и Франции, но и в Соединенных Штатах. Настроение Рузвельта, по всему было видно, явно ухудшилось, как только европейская драма вступила в фазу, когда дипломатическая и военная инициативы оказались в руках Гитлера и возникла опасность германо-советского союзничества как неформального, так и формального. Легко увидеть прямую связь между суждениями Харпера и памятной запиской от 18 сентября 1939 г. заместителя госсекретаря А.Бёрли (лица, приближенного к президенту), предупреждавшего, что полный альянс между Германией и Россией означал бы господство стран «оси» над всем пространством европейской суши от Ла-Манша и Па-де-Кале до Тихого океана³⁹.

В Белом доме решено было не ждать более сильных стимулов для принятия президентом ряда мер со стороны Соединенных Штатов, которые могли бы удержать Советский Союз от дальнейшего замораживания всех отношений с неагрессивными странами. Так началось балансирование между побуждением (в ряде случаев сильным) к однозначно негативной, подчеркнута враждебной реакции на советскую политику (как внутреннюю, так и внешнюю), с одной стороны, и шагами в сторону поддержания сотрудничества в сферах, где это диктовалось геостратегическими условиями (например, японской агрессией в Азии), потребностями торговли, научно-технической политики и разведывательного мониторинга, – с другой. Только-только выйдя из полувойны с Японией, руководители с советской стороны были, естественно, озабочены тем же самым. И, пожалуй, в не меньшей степени тем, чтобы найти понимание своим действиям после 1 сентября 1939 г. – в

³⁹ *Franklin Delano Roosevelt Library, Hyde Park, N.Y. President's Secretary's File. Department of State File, A.Berle. Berle to FDR. Memorandum of September 18, 1939.*

советско-финском конфликте, по отношению к странам Прибалтики и на западных границах СССР.

Это была задача не из легких, поскольку большая часть прессы США и ведущие сотрудники Госдепартамента трактовали их как прямое возвращение к политике имперской экспансии. Допускались, впрочем, и иные толкования, но они относились скорее к военным прогнозам. Ликвидация буферных государств и вхождение Германии и СССР в непосредственное соприкосновение внушали надежды на их скорое столкновение. Напротив, в пику «доброжелателям» на Западе Сталин явно рассчитывал на длительное англо-франко-германское противоборство и взаимное истощение «империализмов» обоих типов в войне по образцу 1914–1918 г. Скоротечная победоносная кампания вермахта против Польши принесла первое серьезное разочарование кремлевским стратегам. Доводов в пользу продления «мирной передышки» с Германией прибавилось. Именно этим следует, думается, объяснить готовность Сталина подписать в Москве договор о «Дружбе и границах» с Германией 28 сентября 1939 г.

Рузвельт и в этих сложнейших условиях, вдвойне запутанных началом предвыборной кампании за пост президента (третий срок), сохранял присущую ему вариативность мышления, отвергая одномерный взгляд на роль СССР в мировой политике и прогноз превращения СССР в некую подпорку «держав оси». Во время советско-финской войны он публично охарактеризовал Советский Союз «страной диктатуры такой же, как и все остальные диктатуры в мире», но категорически отверг идею разрыва отношений с Москвой и отказался предоставить военную помощь «храброму маленькому народу Финляндии»⁴⁰. Победы Гитлера в Европе весной 1940 г., захват Норвегии и Дании, капитуляция Франции 22 июня 1940 г. сделали теневую дипломатию более востребованной, нежели стратегию представителей нормативного мышления из Госдепартамента, заранее раскрасивших политическую карту Европы в два цвета – светлый и темный, забывших обо всем остальном. Харпер оказался вновь идеальным исполнителем подобного рода деликатных миссий, предполагавших не выработку решений, а выяснение мнений по широкому кругу вопросов мировой политики и передачу нужных сигналов партнеру по переговорам. В июне–июле 1940 г. с ведома Госдепартамента он встречается с советским послом и ведет с ним беседы, из которых ясно, что в его задачу входило:

⁴⁰ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N.Y., 1938–1950. Vol.IX. P.93.*

1. Уведомление советского посла Уманского о фактическом снятии возражений против признания необходимости для Советского Союза создания «восточного вала».
2. Выяснение реальных предпосылок для возвращения к американо-советскому диалогу и практических шагов в экономическом и военно-техническом сотрудничестве.
3. Нахождение взаимоприемлемой временной формулы в отношении присоединения прибалтийских стран к СССР.

Можно ли считать простым совпадением, что сразу же после первой беседы Харпера с Уманским (3 июня 1940 г.) последовали многочисленные (около 2 десятков) встречи советского посла и первого заместителя госсекретаря, личного друга Рузвельта Самнера Уэллеса? Наверное, нет. Последний к тому времени оставил все расчеты на то, что силы оппозиции в Германии заставят Гитлера отказаться от «большой» войны на Западе против Франции и Англии⁴¹. Встречи проходили за плотно закрытыми дверями, в обстановке абсолютной секретности. Итог: возникло то, что называется переговорным процессом, психологическая атмосфера улучшилась. В январе 1941 г. Рузвельт отменил так называемое «моральное эмбарго» на импорт из СССР, введенное после начала советско-финской войны. Советский Союз исчез из фигурирующего в речах президента перечня государств, чьи действия угрожали безопасности народов и США в том числе. Путь к распространению на СССР программы американской помощи (ленд-лиз) был открыт. Весной 1941 г. Уэллес и Уманский общались уже как старые знакомые, что позволило, в частности, 1 марта заместителю госсекретаря передать советскому правительству информацию особой важности о планах Германии «после достижения победы над Англией» напасть на Советский Союз⁴². С.Харпер мог испытывать чувство частично исполненного долга: потепления в отношениях между Белым домом и Кремлем не произошло, но холода стало меньше. По-видимому, это понимали и в Берлине, приглашая Молотова для встречи с Гитлером осенью 1940 г. и делая СССР различные посулы.

Доклад С.Харпера от 26 июля 1939 г. («Шестой визит в Советский Союз») хранится в архиве Роберта Келли – в прошлом видного американского дипломата, долгое время (вплоть до 1938 г.) руководившего

⁴¹ LC. *Raymond Clapper Papers. Box 9. Personal File. Diaries 1940–1942. Discussion with S.Walles at E.Meyer Home, April 22, 1940.*

⁴² *Вестник МИД СССР. 1990. №8 (66). С.71–80.*

Русским отделом Госдепартамента США. Этот архив передан Отделу рукописей библиотеки Джорджтаунского университета (г. Вашингтон)⁴³. Меморандум С.Харпера от 17 июля 1940 г. был отослан его автором в адрес Лоя Гендерсона, сменившего Р.Келли на посту главы Западно-европейского (русского) отдела Госдепартамента, и обнаружен нами в бумагах Гендерсона (папка «Сэмюэл Харпер»), хранящихся в Библиотеке Конгресса США⁴⁴.

* * *

ШЕСТОЙ ВИЗИТ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ⁴⁵

Кому: Уолтеру С. РОДЖЕРСУ,
Институт современных международных отношений,
522, Пятая авеню, Нью-Йорк (штат Нью-Йорк)

От кого: Сэмюэла Н. ХАРПЕРА.
Чикагский университет, 26 июля 1939 года

Настоящий документ является отчетом о моей недавней поездке в Советский Союз. Он включает меморандум, написанный и отосланный мною из Лондона 3 мая 1939 года в предварительном порядке. Главной темой документа, конечно, является Советский Союз, но я позволил себе выразить свою точку зрения и в отношении других стран, в особенности Польши и Англии, а также мировой ситуации в целом в той степени, в какой она может быть соотнесена с главной темой, то есть с вопросом о советизме на двадцать втором году его жизни и в связи с международной напряженностью последних лет. Следует заметить, что в Англии я чувствовал себя вовсе не гостем, поскольку в прошлом работал там преподавателем университета в Ливерпуле. Моя остановка в Польше стала тради-

⁴³ *Georgetown University Library, Washington, D.C. Robert E. Kelly Papers. Box 3. Folder 11a. Samuel Harper. «A Sixth Visit to the Soviet Union». July 26, 1939.*

⁴⁴ *LC. Loy Henderson Papers. Box 1. Folder: Samuel Harper. Harper to Henderson. July 18, 1940 («The Summary of Conversation of Prof. S. Harper and Mr. Oumansky». July 17, 1940).*

⁴⁵ *Georgetown University Library. Robert E. Kelley Papers. Box 3. Folder 11a. Samuel N. Harper. «A Sixth Visit to the Soviet Union», July 26, 1939). Отчет Харпера публикуется в переводе с оригинала с незначительными сокращениями, не имеющими принципиального значения.*

ционной в практике моих путешествий в дореволюционную Россию и в Советский Союз. В этом году мое пребывание в Польше было более продолжительным ввиду особого значения, которое приобретает Польша в контексте современного международного кризиса.

I.

Многие, с кем мне приходилось встречаться в Польше, так же, как и в Англии, затрагивали в беседах широко обсуждаемую «психологию Мажино» и задавались вопросом, остается ли она по-прежнему доминирующей во Франции, как это, по всей вероятности, имело место во время событий в Чехословакии и Испании. Многие опасаются, что Франция в случае войны будет попросту отсиживаться за своей мощной оборонительной линией вместо того, как думают простые поляки, чтобы забросать снарядами германскую «линию Зигфрида» или вести наступательные действия против Италии.

II.

Послания президента Рузвельта Гитлеру и Муссолини от апреля с.г. ставят малые страны под удар, поскольку не существует эффективно действующего блока неагрессивных стран. Возникает вопрос, направил ли Рузвельт свои послания в ожидании того, что под давлением Польши и при инициативной роли Чемберлена без промедления родится эффективная программа под лозунгом «Остановим Гитлера»? Оказалось, однако, что послания президента обернулись к невыгоде малых стран, поскольку они столкнулись с необходимостью униженно заверять Гитлера, что не боятся стать объектом нападения с его стороны (что они и сделали), и подписать с ним пакты о ненападении, несмотря на всем хорошо известный обычай Гитлера не считаться с подобного рода соглашениями, если он почему-либо находит удобным для себя отказаться от них [...]

III.

В ходе моих периодически повторяющихся посещений Советского Союза начиная с 1926 года, из которых последнее было шестым по счету, главной их целью всегда служило выяснение того, как продвигается вперед эксперимент с социализмом. Таким путем я пытаюсь дополнить собственные, формальные по большей части, наблюдения, проводимые в Чикаго, живыми впечатлениями от дискуссий с исследователями других стран и с советскими людьми, представляющими самые разные

социальные прослойки. В этом году такой подход кажется вдвойне целесообразным, ибо вопрос повернулся своей специфической гранью. В последнее время все спрашивали, в какой степени кризис, приведший к чисткам, и методы самих чисток политически и экономически ослабили советскую систему. И поскольку советская военная мощь находится в прямой зависимости от политической обстановки, сложившейся в стране с момента проведения этих мер, и от условий хозяйственной деятельности в рамках новой системы управления, опирающейся на принцип «плановой экономики», ответ на поставленный выше вопрос является одновременно и ответом на другой острейший и злободневный вопрос – о роли, которую Советский Союз способен играть в реализации новой программы коллективной безопасности. Похоже, она предусматривается Англией и Францией в их предложениях Советскому Союзу о заключении чего-то вроде пакта, предложениях, являющихся предметом переговоров между этими странами на протяжении вот уже трех месяцев.

При оценке политической и экономической обстановки в стране в качестве естественно напрашивающейся отправной базы для сравнения я взял ситуацию осени 1936 года, которую застал во время моего предыдущего визита в Советский Союз [...] То, что существовали серьезные причины предполагать неудачу в реализации положений Конституции 1936 года, признается даже теми, кто не принадлежит к числу ее суровых критиков. Достаточно сказать, что в тот самый день, когда верховный законодательный орган Советов одобрил новую конституцию, в Берлине было объявлено о подписании Германией и Японией так называемого «Антикоммунистического пакта» (С.Харпер имел в виду «Антикоминтерновский пакт». – *В.М.*), к которому позднее присоединилась Италия [...] Советские руководители имели основание трактовать этот пакт как декларацию о враждебных действиях против Советского Союза со стороны двух его агрессивных соседей, а также как прикрытие общего совместного похода агрессоров [...]

Военный конфликт был бы еще более серьезным испытанием политической устойчивости советской системы. И многие видят в откровенном стремлении большевиков к миру боязнь оказаться лицом к лицу с той оппозицией, которую могут породить условия военного времени. С другой стороны, позитивный подход советских руководителей к внешней политике независимо от того, насколько сильно он активизирует их вооруженных и агрессивно настроенных оппонентов за рубежом, заставляет предполагать, что большевики не боятся ни политических по-

следствий, ни испытания войной [...] Подводя итог своим впечатлениям от внутреннего положения в стране, нахожу, что оно сейчас лучше, чем я ожидал, – меньше политической напряженности и меньше экономических трудностей. Условия и в самом деле лучше, чем год назад. Другие наблюдатели, которые изучают положение дел на месте, согласились со мной, что советская система внутренне сильна. Хотя никто, конечно, не может сказать, в какой мере она сильна, тем не менее вполне очевидно, что сейчас Советы сильнее, чем год назад [...]

Советская внешняя политика последних лет отличалась, как правило, определенностью. В ходе моих многочисленных бесед с иностранными наблюдателями в Москве, советскими официальными лицами, учеными, изучающими мировую политику, а также простыми людьми я сопоставил полученные впечатления с выводами, которые мною были сделаны на протяжении последних лет о характере внешней политики. Позволю себе суммировать эти выводы в качестве необходимого вступления, предваряющего анализ англо-франко-советских переговоров, ведущихся в последние месяцы.

Внешняя политика Советского Союза в последние годы основывалась на уверенности его руководства в обороноспособности страны. Подчеркивая свое стремление к миру, московские руководители продемонстрировали в ряде случаев и особенно в отношении Японии, что они не боятся войны; они также умножили усилия в деле укрепления обороны в связи с ростом международной напряженности. В то же время Советское правительство постоянно выступало сторонником коллективных мер безопасности, выражая готовность участвовать в любой эффективной программе коллективной безопасности. Москва, если судить по тому, что она говорит, свое отношение к идее коллективной безопасности строит на следующих двух соображениях. На первое место она ставит принцип неделимости мира, а заодно и агрессии, что предполагает создание коллективных гарантий против агрессии. Далее, Москва считает, что именно такая программа окажется результативной в предотвращении агрессии, которая чревата угрозой мировой войны [...]

Оставаясь приверженным принципу неделимости агрессии, Советский Союз не изменяет линии на сохранение взаимовыгодной торговли со всеми странами, но вместе с тем он пошел на сокращение торговли со странами, которые предпринимают агрессивные действия против других, и одновременно продал военное снаряжение правительствам стран, которые оказывали сопротивление агрессии – республиканскому

правительству Испании и националистическому правительству Китая. Стремясь поддержать любые коллективные действия, способные предотвратить войну, Советский Союз вступил в Лигу Наций, когда считал, что эта организация стала превращаться в эффективное оружие сдерживания войны после выхода из нее Германии и Японии. Он также подписал пакты о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, пакты о ненападении (в ряде случаев содержащие определения агрессии) со всеми сопредельными ему государствами за исключением Японии, которая отклонила предложение Советского Союза о заключении такого рода пакта.

Если говорить кратко о других фактах, иллюстрирующих советскую внешнюю политику и в особенности миротворческий характер этой политики, то следует упомянуть о предложениях (вызванных рядом причин, особенно после все новых актов агрессии) провести конференцию стран, противостоящих агрессии. Москва поддержала предложение президента Рузвельта о немедленном созыве большой конференции в нейтральной стране, сделанное в последние дни сентября 1938 года. Идея конференции была выдвинута в противовес встрече, организованной Гитлером в Мюнхене. С другой стороны, Советское правительство пыталось разоблачать лицемерие политики «невмешательства» в Испании, добивалось предания гласности операций «пиратов», действующих в Средиземноморье в интересах Франко, и протестовало против политики, сделавшей бессильной Лигу Наций и полностью игнорировавшей ее в сентябре 1938 года. И хотя Москва не заявила протеста против того, что она не была приглашена в Мюнхен, однако Советский Союз выразил такой протест в связи с полуофициальными заявлениями, сделанными в Лондоне и Париже о том, что Советское правительство участвовало в предварительных консультациях по поводу соглашений, заключенных в Мюнхене.

Однако все названные факты не рассеивают подозрения, которое питают к Советам в определенных кругах, особенно в Англии и во Франции [...] Тем не менее, принимая все сказанное выше о принципах политики большевиков в наши дни, логично предположить, что Москва рассчитывает на доверие и уважение тех стран, которые поддерживают идею коллективной безопасности. Утверждая, что советская система обеспечивает полную защиту прав трудящихся и независимости малых стран, советские лидеры признают: наша демократическая система – они называют ее «буржуазной демократией» – предоставляет больше свобод, чем различные формы фашизма [...] Исходя из этого, Москва

предложила всем демократическим элементам во всех странах наладить сотрудничество для предотвращения агрессии [...] И все же, несмотря на положительный «послужной список» последних лет, большевики еще находятся под подозрением, а они, со своей стороны, отвечают такой же подозрительностью по отношению к правящим группировкам в Англии и Франции, а также в некоторых странах, которые являются их ближайшими соседями [...]

IV.

Высказав общие соображения о советской внешней политике, я перехожу к заключительной части отчета, в которой остановлюсь на переговорах, начавшихся в апреле по инициативе Англии с целью заключения своего рода коллективного соглашения между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом, – с другой.

Не получив приглашения участвовать в сентябре 1938 года в совещании в Мюнхене или, может быть, даже получив «от ворот поворот» и в то же время не обнаружив в мюнхенском соглашении явной антисоветской направленности со стороны Англии и Франции, Советское правительство заявило, что оно будет ждать, когда «умиротворители» извлекут предметные уроки из собственной политики. Если после того, как все окончательно станет ясным, а усилия по созданию эффективной программы коллективной безопасности не будут возобновлены, в этом случае, как они дали понять, политические руководители Москвы будут чувствовать себя свободными в отношении заключения договоренности на индивидуальной основе для обеспечения безопасности своей страны. Но советские лидеры настаивали, так же, как они это делали накануне Мюнхена, на мерах коллективной безопасности, чтобы остановить развитие агрессии и спасти ослабленную структуру мира. Москва выразила свое убеждение в том, что силы, отстаивающие мир, все еще в стратегическом отношении сохраняют превосходство и, будучи эффективно объединены, смогут и дальше удерживать это преимущество [...]

Захват Праги привел Москву к выводу, что уроки Мюнхена усвоены, в силу чего Советское правительство и предложило созвать конференцию для обсуждения вопроса о том, что следует делать перед лицом расширяющейся агрессии. Ответом на это предложение со стороны Лондона было заявление о том, что он считает такую конференцию преждевременной. Вслед за тем Польша в ответ на действия, которые она восприняла как угрожающие для ее независимого экономического существования, приняла определенные оборонительные меры и откло-

нила требования Гитлера. После этих шагов Польши Чемберлен был вынужден предпринять определенные действия. Он сначала предоставил Польше гарантии помощи – в конце марта – и подписал с ней пакт в первую неделю апреля. Но вплоть до 10 июля Чемберлен не снял всех сомнений относительно включения в английские гарантии пункта о нарушении международных соглашений по Данцигу. Эта задержка, возможно, была связана с происходившими революционными изменениями в британской политике, которые проявились в предоставлении гарантий Польше. В то же время эта задержка не рассеяла сомнения в отношении новой линии в политике правительства Чемберлена и в особенности его отказа от политики «умиротворения». В Москве эти сомнения давали себя знать совершенно определенно, о чем также следует сказать. Если в британском парламенте не далее как в середине мая в ответ на очередное заявление Чемберлена кричали: «Новый Мюнхен!», то легко понять, почему в странах Восточной Европы продолжали испытывать эти сомнения, причем в Москве о них говорили со всей откровенностью, с присущей большевикам резкостью.

Предоставление гарантий Польше и другим странам Восточной и Юго-Восточной Европы было жестом в сторону Советского Союза, который заявил, что по истечении известного времени он будет действовать, исходя из понимания собственных интересов. Да, фактически Чемберлен должен был проглотить горькую пилюлю. В речи 13 апреля он не собирался произносить слово «Россия», и ему напомнили о нем с парламентских скамей, а тем временем британские предложения о совместных мерах были уже направлены в Москву. В этот день Чемберлен наконец-то выступил с заявлением, которое Москва в течение двух лет понуждала сделать лидеров западных стран. Он сказал, что идеологические различия, касающиеся разных аспектов внутренней политики, не должны мешать странам, стремящимся укрепить мир, объединить свои усилия во имя достижения этой цели.

Теперь совершенно ясно, что именно Чемберлен настоял на том, чтобы ни одна из сторон, участвующая в переговорах, не делала достоянием гласности пункты предложений и контрпредложений. Москва скрупулезно соблюдала это условие, вплоть до того, что отказалась даже проинформировать общественность через контролируемую ею прессу, что такие переговоры вообще ведутся. Печать же западных стран – так называемая свободная – пыталась информировать своих читателей об изначальных предложениях и полученных в ответ встречных предложениях. Их публичное обсуждение в прессе так называемых

демократических стран, по всей видимости, вынудило правительство Чемберлена более искренне подойти к достижению соглашения с Советами. Но возникает, однако, вопрос, помогают ли всевозможные «предположения» относительно содержания переговоров их трудному продвижению вперед, к плодотворному завершению. В момент, когда я пишу это, они все еще идут; потому я изложу сугубо личный взгляд на возможность их завершения соглашением о пакте, но сделаю это в последнюю очередь после того, как обрисую вкратце их истоки, характер и значение.

V.

Официальное молчание о точном содержании британских предложений и советских контрпредложений было нарушено обеими сторонами примерно 10 мая. В ответ на заявление английского агентства Рейтер, которое рассматривалось как санкционированное официальными кругами, Советское правительство в редакционной статье официоза «Известия» от 11 мая высказало свою позицию, утверждая, что английское заявление дает неверную трактовку положения дел. Этот инцидент по ходу переговоров показывает, что с самого начала между Лондоном и Москвой существовало недоверие или, по крайней мере, определенная подозрительность на почве тех представлений, которые каждый из партнеров принимал за достоверное знание друг о друге.

Хотя полные тексты исходных английских предложений и некоторых ответных предложений не стали достоянием гласности, тем не менее заявления Чемберлена и советского премьер-министра Молотова дают основу для предположений об общем характере отношения сторон в ходе трехмесячных переговоров к обмену контрпредложениями [...] Когда я покидал Москву 5 июня, мои сомнения, касающиеся того, смогут ли переговоры закончиться успешно, были очень сильными, и я откровенно говорил об этом в Москве, а позднее в Варшаве.

Кажется, ясно, что исходные предложения Лондона предусматривали заключение лишь общего соглашения, декларативного по своему характеру [...] Москва, по-видимому, подозревала, что Чемберлен может использовать такое общее и фактически ничего не значащее соглашение, как прикрытие для возврата к политике «умиротворения». Москва интерпретировала также английские предложения как признак сохранившейся тайной надежды, которой, как она считала, все еще живут определенные группировки в Англии и Франции и суть которой состоит в том, что нацистская агрессия вполне еще может быть на-

правлена на Восток «против этих большевиков» [...] Еще одной причиной, вызывающей затруднения в ходе переговоров, является то, что и Англия, и Советский Союз смотрят друг на друга как на страны, нуждающиеся в помощи. Здесь, я считаю, заключена коренная ошибка британского премьер-министра. Он и впрямь думал, что Советский Союз находился в столь паническом состоянии, что сотрудничество с ним можно обеспечить, заплатив очень дешево. По моему мнению, ситуация была совсем иной. Ибо именно Британская империя находится сейчас во многих случаях под угрозой, именно она слабее подготовлена к самообороне и в дополнение ко всему из-за своих обязательств в Восточной и Юго-Восточной Европе нуждается, если не поставлена перед необходимостью, добиваться сотрудничества с Советским Союзом. Я, однако, не видел никаких доказательств того, чтобы Москва пыталась извлечь выгоды из того положения, в котором оказалась Англия вместе со своей союзницей Францией, ослабленной стратегически по причине установления германо-итальянского контроля над Испанией. Если Советский Союз вновь почувствует себя в одиночестве, как это случилось в сентябре 1938 года, и окажется в изоляции, то германо-итало-японский блок получит большую свободу рук против Англии и Франции, а также тех, кому они протезируют [...] Между тем советские руководители часто и недвусмысленно заявляли, что собственные интересы советской системы в настоящий момент были бы надежнее обеспечены при наличии сильной Британской империи, сильной Франции и сильной Польши.

Не навязывая никому себя в союзники, Советский Союз не хочет вступать в какое-либо соглашение, которое, по его мнению, в случае если это произойдет, заранее обречено на провал из-за своей неопределенности. Такое соглашение скорее стимулировало бы агрессию вместо того, чтобы остановить ее, и могло бы поставить СССР на край пропасти. Поэтому-то Москва и настаивала на военном соглашении, немедленно вступающем в силу, между тремя великими державами – Англией, Францией и Советским Союзом, – предусматривающем консультации штабов в качестве неотъемлемой части политического соглашения. Хотел бы напомнить, что до сегодняшнего дня франко-советский пакт о взаимопомощи против агрессии от 1935 года не предполагал проведение формальных консультаций представителей генеральных штабов обеих стран.

Москва настаивает на том, что только предлагаемая ею процедура может дать малым странам уверенность в возможности разработки дей-

ственной программы коллективной безопасности, к которой они могли бы присоединиться после краха усилий по созданию аналогичной программы, которая предлагалась накануне Мюнхена. Такая процедура, по убеждению советского руководства, могла бы воспрепятствовать расширению агрессии без применения силы. Но отдавая себе отчет в том, что использование военной силы может стать необходимым, советское руководство настаивает на выработке условий соглашения, предусматривающих автоматическое применение силы с тем, чтобы оно было эффективным. Принимая во внимание происходящее в Данциге в последние месяцы, Москва полагает, что внутренние подрывные действия так же, как и прямое военное вторжение, могут сделать оправданным автоматическое применение мер против агрессии, предусмотренных соглашением. Именно настойчивые требования Москвы включить этот пункт вместе с указанием на ситуацию вокруг трех прибалтийских государств, граничащих с Советским Союзом на северо-западе и на западе, затормозили переговоры на последней стадии. Возможно, своим заявлением от 10 июля 1939 года по поводу «подрывных методов», используемых нацистами в Данциге, Чемберлен, наконец, признал оправданной настойчивость Москвы относительно включения пункта о непрямой агрессии.

Стремление Чемберлена избежать любого специального упоминания трех прибалтийских государств вновь пробудило подозрения Москвы, которые, по всей видимости, были ослаблены в ходе переговоров. Таким образом, попытка уйти от специального упоминания этих стран означала, что положения проекта соглашения о взаимных гарантиях не были равноправными для всех участников переговоров. Вот почему Москва отказалась принять объяснение, согласно которому эти три небольшие страны не пожелали получить гарантии, поскольку-де другие более крупные государства (речь идет о Польше и Турции. – *В.М.*), приняв такие гарантии, как бы молчаливо признали, что их безопасность находится под угрозой. Если быть еще более точным, следует сказать, что стремление Англии вывести эти три страны за скобки вновь вызывает у Советского Союза подозрения, что, возможно, в некоторых странах на Западе все еще существует надежда на нацистскую агрессию в восточном направлении. А потому нужно держать для удобства открытым этот коридор для прохода к советской границе. Когда же англичане заявили, что если нацистская агрессия будет развиваться в указанном направлении, то они придут на помощь Советскому Союзу сразу же, как только агрессия достигнет советской границы, подозрения Мо-

сквы еще более усилились. Британский ответ подтверждал существование все той же надежды на конфликт между нацистской Германией и Советским Союзом и на снижение давления фашистов на Запад и Юг.

Я уже выражал свой скептицизм относительно возможности подписания англо-франко-советского пакта. Москва не подпишет его, пока он не будет удовлетворять выдвинутому ею условиям. А эти условия выглядят вполне обоснованными, если видеть в таком пакте эффективную программу, способную остановить дальнейшую агрессию. Последние более позитивные заявления о британской политике Чемберлена и Галифакса и о французской политике Даладьё⁴⁶ могут служить признаком более честного подхода к переговорам правительств Англии и Франции, что соответственно способно привести к снижению подозрительности Москвы. Очень важно отметить, что речь Галифакса от 29 июня была полностью опубликована в советской печати, а из речи Чемберлена от 10 июля цитировались большие отрывки. Недавние внешнеполитические демарши Галифакса и Даладьё от имени Англии и Франции могут содействовать выходу из тупика в англо-франко-советских переговорах, которые ведутся с 1 июня. Принимая во внимание отношение Чемберлена и Боннэ к Советскому правительству, от последнего трудно ожидать полного доверия к этим двум политикам. Но Москва все еще верит в полезность программы коллективной безопасности и, с моей точки зрения, будет охотно сотрудничать в осуществлении такой программы, учитывающей ее национальные интересы, но только при условии, что эта программа будет полностью опираться на принцип взаимности и предусматривать положения, дающие возможность ее действительного осуществления.

Каждому, кто следит за англо-франко-советскими переговорами, представляется, что они имеют определенное отношение к Америке, а американская политика, в свою очередь, по всей видимости, испытывает на себе влияние идущих переговоров и в особенности их затяжки. Послания президента, направленные «агрессорам» в апреле, рассматривались некоторыми в Лондоне как попытка с его стороны помочь создать фронт антиагрессивных держав, идея которого, как полагали, содержалась в английских предложениях Советам. Как отмечалось повсюду, эти послания могли бы внести свой вклад в дело безопасности малых стран, что зависит только от условий создания (желательно без промедлений) новой и эффективной программы коллективной безопас-

⁴⁶ Даладьё Э. – председатель Совета министров и министр национальной обороны Франции.

ности. Послания президента были широко опубликованы в советской печати, и все комментарии по их поводу были исключительно доброжелательными. В колхозе на Украине во время завтрака беседа зашла об Америке и было интересно слышать, как молоденькая деревенская девушка высоко отзывалась о Рузвельте в связи с его вкладом в дело укрепления мира.

Возможно, это не более чем предположение, но мне кажется, что отказ Америки осуществить в позитивном духе путем изменения законодательства о нейтралитете ту внешнеполитическую концепцию, которая как будто бы была сформулирована в апрельских посланиях Рузвельта, заставил советских участников переговоров занять более осторожную позицию в деле подписания заключительного пакта вместе с Англией и Францией. Вполне возможно также, что, как я себе представляю, затяжка переговоров с Советами повлияла на усиление изоляционистских тенденций в Америке, особенно когда стало очевидным, что Чемберлен не торопится подписывать с Советами такое соглашение, которое могло бы иметь реальное значение. Поэтому в конечном итоге Советский Союз и Америка испытывают в определенной мере одинаковые сомнения по поводу того, искренне ли ведут дело Чемберлен и Боннэ. Советский Союз может опасаться подписать такое соглашение с Англией или Францией, которое не предусматривает ни материальной, ни даже моральной поддержки со стороны Америки. В свою очередь, ни США, ни Франция не могут рассчитывать придать своим программам коллективной безопасности достаточный вес без привлечения Советов.

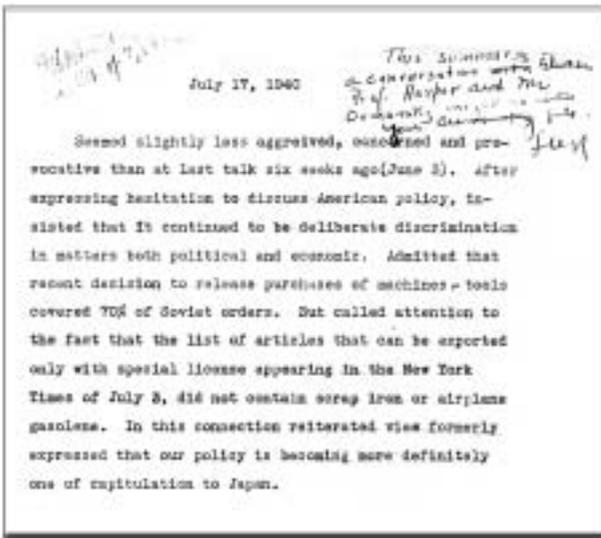
Человек, настроенный крайне пораженчески, возможно, стал бы утверждать, что эффективное сотрудничество Англии, Франции, Америки и Советского Союза совершенно невозможно. Если это так, то союз агрессоров, который был создан Гитлером, может беспрепятственно осуществлять свои замыслы, как это уже было в прошлом. В марте и апреле позиция, занятая Польшей, английские и французские гарантии, англо-французские предложения Советам и, наконец, послания Рузвельта государствам-агрессорам, кажется, заставили Гитлера сделать паузу. В речи от 28 апреля Гитлер, оставаясь, по сути, как всегда таким же злобным, выглядел, однако, уже не столь провокационным, как это стало привычным, если судить по тону и набору слов. Однако с середины июня провокационный и даже агрессивный характер его речей проявился снова – по вопросу о Данциге, Тяньцзине, по вопросу о границе Внешней Монголии. Не станет ли затяжка переговоров в Лондоне и Москве предпосылкой поражения самой идеи переговоров, поощряя

агрессоров, вместо того, чтобы служить средством сдерживания? Следующая неделя может дать ответ на этот вопрос, который, как я убедился, волновал многих, когда я уезжал из Европы в конце июня.

* * *

МЕМОРАНДУМ С.ХАРПЕРА ОТ 17 ИЮЛЯ 1940 г.

Уманский, выглядевший чуть менее взволнованным, сумрачным и задиристым, чем во время последней беседы шесть недель назад (3 июня), приступив к обсуждению американской политики, после некоторых колебаний принялся утверждать, что она продолжает быть преднамеренно дискриминационной как в экономической, так и в политической области. Он признал, однако, что недавнее решение правительства США разрешить закупки изделий машиностроения покрывает 70% советских заказов. Но одновременно привлек внимание к тому факту, что в списке товаров, которые разрешены к экспорту по специальным лицензиям, опубликованном в газете «Нью-Йорк таймс» 3 июля, не упомянуты металлолом и авиационный бензин. В связи с этим Уманский высказался в том духе, что наша политика становится все более капитулянтской по отношению к Японии.

Первая страница меморандума.

На него, по-видимому, не произвели впечатления предъявленные аргументы, такие, например, как статьи в «Таймс», напечатанные неделю назад, в которых говорилось, что американское общественное мнение становится менее антисоветски настроенным. Тем не менее Уманский признал, что упомянутые статьи показывают более трезвое восприятие советской внешней политики, заметив вместе с тем, что в кратком изложении статей есть ряд упущений, а также несколько двусмысленных фраз и противоречия⁴⁷.

Выражая как всегда с осторожностью свои взгляды на американскую официальную политику, Уманский вновь коснулся заявлений генерала Маршалла в отношении советских островов, расположенных вблизи Аляски⁴⁸. Он полагает, что подобные утверждения не делаются без

⁴⁷ С.Харпер отнюдь не лукавил, когда говорил, что позиция ведущих американских органов массовой информации к лету 1940 г. заметно смягчилась по отношению к Советскому Союзу в расчете использовать все шансы для увеличения наметившегося разрыва между Москвой и Берлином. Одним своим существованием, как полагала необычайно популярная журналистка Дороти Томпсон (супруга писателя Синклера Льюиса), Советский Союз ставил преграды распространению германской экспансии, позволяя антинацистским силам выиграть время. 10 июля 1940 г. она направила военному министру Г.Стимсону письмо, в котором настаивала на налаживании мостов между Америкой и Советским Союзом. «Совершенно очевидно, – писала она, – что СССР подписал пакт о ненападении с Германией с тем, чтобы обеспечить свою безопасность. Мы должны опасаться не пакта, а того, что Германия, покончив с остальной Европой, повернет на Россию и нацифицирует ее, включив Россию целиком в контролируемое ею пространство... Если это произойдет в сочетании с крушением Британской империи, мы сможем навсегда распрощаться с миром, в котором живем». Письмо венчал публицистический перл: в случае осуществления плана сближения с СССР в неизбежной войне с Германией «русская кровь прольется за интересы Американской Демократии...» (Yale University Library. H.Stimson Papers, July 10, 1940). Кампания «протянутой руки» в американской печати имела, по-видимому, срежиссированный характер, о чем фактически открытым текстом в июне 1940 г. послу США в Советском Союзе Л.Штейнгардту писал редактор популярного журнала «Ньюсуик» по иностранному отделу Джозеф Филип (L.C. L.A.Steinhardt Papers. Box 30. Joseph B.Phillipes to Steinhardt. June 20, 1940).

⁴⁸ Сегодня восстановить суть заявлений Маршалла о советских островах вблизи Аляски представляется затруднительным. Вероятнее всего, речь шла об опасностях японского вторжения на эти острова и степени их защищенности. США испытывали беспокойство относительно возможного появления японцев в этом районе и, как следствие этого,

санкции Верховного главнокомандующего (т.е. президента. – В.М.). Уманский задал мне вопрос касательно того, как я могу объяснить последнее решение о замораживании активов прибалтийских стран (в банках США. – В.М.). Он считает очень неубедительной газетную трактовку, гласящую, что эти действия были вызваны германскими попытками использовать государства Прибалтики в качестве канала, чтобы присвоить активы других стран, захваченных Германией. Уманский сказал, что Москва придает самое серьезное значение этим действиям⁴⁹.

В этот самый момент я высказал мнение о том, что американская печать не подвергала нападкам последние советские действия в Бессарабии и даже раньше в прибалтийских государствах. Я напомнил, что эти последние действия в свете новой ситуации не рассматривались в качестве проявления «советской агрессии». Он согласился с моей трактовкой этих действий как меры, направленной против всех вторжений извне и продиктованной исключительно соображениями безопасности. При этом Уманский специально добавил, что всякий, кто вторгнется в акваторию Черного моря, встретит советский отпор.

В ответ на высказанное мною соображение касательно того, что американское общественное мнение, вероятно, несколько снизило свой антисоветский настрой в надежде, что советские действия в Бессарабии представляют собой первый шаг к оказанию отпора Германии, он ответил, что отношение американцев к Советскому Союзу и, в особенности, официальная политика США в этом же вопросе должны проистекать из

возникновения непосредственной угрозы Аляске.

⁴⁹ Секвестр, наложенный правительством США на активы прибалтийских стран, действительно выглядел как демонстрация несогласия Вашингтона с фактическим инкорпорированием этих стран в состав СССР. Позднее американцы попытались снять это впечатление. Так, посол США Л.Штейнгардт в Москве в беседе с В.М.Молотовым 26 сентября 1940 г. прямо заявил, что действия его правительства не могут трактоваться как политический акт, поскольку являются чисто коммерческой процедурой (Архив внешней политики РФ. Ф.48з. Оп.24 б. П.8. Д.3. Л.113). До конца войны Рузвельт не определил окончательно, какой линии США следует придерживаться в отношении прибалтийских стран и некоторых других территорий, входивших до 1917 г. в состав России. И тем не менее все эти дипломатические маневры, порой скрытые (или явно с расчетом на публику), были частью продуманной стратегии, как пишет видный американский историк Джон Гэддис, нацеленной «на проведение фундаментального различия между поведением Советского Союза и поведением Германии и Японии» (Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History*. N.Y.; Toronto. 1978. P.139).

сути советско-американских отношений, а не из советской политики по отношению к какой-либо третьей стране.

Уманский констатировал со всей определенностью, что Москва имеет все доказательства того, что Турция была полноправным и абсолютно сознающим последствия своих действий партнером в англо-французском проекте по организации удара по Бакинским нефтепромыслам в феврале этого года. Он утверждал, что это было политикой не какой-то отдельной группы, а в целом британского правительства, как это было недавно признано Батлером⁵⁰ в парламенте Англии. Сделав намек на то, что и Америка оказалась вовлеченной в это дело посредством предоставления полученной от американских специалистов информации о воспламеняемости нефти на промыслах Кавказа. В этом пункте разговора я в свою очередь упомянул об обнаруженных мною в последних советских газетах сообщениях о том, что американские представители в странах Балтии имеют какое-то отношение к деятельности некоторых групп в этих странах, каковая является нарушением условий пакта о ненападении между этими странами и Советским Союзом. Уманский уверял, что ничего не знает о том, что такие заявления были сделаны в советской печати, я же в тот момент не смог уточнить, о какой газете среди тех, с содержанием которых меня знакомили, могла идти речь.

Мы обменялись мнением об освещении ситуации в странах Балтии в газетах (Дональд Дей). Читая их, я не обнаружил ничего похожего на сообщения Дональда Дея о столкновениях в воздухе между немецкими и советскими самолетами, которыми якобы было озаменовано возникновение новой ситуации, причем со стороны Уманского не было особого желания обсуждать то, что произошло в трех прибалтийских государствах. С тем, чтобы начать такое обсуждение, я задал вопрос о том, как он может оценить роль Вышинского. В ответ Уманский сказал, что он был послан туда в качестве «специального комиссара».

Судя по всему, Уманский не имел ни малейшего представления о том, чем увенчались усилия С.Криппса⁵¹, хотя им было сказано, что

⁵⁰ Батлер Р.А. – влиятельный член консервативной партии, парламентский заместитель министра иностранных дел Англии, с конца 1939 г. постоянный партнер советского посла И.М.Майского по секретным переговорам в Лондоне.

⁵¹ Имеются в виду старания английского посла в Москве Стаффорда Криппса, который 1 июля 1940 г. добился встречи со Сталиным. В ходе трехчасовой беседы посол вручил советскому лидеру послание Черчилля с пожеланием о восстановлении прежних связей

отношения между Москвой и Лондоном улучшились и что можно ожидать прогресса в переговорах о торговом договоре.

Помня о том, что в начале июня у меня сложилось впечатление о желании Москвы поддержать любые мирные инициативы Муссолини и даже Гитлера, я попросил Уманского высказаться по поводу получивших освещение в печати шагов в поддержку мира. В связи с распространенной информацией, полученной из весьма солидного источника и касающейся якобы выраженного Гитлером нежелания видеть крушение Британской империи или даже ослабление ее флота по той причине, что он хотел бы использовать их в деле реконструкции европейского континента, я получил разъяснение в том смысле, что борьба будет продолжаться и что Англия демонстрирует большую мощь. Я расцениваю эту позицию как показатель очевидной перемены в советской политике, случившейся после капитуляции Франции. Я выразил убеждение, что советская политика сосредоточения всех усилий на разжигание конфликта была последовательной и потому искренней. Я высказал предположение, что с крахом Франции московская политика может стать именно такой, какой многие ожидали и которой она в сущности всегда была, а именно – провоцирующей конфликт между соперничающими «империализмами» с целью ослабления их обоих. На это не последовало никакого ответа, но косвенно я получил четкое впечатление, что Москва с удовлетворением относится к факту британского сопротивления и рассчитывает на то, что оно будет упорным и длительным.

Уманский попросил меня высказаться о внутренней ситуации в США. Я выразил мнение, что будет немного различий между платформами обеих ведущих партий по вопросам внешней политики, но что такие различия могут проявиться в ходе избирательной кампании (речь шла о выборах президента осенью 1940 г. – *В.М.*) на почве конфликта вокруг реформ «нового курса» или в связи с событиями международного характера, затрагивающими наши интересы. В тот момент у меня под рукой, естественно, не было демократической платформы по вопросам внешней политики.

Уманский вновь затронул тему, возникшую во время нашей беседы в июне. Тогда речь зашла о существующей здесь в Америке тенденции отождествлять сталинизм и гитлеризм и говорить о «нацистско-коммунистическом» альянсе. В связи с этим посол повторил сказанное

между двумя странами (Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 394–400; Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1984).

им в июне: идеологически фашизм и коммунизм не имеют ничего общего, попытки ставить между ними знак равенства предпринимаются здесь в Америке исключительно для внутреннего потребления. (Как я понимаю, Комитет Уильяма Аллена Уайта⁵² внес поправки в издаваемую им литературу таким образом, что в ней уже нет утверждений о заговоре Сталин–Гитлер, и все потому, что продолжение этой линии не пошло бы на пользу союзникам.)

Во время обсуждения вопроса о Бессарабии Уманский заметил, что комментаторы все еще принимают всерьез сообщения о том, что якобы Москва потребовала для себя военно-морскую базу в Констанце и участия в международном контроле за режимом Дарданелл, в то время как обе эти версии не имеют под собой основания и официально были опровергнуты.

P.S. При обсуждении последних шагов Советов в Бессарабии я высказал убеждение, что хронология событий как будто бы говорит за то, что новый режим и политическая ориентация Румынии обрели определенный характер накануне советских акций и в сущности привели к этим акциям. Уманский сказал, что нет никакой связи между советскими действиями и внутренним развитием в Румынии⁵³.

(Перевод документов сделан автором статьи)

⁵² Уайт У.А. – влиятельный член республиканской партии, редактор «Эмпория газет» (Канзас). Один из основателей Беспартийного комитета в защиту мира посредством отмены закона о нейтралитете.

⁵³ LC. Loy Henderson Papers. Box 1. Folder: Samuel N. Harper. Harper to Henderson. July 18, 1940. («Summary of Conversation of Prof. S. Harper and Mr. Oumansky. July 17, 1940»).

Владимир Печатнов

**ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ:
ПОВЕРЖЕННАЯ
ГЕРМАНИЯ
ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

What the World War II and the Great Patriotic War was about? Who was its main instigator and the source of danger? Which side was the truth on? These questions, which seemed to have been resolved once and for all, are being raised again by journalists, historians and politicians who try to replace labels of good and evil from some countries to other. That is why it may be instructive to go back to how the essence of this great struggle was perceived by its immediate participants in 1945. The most convincing evidence of Western allies' true feelings by the end of the war are American intelligence and diplomatic reports on a situation in a liberated Germany, discovered by the author in the U.S. National Archives. Of special interest are reports of summer 1945 interrogation of the top Nazi leaders which American high command never shared with its Soviet ally.

Время беспощадно. Оно стирает память даже о самых великих событиях, позволяя исказить их подлинный смысл и значение, которые были очевидны для современников. Яркий тому пример – растущая волна «ревизионизма» в отношении Второй мировой войны на фоне шестидесятилетия Великой Победы над фашизмом. Речь идет уже не только о естественных различиях в восприятии этой войны разными народами, победителями и побежденными в ней или о неизбежном переосмыслении любого исторического опыта, но о самой ее сути. О чем была эта война? Кто был ее главным зачинщиком и источником угрозы? На чьей стороне была правда? Эти, казалось бы, давно решенные вопросы сегодня вновь поднимаются журналистами, историками и даже политиками, пытающимися перевесить ярлыки добра и зла с одних стран и народов на другие. Поэтому особенно поучительно вновь обратиться к тому, в чем видели смысл этой великой борьбы ее непосредственные участники.

«Война была революцией против моральных основ цивилизации, – писал журнал "Тайм" через несколько дней после капитуляции Германии, отражая тогдашнее убеждение всех Объединенных наций. – Она была задумана нацистами в духе сознательного презрения к человеческой жизни, достоинству и свободе и велась методами порабощения и массового уничтожения гражданского населения. Это была революция против самой души человека»¹. Для современников не было сомнений и в том, кто внес наибольший вклад в победу над этим адским злом. «Заслуга русских на вечные времена состоит в том, что они с готовностью заплатили за это гораздо большей кровью, чем любой другой народ, – продолжал "Тайм". – Для народа, который после столетий угнетения в отличие от западного мира еще не успел испытать и даже осознать благ цивилизации, это явилось особенно великим вкладом».

Еще более убедительным историческим свидетельством подлинных настроений союзников могут служить внутренние документы американской разведки и дипломатии, запечатлевшие тот неповторимый психологический настрой победного 1945 года, с которым американцы вступали на территорию Германии, и их свежие впечатления от увиденного на дымящихся развалинах «третьего рейха». Но сначала – немного о том, как США готовились к вступлению в Германию.

¹ *The First Victory // Time. May 1945.*

Обложка журнала «Тайм» 1945 г.

НА ПУТИ К БЕРЛИНУ

Разведка США тщательно отслеживала поведение и настроение фашистской верхушки на заключительном этапе войны. Вот как выглядела эта картина в директиве штаба Д.Эйзенхауэра от 11 января 1945 г.

«Надежды на политическую победу».

Заметные расхождения в политике Великобритании, США и СССР, особенно по Польше и Греции, вновь усилили надежды (немецкой верхушки. – В.П.) на достижение компромиссного мира с Западом или Востоком. Даже союз-

ный отпор этим мирным проискам не устранил этой надежды, поскольку главари рассчитывают на дальнейшее изменение политической ситуации в свою пользу. Главная цель зимнего наступления немцев на Западе – убедить западные державы в том, что их продвижение в Германию невозможно или слишком дорого им обойдется. Надеясь на сепаратный мир, немецкие главари, видимо, обманываются относительно степени усталости западных держав от войны и верят своей пропаганде о слабости Антанты в 1918 г., когда Германия капитулировала. Но они вряд ли предадутся похожим иллюзиям насчет возможностей русских.

Трудно сказать, предпочитают ли они сепаратный мир с Россией миру с Западом, но так или иначе они уверены, что Герма-

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

ния примет любое подобное предложение. Поэтому главное в их нынешней политике – это, во-первых, продолжать сражаться, чтобы сохранить свою позицию для торга, а во-вторых, сеять максимальный раздор между тремя главными союзниками в надежде на лучшее.

Второй эшелон руководства. Все вышесказанное относится к узкому кругу фанатичных и окончательно скомпрометированных лидеров нацистской партии и СС, управляющих страной и остальной верхушкой. В каком-то смысле рациональные мотивы этих фанатиков не имеют особого значения, поскольку в любом случае они, скорее всего, будут сражаться до конца для сохранения своего положения. Но было бы опрометчивым считать, что эта их решимость лишена каких-либо рациональных оснований.

Взгляды остального руководства, особенно сухопутных сил и промышленности, также имеют определенное значение. Эти круги, оценивая события 1944 года, вряд ли полностью разделяют вышеописанные утешительные доводы. Гораздо больше, чем партийных лидеров, их тревожат долгосрочные опасности, такие как разрушение системы поставок горячего, потеря источников сырья, истощение людских ресурсов и изнуренность рабочей силы. Как и главные лидеры, они видят единственную надежду на избежание разгрома в расколе союзников и сепаратном мире, но в отличие от них они не считают, что у Германии для этого много времени, поскольку понимают, что ее падение скоро станет неизбежным из-за элементарной неспособности продолжать войну ... Они, должно быть, сознают, что позиции Германии для торга с союзниками сейчас гораздо слабее, чем раньше, ввиду продвижения союзников во Франции, а также бегства или разгрома Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии. Альтернативами для этих кругов все больше становится сражаться до конца или бежать за границу в поисках безопасного прибежища»².

² *Political Warfare Directive (Week beginning 11 January, 1945) // National Archives (далее – NA). Record Group (далее – RG) 59. Decimal Files (далее – DF). 740.0011 EW/ 1–1745.*

В администрации Ф.Рузвельта не было согласия по вопросу о том, как следует обращаться с Германией после ее неминуемого разгрома. Сторонникам «карфагенского мира» для агрессора – министру финансов Г.Моргентау, вице-президенту Г.Уоллесу и другим – противостояли планировщики Госдепартамента, военный министр Г.Стимсон и его окружение, выступавшие за скорейшую реабилитацию Германии как необходимое условие восстановления жизнеспособной Европы. Сам президент был убежденным противником нацизма, стоявшим за его полное и окончательное искоренение. Для этого, по мнению Рузвельта, было необходимо коренное перевоспитание всего немецкого народа, который он считал ответственным за распространение фашизма и трагедию двух мировых войн. Это отношение пронизывает малоизвестный рузвельтовский документ – его пометки к подготовленной в военном министерстве брошюре с инструкциями об обращении с немецким населением после окончания военных действий в Европе.

«Она (брошюра. – В.П.) создает у меня впечатление, – писал президент в меморандуме для Стимсона, – что Германия должна быть восстановлена по образцу Бельгии или Голландии, а ее народ как можно скорее возвращен к своему довоенному положению.

Между тем, крайне важно, чтобы каждый человек в Германии осознал, что его страна потерпела поражение. Я не хочу, чтобы они умирали от голода, и если, например, им не хватает пропитания для поддержания жизни, пусть их кормят три раза в день армейские полевые кухни. Это сохранит им здоровье и запомнится на всю жизнь. Но тот факт, что они потерпели поражение как нация и каждый в отдельности, должен настолько проникнуть в их сознание, чтобы они сто раз подумали, прежде чем начинать новую войну».

Приведя соответствующие примеры из этой брошюры, Рузвельт заключил свой меморандум следующими словами:

«И у нас, и в Лондоне есть точка зрения о том, что в Германии по сути надо сделать то, что наше правительство сделало для своих граждан в 1933 году, когда они оказались в бедственном положении. Но я не вижу причин, чтобы создавать в

Германии Администрацию общественных работ или Корпус сохранения природных ресурсов, когда мы войдем туда с оккупационной армией. Слишком многие у нас и в Англии считают, что за все происшедшее несет ответственность лишь кучка нацистских лидеров, а не немецкий народ в целом. Факты, к сожалению, говорят о другом. Вся нация участвовала в незаконном заговоре против приличий современной цивилизации, и это должно быть усвоено всем немецким народом»³.

Тезис о коллективной ответственности немцев за преступления фашизма и необходимости его полного уничтожения оставался основой американской пропаганды и после смерти Рузвельта. Вот выдержки из секретной директивы военного командования США по ведению психологической войны на территории Германии в последнюю неделю апреля 1945 года.

«Язык и фразировка всех репортажей и комментариев должны последовательно и однозначно работать на долгосрочные темы, невзирая на чувства и комплексы слушателей – ответственность немцев за развязывание войны, их жестокость и преступления; военный разгром Германии, немецкая бесчестность, и т.п.

Концентрационные лагеря. Продолжать подробно освещать фактическую сторону дела. Имеется все больше доказательств подобных действий немцев, которые являются преступлением по законам любого цивилизованного государства. Поскольку они являются преступлениями против человечности, они касаются и нас, поэтому мы должны рассматривать их как таковые и привлекать прямых виновников к суду. Моральная ответственность за эти преступления должна быть возложена целиком и полностью на германскую нацию. Их нельзя оправдать особенностями нацистского режима, который активно или пассивно поддерживало подавляющее большинство немцев. Эти зверства были бы невозможны, если бы раздавались голоса протеста или пассивные сторонники режима стали бы его пассивными противниками.

³ *Memorandum for the Secretary of War. August 26, 1944 // Franklin D. Roosevelt Library. O.Cox Papers. Diary.*

Но немцы, как это им было свойственно всегда, променяли врожденное право свободы воли на мираж национальной славы через военную мощь; они с готовностью приняли государство (представленное в данном случае шайкой аморальных типов) в качестве арбитра добра и зла, заменив им свою совесть. Теперь они пойманы с поличным. Показ жертв национал-социализма должен объяснить немцам, почему оккупационные армии обращаются с ними в настоящее время как с изгоями международного сообщества. Они также должны понять, что их отречение от своих гражданских обязанностей, которое сделало возможным все эти ужасы, позволило в то же время создать машину агрессии и напасть на окружавшие их мирные народы»⁴.

Американские военнослужащие показывают немцам жертвы концлагеря.

⁴ *Political Warfare Directive (Week beginning 26 April, 1945) // NA. RG 59. DF. 740.0011 EW/ 5-245.*

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

В том же духе «жесткого перевоспитания» немецкого населения были выдержаны и директивы Объединенного комитета начальников штабов США (ОКНШ № 1067) Д.Эйзенхауэру, подписанные Г.Трумэном 10 мая 1945 г. В этом документе определялись основные цели и методы оккупационной политики США.

«Германия, – говорилось в нем, – будет оккупирована не для освобождения, а как разгромленное вражеское государство. Ваша задача – не подавление, а оккупация Германии с целью достижения определенных целей союзников. При ее осуществлении и управлении Германией Вы должны быть справедливы, но сохранять твердость и дистанцированность. Вам надлежит всячески препятствовать братанию с немецким населением и должностными лицами.

Главная цель союзников – навсегда предотвратить новое превращение Германии в угрозу миру. Средствами достижения этой цели являются уничтожение нацизма и милитаризма в любых их формах, немедленное задержание и наказание военных преступников, промышленное разоружение и демилитаризация Германии с сохранением контроля над ее способностью к ведению войны и подготовка к постепенной перестройке германской политической жизни на демократической основе»⁵.

ЧТО УВИДЕЛИ АМЕРИКАНЦЫ

Из доклада политической разведки штаба Д.Эйзенхауэра от 11 апреля 1945 г.

«Настроения гражданского населения. Общее настроение населения отмечено покорностью и апатией. Военная администрация (США. – В.П.) встречает очень слабое сопротивление; быстрое и строгое наказание провинившихся военными судами произвело большое впечатление. Самые пострадавшие от военных действий города, вроде Кельна, часто настроены наиболее дружелюбно

⁵ *Foreign Relations of the United States, 1945, vol. 3, European Advisory Commission, Austria, Germany. Wash., 1967, p. 484.*

но. Судя по нынешней обстановке, практически исключено, что германское население создаст для нас в ближайшем будущем сколь-нибудь серьезные проблемы безопасности⁶. В указаниях для военной пропаганды также отмечался «ничтожный» характер спорадического сопротивления со стороны пресловутых «оборотней» («вейервольфов») и предписывалось не упоминать о них в радиопередачах⁷. На этом фоне явной передержкой (как отмечается и американскими историками) выглядят сегодня попытки Белого дома провести прямую аналогию между обстановкой в послевоенной Германии и сопротивлением оккупационным войскам США в Ираке⁸.

Из отчета лейтенанта Д.Лернера о поездке
по оккупированной территории Германии
от 18 апреля 1945 г.,
политическая разведка штаба Эйзенхауэра.

«Моральный дух и поведение немцев. Материальное положение даже самых простых немцев далеко не критическое ... В большинстве своем они выглядят вполне здоровыми, довольно прилично одетыми и часто с портфелем под мышкой, как будто спешат на заседание правления ... Самой поразительной чертой немцев является их явное стремление установить контакт с американцами и показать, насколько им это приятно. Практически при каждом случае, когда мы окликали прохожего немца с каким-то вопросом, он бегом бросался к нам навстречу, часто – со шляпой в руке, повторяя «данке шен» и «битте шен» ... Что касается немецких женщин, то они так отчаянно флиртуют с американскими солдатами, что поведение наших войск в этих условиях кажется почти героическим».

«Уход от ответственности. Немцам, похоже, и в голову не приходит, что можно было отказаться от соучастия в нацистских делах и пойти на связанные с этим отказом жертвы. До-

⁶ Murphy to the Department of State. 11 April, 1945 (Political Intelligence Report by Joint Intelligence Committee, SHAEF). –NA, RG 59, DF, 740.0011 EW/ 4–1945.

⁷ Political Warfare Directive (Week beginning 26 April, 1945).

⁸ См.: Washington Post. 2003. August 29.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

вод о том, что у них не было иного выхода, во многом объясняет полное отсутствие искреннего осознания поражения и его последствий у большинства немцев. Почти все они ожидают, что союзники помогут накормить и восстановить Германию, что никто, кроме кучки партийных вождей, не пострадает и не должен пострадать. Эта тенденция сделать партию козлом отпущения за все содеянное зло есть что-то вроде куска мяса, брошенного в пасть оккупационному льву».

«Немецкий подход. На уровне идеологии наблюдается явное стремление убедить американцев в следующем: а) немцы никогда не имели и не имеют ничего против США; б) они вообще не могут понять, почему США объявили войну Германии; в) настоящий враг Америки – это Россия, а поскольку «большевизм» является врагом всей западной цивилизации, то США и Англия должны будут неизбежно объединиться с Германией в священной войне против России и единственный вопрос состоит в том, когда союзники, наконец, проснутся и осознают эту элементарную истину»⁹.

Такую же оценку преобладающих настроений в стане недавнего противника давал и Объединенный разведывательный комитет экспедиционных сил США в Европе.

«Среди более образованных слоев населения явно ощущается злорадство в связи с трудностями в отношениях между западными союзниками и русскими. Ясно, что они сделают все возможное, чтобы отравить эти отношения и противопоставить союзников друг другу ... Немцы выработали привычку закрывать глаза даже на то, что происходило на соседней улице. Многие делают вид, что никогда не слышали о концентрационных лагерях и зверствах СС за рубежом и говорят, что не несут никакой ответственности за эти дела. На их взгляд,

⁹ *Murphy to Secretary of State. April 24, 1945. – NA. RG 59. DF. 740.0011 EW/ 4–2445.*

единственное преступление, которое совершила Германия, – это поражение в войне»¹⁰.

Еще более разительный «уход от ответственности» констатировали у своих соотечественников немецкие коммунисты в контактах с советскими товарищами. Так, в июне 1945 г. руководители компартии страны А.Аккерман и В.Ульбрихт рассказывали в ЦК ВКП (б):

«Выявилось прежде всего то, что немцам очень трудно понимать свою долю ответственности за те преступления, которые совершили гитлеровцы. Куда ни пойдешь и с кем ни поговоришь, всюду указывают на террор, все утверждают, что они были противниками гитлеровского режима. Это доходит до того, что получается картина, как будто до 90% населения всегда оставалось противниками гитлеровского режима. И не только это. Очень многие даже называли себя коммунистами. Я бы сказал, что если посмотришь на собраниях, то видишь, как много там коммунистов. Оказывается, что в Советском Союзе меньше большевиков, чем было в гитлеровской Германии. Но это нечестное заявление. Это приспособленчество, а не настоявшее настроение народа»¹¹.

«ВОЙНА С РОССИЕЙ БЫЛА РОКОВОЙ ОШИБКОЙ...»

Летом того же 1945 года разведка США затеяла массированную операцию по де-брифингу гитлеровской верхушки, предпочитавшей, как известно, сдаваться англо-американцам. Материалы этих секретных допросов никогда не передавались советскому союзнику и ныне хранятся в американских архивах¹². Они интересны как первые признания гит-

¹⁰ *Caffery to Secretary of State. May 1, 1945 // Ibid. 740.0011 EW/ 5–145; Political Intelligence Report by Joint Intelligence Committee. 30 April, 1945 // NA. RG 165. ABC 381 Germany (29 Jan 43). Sec. 1-B.*

¹¹ *Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.128. Д.750. Л.166.*

¹² *Joint Intelligence Committee. Political Intelligence Report. April 30, 1945 // NA. RG 59. DF. 740.0011 EW/ 5–545; July 16, 1945 // Ibid. 7–1645.*

леровских вождей, сделанные по горячим следам великих событий – еще до Нюрнберга и будущих мемуаров тех, кто его переживет. Хотя запасливых американцев интересовало многое, именитые пленники были одержимы одним – мыслями о только что проигранной войне и своем главном враге – России. Была ли война с ней неизбежной? Можно ли было ее выиграть? Кто виноват в крахе «третьего рейха»?

Иоахим фон Риббентроп, министр иностранных дел: «Отвечая на вопрос, почему Германия вторглась в Россию, Риббентроп назвал это "величайшей ошибкой в истории", добавив, что вторжение шло вразрез с основами его внешней политики. Ему до сих пор не вполне ясно, когда именно и почему фюрер решил на это. В его решении присутствовали разные мотивы – идеология, влияние партии и армии. Оно также провоцировалось отдельными инцидентами как, например, сообщением о сосредоточении 21–22 русских дивизий у границы Восточной Пруссии. Советская торговая делегация проявляла больший интерес к наступательным, нежели оборонительным вооружениям. Военных также беспокоил тот факт, что Россия уже наладила производство более совершенного оружия того же назначения. Старые члены партии ворчали по поводу сближения с Россией, которое-де противоречило "основным принципам". Риббентропу, по его словам, скоро порядком осточертело само это слово "grundsactze". Армия, конечно, боялась, что Россия становилась все сильнее и опаснее и могла в конце концов сама напасть на Германию, если бы та ослабла в ходе долгой войны. Одним из инцидентов, рассердивших фюрера, было "ультимативное объявление" Россией об оккупации ею Бессарабии в тот самый момент, когда фюрер в Компьене ожидал французской капитуляции, плюс тот факт, что эта оккупация распространялась и на Буковину, где было значительное немецкое население.

Разумеется, добавил Риббентроп, соглашения Германии с Россией включали "обычные договоренности о сферах влияния" ... Россия, сказал он, несомненно, вынашивала планы распространения своего влияния на Балканах, и армия опасалась, что, если война на Западе затянется и Германии потребуются большая поддержка со стороны России, ее можно будет получить

только ценой распространения русского контроля на районы, необходимые для безопасности самой Германии. Гитлер, по словам Риббентропа, никогда не менял своих фундаментальных идей, упрямо следуя им. Он мыслил исключительно в категориях "исторических периодов", прилагая эту концепцию к каждой проблеме ... Когда решение о нападении на Россию окрепло, Риббентроп высказал Гитлеру "сильное предостережение" но, с прискорбием заметил он, "Гитлер был очень сильной личностью, которую нельзя было переубедить ..."

Затем Риббентроп пустился в изложение своей российской политики. Он давно ощущал общность элементов между коммунизмом и нацизмом, делавшую возможным их сближение, несмотря на различие политических систем. Когда он впервые поделился идеей такого сближения с фюрером, тот сразу же отмахнулся от нее со словами о том, что он "боролся с коммунизмом всю жизнь, а ты о нем ничего не знаешь". Риббентроп, однако, не сдавался и, ссылаясь на мнение Бисмарка о необходимости мира с Россией, получил-таки разрешение на попытку заключения торгового договора. Он немедленно послал в Москву Ю.Шнурре, который за какие-то восемь-десять дней заключил приемлемое соглашение. Это звучит "фантастично", сказал со смехом Риббентроп, но для Гитлера толчком в его решении попытаться достичь политического сближения с Россией послужили кадры кинохроники со Сталиным, принимающим военный парад, видимо, - первомайский. Фильм был получен от германского военного атташе в Москве и показан в Бергхоффе. Гитлеру "понравилось лицо Сталина" - "он похож на человека, с которым можно иметь дело", с выражением сказал фюрер, вскоре разрешив Риббентропу попробовать достичь взаимопонимания с Россией ...

На своей первой встрече со Сталиным Риббентроп, еще не ориентируясь в ситуации и возможной реакции Сталина, пустился в длинную "дипломатическую речь". Но Сталин сразу же перешел к делу и сказал, что, хотя обе страны и поливали друг друга грязью (здесь Сталин, по словам Риббентропа, употребил русское слово, означающее жидкий навоз), это не мешает им прийти к согласию. Уже до полуночи в день своего прибытия он составил и подписал со Сталиным пакт о ненападении.

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Фактор времени, заметил Риббентроп, был очень важен из-за "трудностей с Польшей". Он льстил себе тем, что смог завоевать доверие Сталина – этой, по его словам, безусловно, одной из великих фигур истории, хотя, добавил он, "я могу и преувеличивать это его отношение ко мне ...".».

Альберт Шпеер, министр вооружений, обвиняет слабовольных и самоизолировавшихся лидеров третьего рейха в серии удивительно плохих решений (одним из них, как считает Шпеер, была сама война – в сущности вовсе не обязательная). Но самой поразительной ошибкой, на взгляд Шпеера, было нападение на Россию. После разгрома Франции Германия сбавила темп производства вооружений и планировала расширение одного «Люфтваффе» для решающего удара по Великобритании после окончания русской кампании. Лидеры Германии были настолько уверены в своей непобедимости, что думали только, как лучше распорядиться плодами будущей победы. Шпеер, кстати, уверяет, что не знал о планах нападения на Россию, получив первую информацию об этом из газет.

Герман Геринг, рейхсмаршалл, командующий ВВС. После падения Гибралтара и возникновения русской угрозы Дарданеллам Геринг рассчитывал использовать антирусские настроения англичан, усиленные нападением СССР на беззащитную Финляндию, для достижения договоренности с Англией. Таким образом, война была бы закончена в ситуации, когда у Германии на руках были все козыри. Но вместо этого Гитлер решил напасть на Россию: «... его решение о наступлении на Востоке привело меня в отчаяние». Геринг пытался отговорить Гитлера, ссылаясь на его собственную «Майн кампф», где Гитлер сам предостерегал против войны на два фронта. «Я знал, – продолжал Геринг, – что нанести поражение Красной Армии мы еще могли бы, но как заключить с ними мир? Не могли же мы в конце концов идти маршем до самого Владивостока!» Его попытки, однако, оказались тщетны ...

Франц Гальдер, генерал, начальник Генштаба («по единодушному мнению своих коллег, наиболее способный генштабист Гер-

мании после 1919 года, единственный наследник Мольтке и Шлиффена», – аттестовала его разведка союзников): «Я не могу вспомнить, когда точно подготовленный Генштабом план операции был представлен Гитлеру. Помню лишь следующие моменты его обсуждения у фюрера: констатация полной неадекватности разведанных по России была встречена молчанием: соображения о том, что численность личного состава Красной Армии и потенциал России в живой силе оставались практически неизвестны, были отмечены тем аргументом, что самое важное – быстро нанести решающие удары, способные развалить весь большевистский режим, столь ненавистный русскому народу. Намеки на силу России в военном производстве Гитлер отвел словами о том, что русские танки полностью устарели и что "глупо поддаваться блефу российской пропаганды о якобы огромной мощи их военной промышленности"».

Фон Рунштедт, фельдмаршал, командующий группы армий «Юг»: «Я находился на Западе, когда зимой 1940–1941 года впервые узнал о военных планах против России, в выполнении которых мне предстояло участвовать ... По сути дела, я был единственным, кто знал Россию. Я тогда сказал: "Господа, если вы хотите воевать в России, то сезон для кампании там очень короткий из-за ранней зимы, поэтому начинать надо сразу после весенней распутицы – не позднее мая". Думал, что балканская кампания задержала нас по крайней мере на четыре недели, а это много ... У меня не было большого энтузиазма в связи с командным назначением на Восточный фронт. Я всегда был сторонником взаимопонимания с Россией по типу того, что мы имели при генерале фон Секте».

Альфред Йодль, генерал, начальник оперативного управления вермахта. В том году в обязанности Йодля входили ежедневные доклады Гитлеру об оперативной обстановке. Разведка каждый день сообщала о растущей концентрации русских дивизий на Восточном фронте, и немцы не сомневались в том, что готовится акция против Германии. Россия, как думали тогда Гитлер и верховное командование, потребует у Германии свободы действий в таких районах, как Болгария и Румыния. Решение

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

объявить войну России было очень трудным, но всем было ясно, что Россия рвется в слабые страны Юго-Восточной Европы. На взгляд Йодля никакой солдат не начал бы этой войны, но, по общему мнению, она стала необходимой. Последовавшее затем успешное наступление немецких войск подтвердило правильность этих предположений, обнаружив огромное количество боеприпасов, аэродромов и т.п. На вопрос о том, недооценили ли немцы силу России, Йодль ответил, что Гитлер уже в конце 1941 года сказал ему: «Если бы я действительно знал силу русской армии, то вряд ли принял бы то же решение о войне с Россией». Йодль добавил, что кампания русских против Финляндии обеспечила им «прекрасную маскировку, поскольку там они использовали свои худшие войска и самую старую технику».

Вильгельм Кейтель, фельдмаршал, главнокомандующий силами вермахта: «Впервые мысль о кампании против России возникла в ноябре 1940 года в связи с визитом Молотова в Берлин. Тогда состоялись очень долгие и далеко идущие политические обсуждения требований России, предъявленных Фюреру. Они касались Балтики, Финляндии, Румынии, Буковины и других подобных вопросов. С этим же была связана дислокация многих русских дивизий на нашей восточной границе; тогда-то Фюрер и сказал нам: "Думаю, что с Россией дело дойдет до драки, ибо я не могу уступить ее требованиям"».

«...Подготовка к российской кампании началась еще до югославской. Точное время не было определено – его знал только Фюрер. Но все стратегические и оперативные планы были уже подготовлены Генеральным штабом. Мы твердо убеждены в том, что эту войну начали русские, выдвигая дивизию за дивизией к нашим восточным границам. Фюрер уже наметил день наступления, но мы не знали о нем до марта или даже апреля. К тому времени были отданы первые конкретные приказы на случай нападения русских. Последним толчком к этому стало строительство русских аэродромов на всем протяжении от Литвы до Румынии: причем эти аэродромы были неожиданно велики по размерам и имели по две цементированных взлетно-посадочных полосы, тогда как наши устраивались просто на

лужайках. Кроме того, мы должны были поставлять России вооружения в обмен на нефть и другие товары. Например, мы поставляли корабельные орудия калибра 203 миллиметра, которых нам самим не хватало, хотя тогда мы не могли этого раскрыть.

Вопрос: Но ведь у вас был пакт о ненападении и, значит, кто-то его нарушил?

Ответ: Это вопрос не ко мне, он чисто политический. Одной из самых характерных черт Фюрера было четкое отделение военных дел от политических. Риббентропу было указано взять на себя политическую сторону и не вмешиваться в военные вопросы. А военным Гитлер говорил: "Не обсуждайте политику, ваше дело исполнять, что я говорю". Иначе говоря, не суйтесь не в свое дело. Никто не должен был знать о чем-либо больше, чем было абсолютно необходимо для выполнения своей задачи. Это было для нас святым правилом ...»

Фон Рунштедт: «На всю русскую кампанию отводилось около десяти недель. Так или иначе считалось, что русские сдадутся после первых больших поражений. Я в это не верил. Зима пришла рано, даже на Украине, где я командовал, к ноябрю было уже минус десять со снегом, не говоря уже о севере. Однако не совсем верно, что к зиме не готовились. Нашумевшая зимняя форма была запасена, но не доставлена из-за трудностей с железнодорожным транспортом и состоянием автомобильных дорог ... План состоял в захвате по крайней мере кавказской нефти. Моя группа армий должна была взять Майкоп и Сталинград – получив этот приказ, мы не могли сдерживать смеха. К тому времени мы уже прочно сидели в грязи, болотах, снегу и во льду ... Но Гитлер считал, что все выставленные против нас русские силы будут перебиты примерно в течение десяти недель и тогда русские скажут: "С нас хватит". Расчет делался только на это – ведь нельзя же за восемь недель дойти до Урала, тем более, что русские могли бы все время вводить свежие силы из Сибири. Так что презумпцией Гитлера было просто-напросто переломить костяк русской армии».

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

Вильгельм Кейтель (отвечая на вопрос о расчетной продолжительности войны с Россией): «На сей счет были разные мнения. Лично я считал, что, если нам удастся побить Россию в короткой кампании, скажем, к зиме 1941 года, тогда дальнейшее стало бы ясно ... Ко времени наступления на Москву мы еще могли считать, что соотношение сил складывается в нашу пользу. Однако позднее мы поняли, что, если не закончим войну к зиме, в России поднимется новая военная мощь на борьбу с нами ...»

Вопрос: Когда фюрер понял, что война может принять затяжной характер?

Ответ: После решающих боев под Брянском, которые стали тяжелым поражением для русских, или в ходе осады Москвы и Ленинграда, и уж, конечно, после сражений на Дону пришлось признать, что война будет долгой. Не знаю, когда именно это осознал Фюрер. Он никогда не делился такими вещами. Думаю, однако, что уже зимой 1941-1942 года он хорошо понимал, что эту войну не привести к быстрому концу».

Шпеер о последних днях «третьего рейха»

Роберт Мерфи (политический советник США в Германии) госсекретарю США, 6 июня 1945г: «...Имею честь довести до Вашего сведения содержание допроса рейхсминистра Шпеера, имеющего крайне интересную информацию о событиях в Берлине и окружении Гитлера накануне падения рейха. Хотя очевидно, что Шпеер пытается оправдать собственные действия, он дает очень поучительную картину интриг и конфликтов, разыгрывавшихся в руководстве нацистской партии и государства».

«Падение третьего рейха Шпеер объясняет моральным разложением его лидеров, симптомы которого отчетливо проявились еще до начала войны. Наиболее вопиющим выражением этого упадка был расслабленный и роскошный образ жизни. В других случаях он обретал форму крайней коррупции. Самым коррумпированным из своих бывших коллег Шпеер назвал Геринга, который своим мародерством и накопительством далеко обошел других вождей партии. Но почти все они – от министров в Берлине до гаулейтеров – имели вкус к богатой и беззаботной жизни, разнообразию в вине и женщинах. Шпеер объясняет эту слабость своих коллег следующим образом: большинство из них

вышло из бедности и дорвалось до власти уже в зрелом возрасте. Поэтому они решили провести оставшиеся годы среди роскоши и комфорта, которых были лишены смолоду. Гитлер же не вмешивался в это по двум причинам: поскольку предпочитал позволять своим соратникам свободу в личной жизни, какую бы форму она ни принимала, а также благодаря негласному соглашению сибаритов не доводить крайности поведения друг друга до сведения Гитлера ...

В бункере много времени уходило на поиски козлов отпущения. Одним из них было гражданское население – генералы без устали твердили, что оно не желало обороняться из-за страха разрушения своих городов и местечек. Другими козлами отпущения стали полевые командиры, которых в последние месяцы меняли каждые две-три недели. Часто эти перетряски доходили до уровня командиров дивизий. По мнению Шпеера, на протяжении всей войны лидеры Германии оставались жертвами своей пропаганды, и это было неизбежно в силу их полной изоляции от критики и вольных суждений.

К концу войны большие споры разгорелись вокруг политики выжженной земли, в которых сам Шпеер активно участвовал ... Большая группа лидеров считала, что немецкий народ не переживет поражения (что было пропагандистской линией) и потому не видела нужды в предоставлении ему средств для выживания. Это убеждение, по словам Шпеера, не было ни рациональным, ни всеобщим. Геринг, которого Шпеер неоднократно аттестовал как предателя, например, полагал, что стоит лишь сдать америкам, как те примут его как друга. Гиммлер считал себя незаменимым для наведения закона и порядка в Европе ... Некоторые фанатики в этот период ратовали за применение химического оружия ... Но самый интересный проект предусматривал передачу союзникам так называемых «кивающих ослов» – таких поддакивающих, как Кейтель, Гиммлер и ряд других. Планировалось погрузить их в самолет и отправить через линию фронта в надежде на то, что это умиротворит союзные армии и улучшит их отношение к немецкому народу. Тогда же Шпеер встречался с генералом Кинзлером для обсуждения отвода группы армий Висла к западу от Берлина с целью спасения города. Этот план, о котором многие знали, так и не был

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВЫ

представлен Гитлеру или партийным вождям, хотя большинство потенциальных доносчиков одобряло его. Но не было никаких шансов на одобрение плана Гитлером: убеждение последнего в том, что поражение будет означать ликвидацию немецкого народа, делало его глухим к любым компромиссным предложениям. На этом заседании, к удивлению почти всех собравшихся, Гитлер объявил, что останется в Берлине до последнего и только затем вылетит на юг. Одной из причин удивления окружения был очень абстрактный характер обсуждения эвакуации. Кроме того, ранее в тот же день Гитлер приказал вывести части «фолькштурма» из Берлина. Соответственно рассудили, что они будут оборонять пригороды, после чего Берлин, по сути, превратится в открытый город. Геббельс, который, по признанию Шпеера, в конце проявил смелость, одобрил план сопротивления до последнего. Он объявил, что останется в Берлине – городе, бывшем когда-то под его управлением и ставшем свидетелем его наибольших успехов.

Мало кто из высшего руководства разделял геббельсовский энтузиазм бороться до конца: сразу же после совещания стали изобретаться самые разные предлоги убраться из Берлина по служебной необходимости. Срочные дела далеко от Берлина нашлись даже у тех, кто годами не покидал его (отметим, что Шпеер неоднократно акцентировал жажду самосохранения среди нацистского верховного командования). В конце совещания Геринг сказал Гитлеру, что должен срочно отправиться на юг для организации там линии обороны. Гитлер холодно пожал ему руку и попрощался. Он ничего не сказал ему приватно и был явно разочарован трусостью Геринга и других. Гитлер всегда был убежден, что его последователи, независимо от степени своей лояльности, были, по крайней мере, людьми мужественными. И в этом, согласно Шпееру, он ошибался.

...Бункер, по описанию Шпеера, стал сценой одной из самых невероятных и потрясающих исторических драм. В нем оставались те немногие, кто остались верны Гитлеру и были готовы идти до конца. Среди них были Кребс, Бургдорф, четыре-пять младших офицеров в роли адъютантов (способные ребята, сказал Шпеер), Борман, Геббельс, фрау Геббельс и их шестеро детей, а также Ева Браун, приехавшая из Баварии, несмотря

на запрет. Гитлер, по словам Шпеера, был собран и «в мире с самим собой». Он снова стал похож на того Гитлера, которого Шпеер знал еще до тягот и груза войны.

Гитлер был глубоко тронут появлением в бункере Шпеера. В те дни мало кто возвращался в Берлин, почти все двигались в обратном направлении. В бункере шел спор. Борман, а вместе с ним и ряд других советовали Гитлеру покинуть Берлин и продолжать командование из Оберзальцберга. Геббельс доказывал, что Гитлеру следует остаться и умереть в Берлине, как намеревался сделать сам Геббельс. Шпеер (который, заметим, явно желал бы мученического конца своим коллегам) придерживался того же мнения и предложил самолет для эвакуации фрау Геббельс с детьми. Она отказалась. Поговорив еще с Гитлером наедине и при других, Шпеер покинул бункер около четырех часов утра. Гитлер, думает Шпеер, к тому времени твердо решил остаться, он был собран, поскольку знал, что жизнь его кончена. В разговорах Гитлера очень беспокоило, что станет с его трупом. Он знал, что сделали с телом Муссолини, и хотел во что бы то ни стало избежать подобной участи. Поэтому вместо смерти на баррикадах, где русские могли бы захватить его, он решил совершить самоубийство, когда дело подойдет к концу. Он дал твердые указания о кремации своего тела, и Шпеер не сомневается, что они были исполнены в точности.

Совет Шпеера Гитлеру остаться и быть убитым (или совершить самоубийство) был продиктован его желанием сохранить Гитлера в истории как легендарную героическую фигуру. Если Вас убьют или захватят в вашем баварском прибежище, сказал он Гитлеру, создать такую легенду будет труднее. Смерть в разрушенном снарядами Берлине подать гораздо легче (здесь Шпеер употребил другие слова). Однако сейчас Шпеер не полностью доволен будущим гитлеровской легенды. Если конец самого Гитлера был в целом удовлетворительным, то конец его ближайшего окружения – крайне неподходящим. История, говорит он, любит заключительные события. Поэтому историки, как он опасается, вряд ли уделят должное внимание славным дням национал-социализма, зато они подробно будут расписывать как крысы покидали тонущий корабль».

POST – MORTEM

Из докладов политической разведки
при штабе Эйзенхауэра от 7 и 14 мая 1945 г.¹³

«Немецкие генералы. Со времени вторжения во Францию мы захватили в плен более трехсот немецких фельдмаршалов, генералов и адмиралов, из допросов и поведения которых становится ясно, что они все еще остаются рассадником опасных политических идей. Например, они утверждают, что **Генеральный** штаб Германии не несет ответственности за поражение вермахта, поскольку причиной тому были плохое руководство Гитлера и вмешательство нацистской партии. Они изо всех сил распространяют легенду о непогрешимости офицерского корпуса, приписывая поражение германской армии ошибочным решениям политиков. Тем самым они уже пытаются отмежевать армию от гитлеровских деяний и доказать, что армия ни в чем не виновата, так как она не ответственна за злодеяния против мирного населения, а лишь выполняла приказы нацистов. Так же, как немцы в целом отрицают свою ответственность за ужасы, причиненные миллионам европейцев, немецкие генералы отказываются признать свою ответственность за выполнение нацистских приказов ...

Этот отказ объясняется не только простым упрямством, он коренится в извращенных моральных принципах. Эти генералы оправдывают все, что приносит успех. Успех всегда прав, а провал всегда ошибочен. Было, например, неправильно преследовать евреев до войны, так как это восстановило англо-американцев против Германии. Правильнее было бы отложить антиеврейскую кампанию до победы Германии в войне. Было неверно бомбить Англию в 1940 году, иначе она, на их взгляд, могла бы объединиться с Гитлером против России. Неверно было обращаться с русскими и польскими пленными как со скотом, ибо сейчас они будут так же обращаться с немцами. Было ошибкой объявить войну США и России, поскольку

¹³ *Joint Intelligence Committee. Intelligence Reports, May 7, 14, 1945 // Ibid. 740.0011 EW/5–745, 5–1445.*

вместе они были сильнее Германии. И это не отдельные заявления пронацистских генералов, такие мысли преобладают почти у всех. Им просто не приходит в голову, что уничтожить целую расу или истреблять пленных аморально само по себе.

Эта полная аморальность сочетается у них с пунктуальным почтением к формальностям. Они одержимы своей присягой Гитлеру, которая по сей день не позволяет им открыто критиковать его действия. Слово *Ehre* (честь) не сходит у них с языка, но оно означает не нечто общесправедливое и достойное, а только то, что на пользу Германии, причем с помощью этого растяжимого понятия можно оправдать любые самые темные дела.

Генералы встревожены провозглашенным намерением Объединенных Наций искоренить германский милитаризм. Но мало кто из них верит, что немецкая армия будет ликвидирована надолго. Они собираются воспитывать молодое поколение, дожидаясь подходящего политического момента, который даст им возможность возродить немецкую армию. Даже генералы, настроенные против нацистов, хвалят их за восстановление немецкой армии. Многие из них стали бы охотно воевать вместе с союзниками против России, если бы это помогло воссоздать их военную машину. Вообще, германское главнокомандование буквально лезет из кожи, чтобы посеять рознь между союзниками и Россией ... Это очень циничная и хорошо рассчитанная кампания, отчасти продиктованная стремлением доказать правоту гитлеровской концепции истории. Новейшая немецкая аргументация на сей счет такова. Нацистская партия (ответственная за поражение в войне) была порочным инструментом, т.к. она вынудила англо-американцев к разгрому Германии. Теперь эта партия ликвидирована, и ее место в борьбе с большевизмом займут союзники. Поэтому Германия должна помочь союзникам и выступить против России. Обманом привлекая союзников к восстановлению Германии как заслона против русских, Германия вернет себе роль великой державы ... Немецкий генералитет по существу не покладает рук, чтобы нанести поражение союзникам в час их общей победы».

Искренность запоздалых сожалений большинства фашистских вождей о неудавшемся походе на Россию, как роковой ошибке, не вызывает особых сомнений, да и трудно было извлечь иной урок после Сталинграда, Курска и Берлина. Иначе (хотя и тоже очень понятно почему) обстоит дело с перекладыванием всей ответственности за случившееся на плечи демонического фюрера. Здесь допрашиваемые явно лукавили. Конечно, война с Россией и ее последующее порабощение были навязчивой идеей Гитлера, но документальная история «третьего рейха» не сохранила никаких свидетельств сколько-нибудь заметной оппозиции оформлению этих бредовых планов, будь то со стороны профессиональных военных или политических советников Гитлера.

Достаточно пролистать известный дневник того же Гальдера, чтобы убедиться, что даже самые лучшие из «наследников Мольтке» в угаре блицкрига пренебрегли его заповедью о недопущении войны на два фронта, захваченные грандиозностью поставленных фюрером задач. Если же у кого-то из них и были тогда сомнения, то они предпочитали держать их при себе в силу того немецкого уважения к начальству, о котором пишет в прилагаемом комментарии американская разведка.

Более сложен вопрос о «советском вкладе» в план «Барбаросса». Приводимая в материалах этих допросов версия о войне как «упреждающем ударе» против якобы готовившейся Сталиным агрессии, впервые выдвинутая еще в ноте Риббентропа об объявлении войны и подхваченная в наши дни досужими авторами типа Суворова, явно тенденциозна и не выдерживает серьезной критики, как показывают работы авторитетных отечественных и зарубежных историков (прежде всего – Г.Городецкого из Израиля) по этому вопросу¹⁴. В военном отношении Сталин, как известно, делал слишком мало для подготовки к грядущей схватке, боясь спровоцировать немцев. В то же время его растущие геополитические аппетиты, предельно откровенно раскрытые Молотовым в ходе ноябрьских 1940 года переговоров в Берлине, носили явно провокационный характер и действительно укрепили решимость Гитлера покончить с Россией. Впрочем, это малоопытная двойственность в поведении Сталина еще ждет специального изучения.

¹⁴ Г.Городецкий. *Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз* / пер. с англ., М., 1999.

И последнее замечание – о тогдашнем американском взгляде на германский милитаризм, отраженном в приводимом комментарии американской разведки (составленном, кстати, известными в последующем разведчиками и дипломатами США – И.Кирпатриком, Г.Рейнхартом, Дж.Бимом). Здесь интересен даже не столько несомненный профессионализм, сколько сама неповторимая психология победного сорок пятого – отвращение к фашизму и настрой на продолжение боевого союза с Россией.

И то и другое скоро пройдет, а бывшие враги станут союзниками в борьбе с «советской угрозой», как и рассчитывали пленные немецкие генералы. Но это уже совсем другая история...

(Перевод документов сделан автором статьи)

Наши авторы

Мяло Ксения Григорьевна

кандидат исторических наук, политолог, публицист

Каджая Валерий Георгиевич

журналист, лауреат премии Союза журналистов Москвы (2000 г.)

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Мальков Виктор Леонидович

профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Печатнов Владимир Олегович

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и
политологии стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ

Our authors

Myalo Kseniya Grigorievna

Ph.D., historian, specialist in political sciences, publicist

Kadzhaya Valeriy Georgievich

journalist, the winner of the Moscow journalistic Union's premium

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci., historian, Professor, head specialist of the Institute of Slavic Studies RAS

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
head specialist of the Institute of World History RAS

Pechatnov Vladimir Olegovich

D. Sci., historian, Professor,
Chair of the Department of European and American Policy
of Moscow State Institute of International Relations (University)

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

Сергей Кургинян

«ЧИК» и «ЦыК»,

или

**в чем реальное содержание обостряющейся
властной коллизии**

Степан Сулакшин

**Идеология экономической политики России:
проблемы, механизмы формирования, практики**

Александр Орлов

Японский фактор в европейской войне. 1941–1945.

Дов Канторер (Израиль)

Враг у ворот. Юбилейные размышления

Александр Филюшкин

Первые выборы:

избирательная кампания Ивана Грозного

Леонид Фридман

Россия в окружающем мире

Алексей Шевцов

**Политико-правовые возможности и трудности
образования союзного государства
России и Беларуси**

и другие статьи.

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Летний Сад», М. Никитская ул., д.46;

«Гелея», Нахимовский пр-т, д.51/21;

«Графоман», 1-й Крутицкий пер., д.3;

«Наталис», Вешенский пер., д.8/1 стр.2;

«Фаланстер», Б. Козихинский, д.10;

магазины издательства «РОССПЭН»:

ул. Б. Дмитровка, д.15;

Нахимовский пр-т, д.51/21;

ул. Дм. Ульянова, д.19;

Книжная галерея «Нина», ул. Бахрушина, д.28;

магазины ОГИ:

ул. Б. Дмитровка, д.12 («Пирог»);

ул. Никольская, 19 («Пирог»);

Потаповский пер., 8/12;

Киоски МГУ (I и II гум. корп.), МГИМО, РУДН;

киоск в Институте востоковедения РАН

ул. Рождественка, д.12

в Санкт-Петербурге

Книжный салон Российской национальной библиотеки

«Дом Крылова», Садовая ул., д.20;

«Летний сад»:

Невский просп., д.3;

Фонтанка, 15;

Петроградская стор., Большой просп., д.82;

Книжный магазин «АКМЭ»

Менделеевская линия, д.5 (Исторический и философский ф-ты СПбГУ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2005 ГОД!

Подписные индексы:

39363 – в объединенном каталоге «Пресса России» (том 1)

и в каталоге Агентства «Роспечать» (карточная система).

82118 – в каталоге Агентства «Роспечать» (адресная система).

10951 – в каталоге российской прессы «Почта России»

(карточная система).

В редакции подписка и продажа льготные. Тел. (095)291-74-79

Для иностранных читателей подписка проводится через

«МК-Периодика»: (095) 684-50-08 export@periodicals.ru

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство № 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер., 18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (095)291-74-79

факс (095)200-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2005

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 6.06.2005. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ № 5695

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

3. 2005 may-june

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Point of Assembling _____ 4

Russia in the World

Kseniya Myalo

That War _____ 50

Labels and Myths

Valeriy Kadzhaya

How Jews Fought according to Solzhenitsyn
and in Reality _____ 66

Pages of History

Valentina Mar'ina

May 5–9, 1945:
Liberation of Prague Revisited _ 102

Topical Archive

Victor Mal'kov

True Picture of the Beginning
of the World War II _____ 134

Vladimir Pechatnov

The Landscape after the Battle:
Prostrated Germany as Seen
by American Witnesses _____ 172